

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1990
ISSN 0131—0097
ГЕНЕРАЛЬНАЯ
УБОРКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 9 (3266)

24 февраля — 3 марта

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

У здания Тюменского обкома КПСС. (См. в номере материал «Тюменский выброс».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 05.02.90. Подписано к печати 20.02.90. А 09409. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1865. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

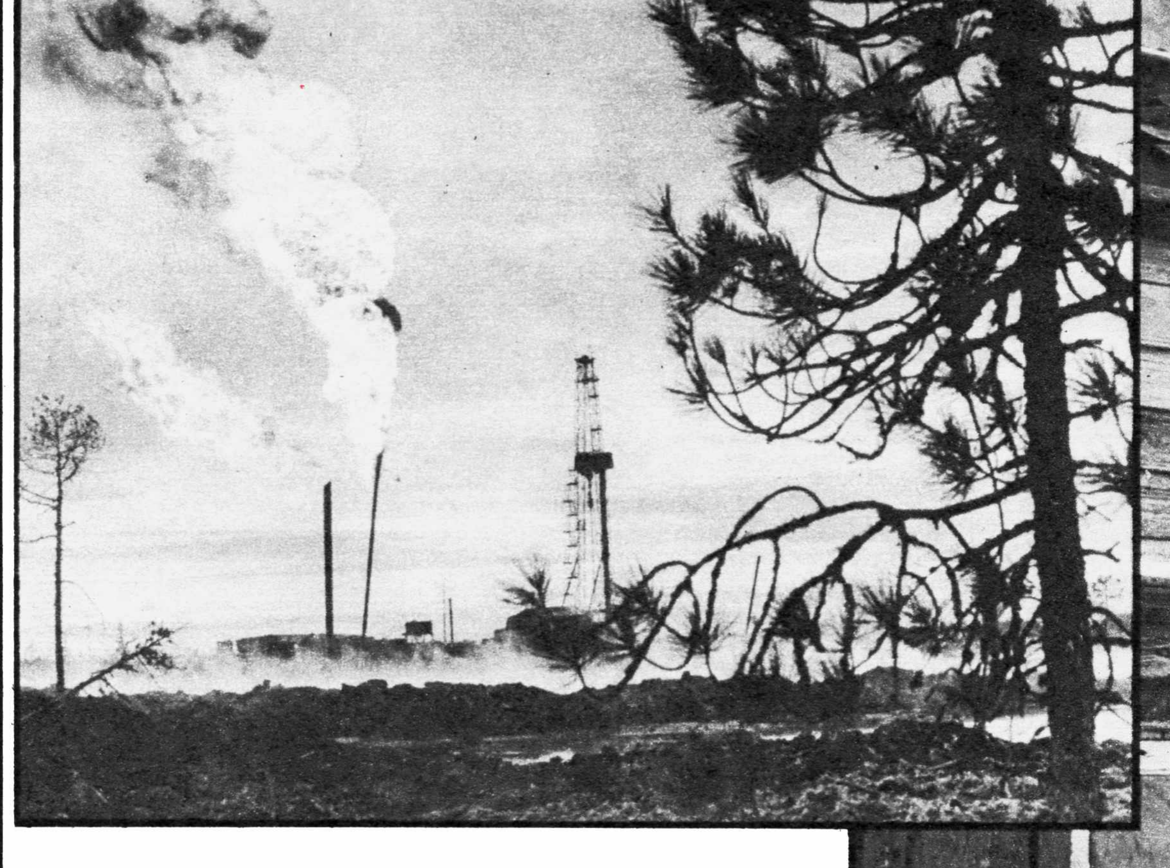
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

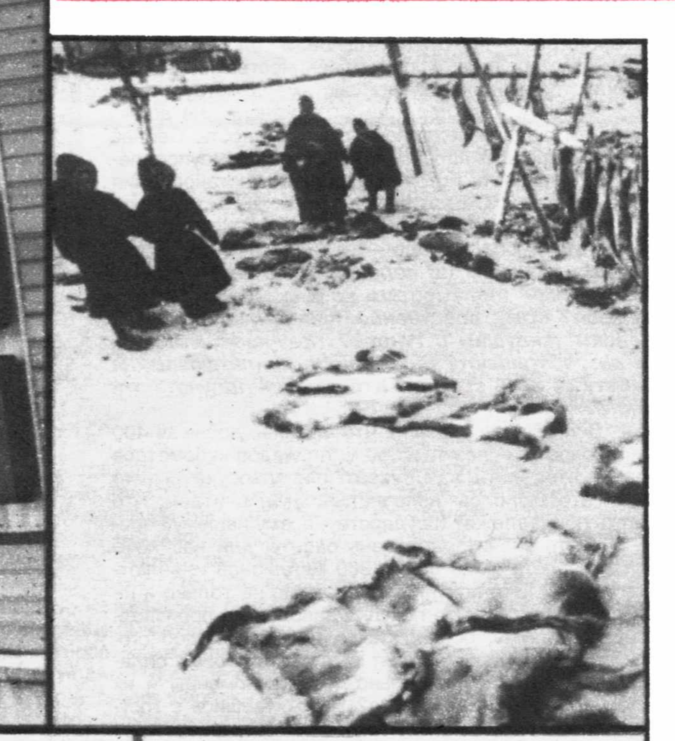

Огонь земли тюменской должен согревать и местное население.

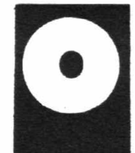
ТЮМЕНСКИЙ ВЫБРОС

Кризис, назревавший в Тюмени долгое время и в социальной сфере, и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в экологии, и в партийной жизни, кажется, достиг предела. В аварийном и ветхом жилье, балках, вагонах-домах проживает более ста тысяч человек. Не хватает многого необходимого, как из продовольственных, так и товаров повседневных. За последние несколько лет по производству товаров народного потребления область сдвинулась с 65-го на 69-е место. Удручающи условия жизни и быта коренных народов Севера. Состоявшийся пленум обкома КПСС отправил на «заслуженный отдых» бессменного в течение почти 17 лет, вчера еще полного сил и энергии первого секретаря Тюменского обкома КПСС Геннадия Павловича Богомякова, а вслед за ним и бюро в полном составе. Ситуация чрезвычайная, но по нынешним временам ставшая достаточно типичной... На пленуме принято обращение к Политбюро ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР «О социально-экономической обстановке в области».

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Отшумели дебаты. Новый первый секретарь будет избран в апреле на отчетно-выборной конференции.

В Тюмени я встретился с председателем временного бюро обкома Виктором Васильевичем Китаевым.

— Как вы оцениваете ситуацию, сложившуюся в Тюменской областной парторганизации?

— Я производственник и более 10 лет проработал на промыслах в Куйбышеве и здесь, в Нижневартовске, на Самотлоре. Напрашивается такое сравнение. Когда ты просчитаешься или просто нарушишь технологию, на скважине происходит выброс. Требуется экстренное и единственно верное решение, чтоб направить стихию в нужное русло. Так и здесь, наверное, накопилось столько энергии в трудовых коллективах, в первичных партийных организациях. Люди отказываются жить по-прежнему. Они хотели высказаться, найти взаимопонимание с руководством, в частности с обкомом КПСС. Но отклика на свои реальные нужды не находили. Их утешали обещаниями. И наконец терпение дошло до предела, грянул гром...

— Но ведь выброс из скважины, если не ошибаюсь, называют катастрофой...

— Вам не по душе метафора? Однако впервые за многие годы случилось так, что все бюро областного комитета партии вынуждено было подать в отставку. Разве это не ЧП? Вопрос стоял даже шире: должен был уйти в отставку весь выборный орган. Люди говорили о том, что необходимо созвать внеочередную партконференцию. Иногда можно услышать от партийных работников, что все эти отставки сами по себе ничего страшного собой не представляют, партия, дескать, перестраивается, издержки неизбежны. По-моему, вопрос стоит гораздо серьезнее. И вот смотрите, что произошло. Функции первого секретаря обкома временно возложили на меня, и я возглавил временное бюро. Через три месяца могут быть

избраны совсем другие люди, ну а пока шишки на этой нелегкой работе набивать нам. Что успели сделать? Отменили пропуска в обком. Решили передать обкомовские дачи, загородные гостиницы, лечебные учреждения для общественного пользования. Еще раньше, осенью, санаторий ЦК КПСС «Сибирь» был передан в ведение облисполкома по инициативе народного депутата СССР Сергея Васильева, обратившегося в Политбюро.

— Виктор Васильевич, вы давно уже работаете в руководящих партийных органах области, но начинали с бурового мастера. Не жалеете, что 15 лет назад сменили карьеру производственника на карьеру партийного функционера?

— Я никогда не соглашусь с тем, что некоторые пытаются сегодня, перечеркнуть всю партийную работу. Приехав в Урай после института, я стал работать помощником бурильщика третьего разряда, вырос до мастера. Здесь же вступил в партию. И меня вскоре пригласили на партийную работу. Прошло года два — и я понял, что теряю квалификацию инженера. И тогда стал просить отпустить меня с партийной работы. А по тем временам уйти с нее было непросто. Удалось «убедить» таким путем. Отправил все вещи в Куйбышев и сказал: не отпускаете на производство, уеду совсем. Отпустили. И проработал я еще семь лет на буровых. Это неплохой путь. Но потом пришлось снова перейти в областной комитет КПСС.

— Из вашего рассказа получается, что в партийной сфере существует система рекрутства. Она, как рекрута, кого-то выбирает, вставляет в свою обойму, потом, случается, и выбрасывает, что тогда делать человеку? Профессиональную квалификацию он теряет, начинается ломка судьбы...

— Тут вы, пожалуй, правы. Эта система еще и изменяет характер, внедряя в сознание вместо аргументов, сопоставления «за» и «против», в поведение — безоговорочность суждений и, наконец, диктат. Откуда диктат? От абсолютной уверенности в своей силе, непогрешимости. Когда человек становится функционером, ему уже трудно вернуться к здравому смыслу доводов вместо бескомпромиссного «надо».

— Как вы вообще оцениваете инцидент, происшедший в Тюмени? Не является ли он проявлением процесса, происходящего в стране и в партии в целом? Вспомним подобные события в Чернигове, Волгограде...

— Очевидно, вы правы. Но, во всяком случае, мы не должны вставать на путь забастовок. Тюмень — это 64 процента добычи в стране нефти и 66 — газа. Вот почему на пленуме и принято обращение к Политбюро и Президиуму Верховного Совета внимательнее посмотреть на наши заботы. Сегодня и договорные поставки ухудшаются, и обеспечение продуктами. Мы ставим вопрос так: коли не выполняете обязательств по поставкам, дайте реальный госзаказ, и тогда тем, что сверх заказа, мы сможем распорядиться сами.

Если будем выгребать у себя не все «в пользу государства», а оставлять кое-что для торговли, то сможем тогда и прокормиться, и обустроиться. И если не продает мяса Башкирия, купим у Бразилии. То, что сейчас происходит в Тюмени, проецируется на всю страну — и отрицательное, и положительное. Механизм подачек и попрошайничества в рамках административно-командной системы действует безотказно. Богатства недр земли тюменской не должны нести людям обездоленность и бедность. Сейчас готова концепция перехода области на самоуправление и хозрасчет. Готовится проект постановления правительства. Смысл в том, чтобы область имела полное право хотя бы один день в году работать на себя. Нам много не надо — один день в году...

— Не слишком ли великой получается барщина, если 364 дня работать на дядю и лишь один на себя? Кому, собственно, принадлежит нефть? Ненцам, живущим в тундре? Тюменцам, которые ее разрабатывают? Вахтовикам, прилетающим на работу со всей страны? Кто должен получать эти блага?

— Если бы мы сказали, что Тюмень, добывая 400 миллионов тонн нефти и 550 миллиардов кубометров газа, может жить, как Кувейт или Арабские Эмираты,— это было бы неправильно. Мы считаем, что нефть принадлежит государству, всему нашему народу. Но что значит один день работы для нас? Это означает получение более 300 миллионов инвалютных рублей. Это покупка товаров. Но не только и не столько даже их. Это покупка заводов по производству линолеума, обоев, кирпича и тому подобного. Мы смогли бы соцкультбыт развивать своими силами. Разве это не правильно? Разве тюменцы и их труд не заслуживают этого? Рассчитавшись с государством за все те поставки, которые идут в область, мы стали бы сами решать свои социально-экономические задачи. По-моему, это справедливо.

— На пленуме обкома прозвучал такой упрек: события в Тюмени не вызвали отклика верховных партийных властей. Ни член Политбюро, ни секретарь ЦК, ни даже заведующий отделом ЦК не приняли участия в пленуме...

— Да, меня спрашивали: почему здесь находится лишь замзавотделом ЦК, почему нет секретаря ЦК партии? Вопрос правомерен. По-видимому, ЦК считал, что здесь все спокойно, что можно положиться на местные силы. Думаю, что секретарю ЦК или по крайней мере заместителю Председателя Российского Бюро ЦК КПСС надо было здесь быть. Думаю, что в центре недооценили происходящее здесь.

— А может быть, это еще объясняется и тем (такое мнение тоже, кажется, было высказано на пленуме), что судьба Богомякова была предрешена в Москве?

— Я бы не сказал, что судьба Богомякова решалась в Москве.

— А не сыграли ли в возникновении кризиса свою роль два факта, пусть и несколько разнесенные во времени,— повышение окладов партийным работникам и приезд Е. К. Лигачева, который, судя по откликам и выступлениям на пленуме, вызвал довольно отрицательную оценку?

— С этим я согласен. Рабочие спрашивают: что же дал этот приезд? Визит вызвал недовольство у людей, что наслоилось на имеющиеся уже настроения...

— Какие же можно сделать прогнозы на будущее?

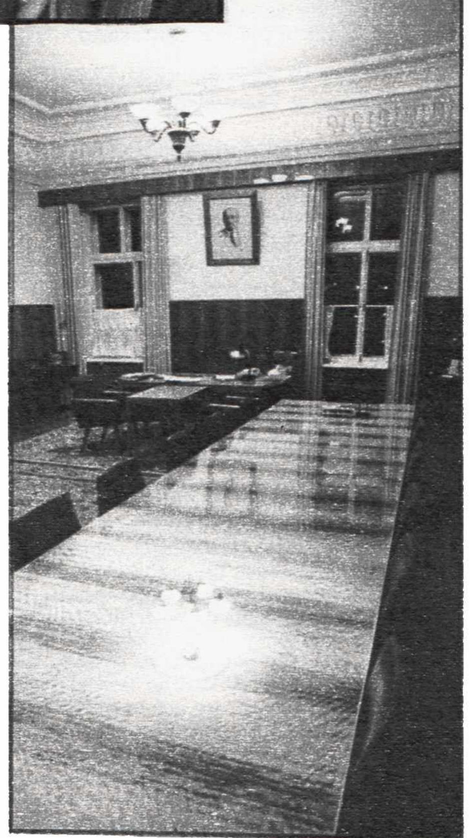
— Текущий год будет крайне сложным. Положение в экономике страны усугубится, что, безусловно, скажется и на жизни области.

Наш разговор с В. В. Китаевым проходил до февральского Пленума ЦК КПСС. Поможет ли этот Пленум разрядить обстановку?

— Безусловно, многие вопросы, волновавшие тюменцев, Пленум прояснил. Но я согласен и с выступавшим секретарем парткома производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз» Ю. Ганьковским, что отношения ЦК к проблемам Тюмени должны быть в корне изменены. Ведь что получается: даже резолюция, что была принята у нас, затерялась в недрах ЦК... Радует же тот факт, что наконец услышаны голоса снизу — голоса секретарей первичек, голоса простых коммунистов без чинов и званий. Только научившись слушать друг друга, объединившись, мы сможем еще что-то изменить к лучшему...

В. Китаев

Члену комиссии партконтроля
при Ростовском обкоме КПСС
тов. Кашляку Г. П.

Редакция получила Ваше письмо, в котором Вы изложили свою позицию в связи с публикацией очерка «Отречение от иллюзий» («Огонек» № 45 за прошлый год). Вы согласны с тем, что «партийный аппарат критиковать нужно и есть за что». Вместе с тем, считаете Вы, «ему частенько ставится в вину и то, что было и чего не было. Он порой обвиняется во всех смертных грехах и бедах... Критика, и зачастую огульная, не ослабевает. Цель ее, по крайней мере для меня, ясна — перед выборами в местные Советы опорочить и противопоставить партаппарат партии и народу». К числу таких публикаций Вы относите и очерк «Отречение от иллюзий».

Причем, пишете Вы, «методы подачи материала, применяемые пока, к сожалению, многими авторами, в том числе и С. Клямкиным, остались на уровне «шельмований» 30—40—50-х годов и так называемого «застойного времени».

Обвинения серьезны. Поэтому, чтобы прояснить позиции, давайте еще раз, товарищ Кашляк, обратимся к фактам.

После того, как начальник строительно-монтажного поезда В. Котельников отказался выполнять противозаконное требование первого секретаря РК КПСС, бюро райкома исключает его из партии. Минуя партийную организацию стройпоезда, вопреки мнению членов партбюро.

Разве, рассказав об этом случае в партийной газете (первая публикация была еще в 1987 году), я противопоставил партаппарат партии, а тем более народу? Факты свидетельствуют об обратном: именно партаппарат, готовивший материалы, бюро РК, принявшее незаконное решение, противопоставили себя низовой партийной организации, рядовым коммунистам, пойдя на явную фабрикацию персонального дела.

Вы утверждаете, что и без журналистского вмешательства в деле защиты Котельникова «сработала диалектика перестройки». Прямо скажем, странно эта «диалектика» работала. Ведь даже после того, как Котельникова восстановили, бюро РК, явно желая настоять на своем, объявляет Котельникову строгий выговор. За что? Ведь парткомиссия при обкоме пришла к выводу, что он ни в чем не виноват. Почему Вы не вступились за него? Вы пишете: «Он не апеллировал». Неужели Вам, члену парткомиссии, хорошо знавшему ситуацию, нужна обязательно еще и апелляция, чтобы защитить коммуниста от зарвавшихся партийных чиновников, чтобы выполнить в конце концов решение обкома партии?

И только после повторного вмешательства прессы справедливость была восстановлена.

Но не успели снять выговор — опять Котельникова исключают из партии. И опять исключает бюро РК КПСС. И опять вопреки решению низовой партийной организации.

Почему же такое недоверие рядовым коммунистам? Ведь в первом случае именно они проявили подлинно партийную принципиальность, а бюро РК — явную беспринципность. Как тут, скажите, товарищ Кашляк, работает «диалектика перестройки»? Раз за разом, отвергая мнение партийной организации, именно райком противопоставляет себя рядовым коммунистам, по существу не доверяя им. Но на кого же тогда райком опирается?

К сожалению, и Вы, как член парткомиссии при обкоме, при проверке жалобы Котельникова не только не сумели объективно разобраться в происшед-

шем, но и делали все возможное, чтобы Котельников остался вне партии. Да, «диалектика перестройки» сработала и в этом случае. Но при Вашем противлении. Так кто же кого и кому противопоставляет?

«Боролся Котельников не с аппаратом за перестроечные идеалы, как это хочется представить Клямкину, а отстаивал свои амбиции, и при этом не всегда честными приемами»...

И это Вы говорите о человеке, которого раз за разом незаконно исключают из партии. У Вас не находится даже слова для осуждения тех, кто использовал свое служебное положение для того, чтобы свести счеты с Котельниковым, тех, кто грубейшим образом нарушал в отношении его законность. Ведь именно амбициозность партийных работников, руководителей правоохранительных органов, причастных к происшедшему, и сделала возможным то, что случилось.

Они просто вынудили Котельникова своими противоправными действиями бороться за свои права. Или Вы предпочли бы, чтобы он смирился, не протестовал? Если уж и говорить об амбициях, то в первую очередь тех, кто во что бы то ни стало пытался доказать недоказуемое, кто во что бы то ни стало пытался сломать коммуниста. Разве я «шельмовал» (пользуясь Вашей терминологией) аппарат, партийные органы, рассказав об этой истории? Не они ли сами делали все, чтобы дискредитировать себя своими же решениями?

Что касается Вас лично, то я даже не счел возможным называть Вашу фамилию в очерке. Мы уже давно освободились от иллюзий, что в «отдельных парторганизациях» есть «отдельные недостатки», в которых виноваты «отдельные работники». И не для того я снова возвращаюсь к публикации, чтобы в чем-то Вас переубедить. В конце концов можно было бы ограничиться письмом непосредственно Вам, сослаться на официальный ответ первого секретаря обкома КПСС Б. Володина, который, в частности, сообщил, что «Ростовский обком КПСС разделяет высказанное в статье «Отречение от иллюзий» мнение о более тщательном изучении персональных дел коммунистов...». Можно было бы сослаться на решение КПК при ЦК КПСС, которая пересмотрела решение бюро обкома партии в отношении Котельникова.

Но Ваше письмо помогает высветить чрезвычайно важную, я бы даже сказал, одну из центральных для нашего общества проблему: насколько законы внутрипартийной жизни соответствуют законам гражданского общества. В этом плане нельзя не обратить внимания на следующий Ваш тезис: «Это, конечно, дело милиции и прокуратуры устанавливать параметры поведения, при которых нужно забирать в вытрезвитель... Но Котельников был пьян, это зафиксировано в медицинском заключении, которое, кстати, никто не отменил и не подверг сомнению». Судя по всему, Вас и теперь абсолютно не смущает то, что областная прокуратура после проверки жалобы Котельникова в «Огонек» пришла к выводу, что задержание и помещение Котельникова в вытрезвитель было незаконным, что были при этом ущемлены честь и достоинство Котельникова, что Ваше партийное расследование и доказательства вины Котельникова строятся во многом на данных тех работников правоохранительных органов, которые были затем наказаны (правда, не все) за допущенные в отношении Котельникова нарушения законности.

Если следовать Вашей логике, то можно прямо в ресторан направить наряд милиции и, выявив всех выпивающих коммунистов, направить их в вытрезвитель. Затем с помощью фельдшера установить степень опьянения — и в партийный суд.

Предвижу Ваше возмущение: зачем передергивать? Ведь такие действия — нарушение прав человека, его чести и достоинства.

Но тогда почему после того, как коллегия областной прокуратуры приходит к выводу, что «нарушены честь и достоинство Котельникова», Вы все равно настаиваете на его исключении из партии?!

Читая Ваше письмо, тов. Кашляк, я, пожалуй, впервые в жизни, впервые за время пребывания в партии задумался: а насколько юридически законны расследования, подобные тому, что Вы провели, чтобы доказать вину Котельникова? Скажите, Вас ничего не смущает, когда Вы требуете письменные объяснения с партийных и беспартийных? Что, по сути, Вы ведете следственные действия?

Судя по письму, не смущает: «В такой ситуации ничего не оставалось, как устанавливать истину». Простите, но разве закон, наша Конституция предоставляют члену парткомиссии право «устанавливать истину»? Как соотносится все это с нашим законодательством? Задумывались ли Вы над этим? Вас не смущает, что партийные органы являют собой в одном, так сказать, лице, по сути, и следствие, и прокуратуру, и суд, и кассационную инстанцию? Вы скажете, что речь идет о сугубо партийных делах, о партийных взысканиях. Но разве два персональных дела того же Котельникова — дела сугубо партийные? Ведь в каждом случае решения партийных органов затрагивали основные гражданские права и свободы личности, честь и достоинство. Вот бюро РК КПСС исключает Котельникова из партии. И тут же направляет в трест, которому подчиняется стройпоезд, официальное представление с просьбой рассмотреть вопрос об освобождении Котельникова от занимаемой должности начальника стройпоезда как «утратившего право руководить коллективом».

Между тем он еще даже не воспользовался своим правом на апелляцию, еще высшие партийные инстанции могут вполне пересмотреть это решение, но райком вынес уже окончательный приговор. И Котельников тут же освобожден от должности. Процессуальные требования в партийном «суде» упрощены до предела: несколько объяснительных, справки — и дело пошло в производство. Какая там презумпция невиновности! Все решается большинством голосов «по партийному убеждению». И все — можешь ставить крест на своей карьере, на деле, которому ты посвятил жизнь: ведь подбором и расстановкой руководящих кадров у нас ведают партийные органы, а в любой анкете, листке учета кадров есть графа о партийности. Кстати, тов. Кашляк, Вы не задавались вопросом, законна ли сама эта графа в анкете при приеме на работу, не является ли уже одно это дискриминацией, нарушением прав личности? И в условиях монополии одной партии, а уж тем более — при возможной многопартийной системе?

В нынешних условиях, при той роли, которую пока сохраняет КПСС в нашем обществе,— исключение из партии как клеймо. Исключен из руководящей партии, из авангарда, составляющего политическое ядро нашего общества. И уже тем самым, выходит, ограничен в гражданских правах. Даже после восстановления, даже после того, как всеми официально признана незаконность исключения, клеймо остается. Вы со мной не согласны? Что ж, обратимся к событиям уже после публикации очерка.

Преследования Котельникова отнюдь не прекратились даже после восстановления его в партии. Наоборот. Делалось все, чтобы скомпрометировать его в глазах общественности. Знаете ли Вы об этом?

На конференцию трудового коллектива одного из институтов, рассматривавшего вопрос о выдвижении Котельникова кандидатом в народные депутаты РСФСР, специально приехала целая группа коммунистов, причастных к незаконному исключению его из партии, «представителей» РК КПСС. Причем этот институт находится совсем в другом районе. Но, видимо, установка была жесткая. И они прилюдно порочили Котельникова, используя в целях дискредитации обвинения, давно опровергнутые областной прокуратурой.

Территориальная окружная избирательная комиссия, рассмотрев случившееся, рекомендовала Котельникову подать в суд на этих коммунистов. О случившемся сообщено первому секретарю обкома партии Б. Володину. Не кажется ли Вам, что все это вылилось уже в откровенное преследование?

«Я нисколько не сомневаюсь, что такое поведение Котельникова, его двойная мораль, не соответствует тем требованиям, которые общество предъявляет к коммунистам». Вы отказываете Котельникову в праве быть коммунистом, ну, а к тем, кто на протяжении этих трех лет преследовал его, как относитесь к ним? Им Вы не отказываете в праве быть коммунистами? Их «мораль» Вас устраивает? Не кажется ли Вам, что случившееся стало возможным только потому, что сами парторганы нередко живут по законам этой самой «двойной морали»? Все более и более противопоставляют себя партии, подрывают ее авторитет. Вы не согласны, тов. Кашляк? Опять виноват журналист? Опять виноваты не методы работы партаппарата, а «методы подачи материала, применяемые С. Клямкиным»?

Вы упрекаете меня: «Автор множество раз употребляет к месту и не к месту слово «аппарат». Для несведущих хочу уточнить, что парткомиссия при Железнодорожном РК КПСС, при Ростовском ГК КПСС, комиссия партконтроля при обкоме КПСС, предварительно рассматривавшие персональное дело Котельникова и вносившие предложения о его партийной судьбе на бюро РК, ГК и ОК КПСС, в основном состоят из коммунистов, не работающих в парторганах. Не состоят только из аппаратчиков и бюро райкома, горкома, обкома партии, принимавших постановления о партийности Котельникова. Так при чем здесь аппарат?»

Неужели ни при чем, тов. Кашляк? Или вы хотите сказать, что Вы все-таки не претендуете на «установление истины» — решения принимают выборные органы? Но в том и беда, что аппарат сращен с выборными органами, что эти органы формируются, а точнее подбираются так, что вирус аппаратного мышления быстро заражает психологию людей, особенно в условиях развращающей монопольной власти. Власти, по сути, ничем не ограниченной, если учесть, что деятельность партийно-бюрократической системы и породившей ее партии, собственно, никакими законами не регламентирована.

Именно поэтому партбюрократия так беззастенчиво нарушала законы в отношении коммуниста Котельникова. И, видимо, именно поэтому в откликах на очерк «Отречение от иллюзий» читатели довольно часто прямо или косвенно ставят вопрос: может ли партия, живущая по законам, отличным от законов гражданского общества, сохраняющая в себе многие традиции и нравы «ордена меченосцев», быть руководящей силой этого общества?

Думаю, что одобренный на февральском Пленуме ЦК КПСС проект платформы к предстоящему съезду при всей дискуссионности и неоднозначности ряда положений в определенной степени уже сейчас отвечает на этот и другие «жесткие» вопросы, волнующие наше общество.

Но, читая Ваше письмо, знакомясь с некоторыми выступлениями участников Пленума, в которых также мелькали сильные выражения типа «шельмование партийных кадров», анализируя события в ряде областных организаций, отчетливо сознаешь, что путь к обновленной, демократической партии будет непрост, что многие партийные функционеры не только не готовы к политическому диалогу, но и не приемлют, не хотят его.

Да, нелегко вести сегодня такой диалог. Иной раз он оборачивается прямым ультиматумом оппонентов. Но разве не наша с вами партия (в этом ее драма) разрушила культуру политического диалога? Разве не правящая партия на протяжении десятилетий дискредитировала своих, что там политических противников,— просто тех, кто как-то пытался противостоять ее тоталитаризму? Разве не правящая партия в ответе за «политический язык» аппаратной интриги, махровой демагогии и массового беззакония?..

Горько... Но давайте хоть бы сейчас освобождаться от языка тоталитарного мышления.

И наконец, последнее. Вы отказываете мне даже в праве писать о деле Котельникова под тем предлогом, что я уже защищал его в печати после того, как его исключили из партии в первый раз. «Ради чистоты эксперимента не лучше ли было поручить материал о Котельникове журналисту, с ним незнакомому». Не хочу ловить Вас на слове, но для меня, для «Огонька» борьба за человека не может быть «экспериментом».

Сергей КЛЯМКИН

■

Я кандидат в депутаты Московского городского Совета народных депутатов от Таганского района. На январском собрании кандидатов мы прослушали сообщения председателя райисполкома и его заместителей. Нам рассказали, как хорошо, по плану идут дела в районе, но главное содержание встречи было не в том: нас обучали тому, как не следует вести избирательную кампанию. Два тезиса были основными: никто не смеет тратить деньги на избирательную кампанию, кроме избирательной комиссии; никто из кандидатов в депутаты не должен получать преимущества, а поэтому никаких листовок, никаких плакатов, а публичные выступления — по расписанию избирательной комиссии. Вручать копии программ избирателям нельзя, но можно показать «из рук» во время встречи. Если кто сие нарушит, избирательная комиссия лишит его мандата...

Среди слушателей возникло недоумение. Один из кандидатов в депутаты пытался процитировать Закон, в котором ведь разрешается беспрепятственная предвыборная агитация! Ответы из президиума были такого рода: «Всем — равные шансы, никакой самодеятельности, иначе...»

Затем председатель посетовал, что избиратели плохо ходят на встречи с кандидатами. А, по-моему, удивляться нечему. Избиратели не очень-то интересуются избирательной кампанией. «Листовочная война», которая очень напугала кого-то во время предыдущих выборов, привлекла внимание людей, наглядно показывала политические противоборства. Можно было хотя бы составить представление о платформе некоторых кандидатов в депутаты. Сейчас нам, кандидатам 410-го избирательного округа, предлагают по два раза встретиться с избирателями в красных уголках, где и стульев-то человек на 50—60. На первую из таких встреч явилось человек пятнадцать. Похоже, что руководство района стремится превратить выборы в пустышку, фактически не представить 19 конкурирующих кандидатов избирателям (потому что нельзя считать знакомством краткую биографическую справку на общем предвыборном плакате в красном уголке). Наши «платформы» чуть не оказались ненужными бумажками, а на самом-то деле они — интереснейший документ, показатель современного уровня общественного сознания.

Ощущение от всего этого создалось такое, что кандидат в депутаты, получая мандат, сразу становится подозреваемым в нарушении Закона о выборах, и снять это подозрение можно только после его окончательного провала! Удивительно все-таки умеют у нас использовать законы!

В. ЛЯШЕНКО,
кандидат в депутаты
Московского городского Совета,
доктор медицинских наук

■

Я — один из множества обычных врачей так называемого войскового звена. Наша центральная печать охватила очень многие проблемы Вооруженных Сил. О нас же — ни слова. А проблем у нас накопилась уйма. Помимо общевоинских, есть много специфических военно-медицинских.

Самая главная беда, на мой взгляд, состоит в том, что нами руководят не врачи, не специалисты в области медицины. Нами руководят командиры частей. В подавляющем большинстве случаев эти люди видят в нас строевых офицеров, а не специалистов. Качество же оказания медицинской помощи командиров волнует очень редко, обычно тогда, когда дело касается их собственного здоровья.

В лечении многих заболеваний без госпиталя или хотя бы поликлиники не обойтись. Ведь мы вооружены только ГПУ — глаз, палец, ухо. К тому же в частях за редким исключением лечить мы можем очень ограниченное число заболеваний, даже если имеем специальную подготовку. То есть войсковые врачи превращаются в диспетчеров, направляя больных к соответствующим специалистам. А сами остаемся не у дел. От этого очень сильно страдает профессиональная подготовка. Ведь не у каждого есть под боком госпиталь, где можно работать по своей специальности. Нередки случаи, когда хирурги войскового звена делают за год 2—3 операции, а то и вообще ни одной. Терапевтам и того хуже, а о невропатологах и ЛОР-врачах и говорить не приходится.

Оппоненты могут мне возразить, что, мол, есть приказы министра обороны, где регламентировано множество способов повышения врачами их квалификации. Но в частях царь и бог — командир, а не министр, а уж первый всегда найдет предлог не пустить своего доктора на учебу. Он ведь не заинтересован ни с какой стороны в повышении мастерства медицинских работников.

Врач в части, кто он — офицер или специалист, причем специалист очень специфический? Для командования мы — строевые офицеры. Должны строго следовать распорядку дня и присутствовать на всех мероприятиях типа марксистско-ленинской подготовки. Но ведь люди-то болеют не по распорядку дня. Больной может прийти в любое время. А вот лично мне както раз было указано, что во время построений никаких больных быть не должно.

Теперь возьмем наши общевоинские уставы. Чтобы заниматься всем, к чему они нас обязывают, нужно не менее 48, а то и 72 часов в сутки. Одни отчеты чего стоят. А планы? Да большинство этих в общем-то важных и нужных документов пишется простыми солдатами и матросами, фельдшерами и санитарами. А по ним, между прочим, судят о таких вещах, как уровень заболеваемости в Вооруженных Силах. Ну кому нужна эта «липа»? Причем многие, если не все, знают про это. Планы переписывают из года в год или просто меняют наклейку на папке с ними.

Также хочу сказать, что снабжение у нас ничуть не лучше, чем в гражданском здравоохранении. Я имею в виду войсковое звено. Так же нет анальгина, аспирина, алмагеля, пипеток и многого другого. А ведь дефицит, и не только он, вымаливается, выклянчивается, меняется, иногда покупается за свой счет. Правда, иногда он поступает в огромных количествах и, естественно, пропадает.

О наших бедах можно писать много. И не потому ли одними из первых, как только объявили сокращение ВС, бросились увольняться именно военные медики? Даже не посмотрели на более высокую зарплату и массу льгот, положенных военным.

С. КИСЕЛЕВ,
лейтенант медицинской службы
Владивосток

■

В условиях однопартийной системы невозможен выход из экономического и политического кризиса, в котором сейчас находится наша страна, да и не только она, а вся социалистическая система. Считаем, что сейчас наступил тот момент, когда необходимо думать о стране прежде всего, а потом о партии. Уже стало общепризнанным, что монополизм ведет к застою, деградации. Только в условиях жесткой конкуренции возможен прогресс, движение вперед. Наглядный пример — наша экономика. То же самое у нас случилось и в области политики.

Монополия на власть привела к многим негативным явлениям: коллективизация, сталинизм, застой. Могло ли бы это случиться в демократическом обществе? Считаем, спасти страну могут только условия, при которых Коммунистическая партия, наравне с другими партиями, будет вести борьбу за власть, когда она будет чувствовать, что народ отвернется от нее, если она будет поступать вопреки его интересам. Это тем более актуально в преддверии выборов в местные органы власти. Выборы в Верховный Совет демократические силы проиграли. Если же страна все-таки свалится в пропасть, на краю которой она находится, то виноваты в этом будут только Коммунистическая партия, та система, которая ею была создана. У народа не будет выбора. Что из того, что наши руководители соглашаются взять ответственность за ситуацию и возложить ее на партию. От этого легче не становится. Только партия может быть инициатором и гарантом перестройки! Да в это же мало кто верит. Мы надеемся, что победит здравый смысл, как это случилось в Польше, Венгрии. Нельзя допустить, чтобы опять партийные интересы возобладали над общенародными.

В. СИНИЛЬЩИКОВ,
С. ЛУКАШЕНКО,
рабочие
Орджоникидзе

■

В первом номере «Огонька» за 1990 год опубликованы письма Бориса Леонидовича Пастернака к его жене Зинаиде Николаевне. В связи с тем, что многие читатели выражают интерес к судьбе оригиналов писем, я считаю необходимым осветить некоторые факты.

8 октября 1963 г. я приехала на дачу к Зинаиде Николаевне Пастернак. Повод моего приезда на этот раз был необычен, почти невероятен. Зинаида Николаевна предложила мне приобрести все письма, открытки, телеграммы, адресованные ей Борисом Леонидовичем.

Известно, что Зинаида Николаевна осенью 1963 года находилась в крайне стесненном материальном положении. Пенсии она не получала, книги Бориса Леонидовича не издавались. Именно в это время она решает продать письма Бориса Леонидовича.

Когда продумываешь эту психологическую ситуацию, необходимо отметить важный момент, который все ставит на свои места. Суть в следующем: Зинаида Николаевна продала письма своего мужа Бориса Леонидовича Пастернака за чисто символическую сумму — пятьсот рублей. И уж, конечно, эти деньги не могли вывести ее из материального тупика, в котором она находилась в то время. Несомненно, что вокруг Зинаиды Николаевны было достаточно состоятельных людей со звонкими именами, охотно уплативших бы ей за письма Бориса Леонидовича несравнимо большую сумму. Очевидно другое: сама мысль обогатиться за счет бесценных для нее писем была неприемлема для вдовы поэта.

Почему же все-таки Зинаида Николаевна решилась на этот шаг? Еще свежи были в памяти раны, нанесенные травлей любимого человека, оскорбительные и угрожающие статьи, выступления... Видимо, в тот период Зинаиде Николаевне ее дом не представлялся надежным убежищем для хранения драгоценных ей писем.

Остается только сказать, почему мне и моей семье было оказано столь высокое доверие. Зинаида Николаевна обратилась за советом к Зое Афанасьевне Масленниковой, большому другу Бориса Леонидовича. Зоя Афанасьевна в 1958—1959 годах лепила с натуры портрет Бориса Леонидовича, который он потом сам отнес на второй этаж и установил в своем кабинете. Неоценима была ее помощь Зинаиде Николаевне: она помогала ей записывать воспоминания о Борисе Леонидовиче, о людях, которые бывали в их гостеприимном доме. Зоя Афанасьевна рекомендовала мою семью как людей достаточно надежных, за которых она ручается.

Мы обменялись расписками с Зинаидой Николаевной. Я старалась никому не говорить, какое сокровище хранится у меня в доме. Но прошло некоторое время, и я стала получать двусмысленные предложения от совершенно незнакомых мне людей перепродать эти письма, издать их за границей...

Я считала, что на мне лежит

АГИТАЦИЯ ПОД КОНТРОЛЕМ ●
ЗАПАДНЫЙ БИЗНЕС В РОССИИ ●
УКОРОЧЕННАЯ ГЛАСНОСТЬ ●
ВОЕННЫЙ ВРАЧ: КТО ОН? ●

ответственность за сохранность доверенных мне Зинаидой Николаевной писем. Поэтому в 1969 году за ту же самую сумму — пятьсот рублей я передала все письма Бориса Леонидовича Пастернака в ЦГАЛИ, где они и находятся по сей день.

Софья ПРОКОФЬЕВА,
член СП СССР

■

Опубликованный проект Закона «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» является, на мой взгляд, наиболее глубокой разработкой Верховного Совета СССР, так как носит всеобъемлющий, универсальный и долгосрочный характер.

Считаю также правильным, что право увеличения пенсий, в частности с учетом непрерывного стажа работы, дано предприятиям. Согласно статье 131 проекта Закона, они могут это делать за счет собственных средств, предназначенных на оплату труда.

Никто не станет оспаривать, что именно предприятие прежде всего заинтересовано в стабильности кадров. Достаточно сказать, что в современном авиационном моторостроении формирование из рабочего или инженера настоящего специалиста своего дела идет, как правило, в течение 8—10 лет.

Но в проекте Закона, к сожалению, отсутствует элемент социальной защищенности пенсионеров — ветеранов предприятий. Они не имеют никаких преимуществ перед «летунами», меняющими место работы в поисках «длинного» рубля.

Намечаемое право предприятий повышать размеры пенсий своим ветеранам скорее всего останется на бумаге в быстро меняющихся условиях хозяйствования. Достаточно вспомнить введенный с 1 октября 1989 года прогрессивный налог на фонд оплаты труда, ограничивавший его рост 3 процентами в год. И захочет ли коллектив делиться своим фондом оплаты труда с пенсионерами — тоже большой вопрос!

Предлагаю внести в Закон градации увеличения начисленных размеров пенсий за непрерывный стаж работы на одном предприятии. Цифры и подходы здесь могут быть разные: например, начисленная пенсия увеличивается на 1 процент за каждый год работы на предприятии, но не менее 10 лет, или на 10 процентов за каждые полные 10 лет непрерывной работы. Одно лишь должно быть оговорено — это в обязательном порядке делается предприятиями, где пенсионер непрерывно работал, из собственных фондов. Закон должен стоять на стороне ветеранов.

М. МАЙЗЕНБЕРГ,
начальник отдела Рыбинского моторостроительного производственного объединения
Рыбинск

■

Ничего нет удивительного в том, что отклики на широкую информацию о деятельности комитетов народного контроля бывают разные. О результатах проверки письма одного из егерей Смоленской области упомянуто в интервью председателя КНК СССР Г. Колбина «Правде», о них рассказала телевизионная программа «7 дней». Речь шла, по сути дела, об одной из форм привилегий — охоте в льготных условиях. Охоты законной с точки зрения ведомственных инструкций, но трудно совместимой с нормами нравственности и общепринятыми понятиями социальной справедливости.

Ответственный секретарь Смоленской писательской организации В. Смирнов, например, пишет о горячей поддержке «справедливой критики в адрес одного из «ответственных охотников» — председателя Смоленского облисполкома А. Орлова». А вот (прошу прощения за длинный титул, но так в письме) член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, член охотколлектива Одинцовского района Московской области В. Смирнов не может «отделаться от ощущения, прочитав интервью и посмотрев телерепортаж, что идет кампания по избиению определенной части общества в угоду потомкам Шариковых».

Ко всем этим мнениям отношусь с пониманием и уважением. Но вот с чем никак нельзя согласиться, так это с попыткой бросить тень на достоверность информации, представленной КНК СССР телевидению и газете.

О такой попытке говорит анонимная публикация в той же «Правде» от 2 февраля под заголовком «Охота пуще неволи». «Проведенной по поручению обкома партии проверкой... установлено, что случаев формирования областных команд охотников не было вообще,— цитирует газета письмо первого секретаря Смоленского обкома КПСС тов. А. Власенко.— Он (председатель облисполкома А. Орлов) лишь однажды (27 декабря 1987 года) был в этом хозяйстве на охоте. Она была проведена согласно правилам и прейскурантам...»

К сожалению, установленное «по поручению обкома» далековато от действительности. Похвально, что проверяющие копнули аж 1987 год, обидно, что не увидели в книге выдачи путевок на охоту записи за 1989 год. Там сказано достаточно четко: «Путевка № 664 Орлов А. И. команда Смолоблисполкома». Не проглядели проверяющие эту запись — не было бы недостоверной информации в обком, а его руководителю не пришлось бы невольно вводить в заблуждение уважаемую газету и читателей.

Мог бы предотвратить досадное недоразумение и заместитель председателя облисполкома А. Г. Иванов. Он присутствовал на заседании комитета. Выступил. Горячо доказывал, что случай в охотничьей биографии его шефа единичный и давний. Ему тут же была предъявлена процитированная выше запись, что называется, устно и письменно. Но так уж устроены, видимо, органы чувств у некоторых людей, что ощущают они, не то, что бишь видят и слышат, не то, что есть на самом деле, а лишь то, что приятно будет узнать их руководству. Не из этого ли аппаратного мироощущения родилась информация в «Правде» о том, что «на заседании комитета... соответствующего материала пока не обнаружено».

В. ПОБЕДИНСКИЙ,
ведущий инспектор КНК СССР

■

В № 43 за 1989 год было опубликовано мое письмо о попытках установления деловых контактов с советскими предприятиями. Моя фирма обладает экспертизой и знанием технологии, которые так нужны вашей стране.

Мы получили многочисленные предложения от советских предпринимателей и организаций о совместном сотрудничестве. К сожалению, практически все эти предложения страдают отсутствием делового подхода к вопросу о создании взаимовыгодных совместных предприятий. Мало кто спрашивает себя, чем и как они могут привлечь западного партнера, что могут предоставить ему в обмен на столь необходимые западную технологию, оборудование и финансирование.

Нам обещают большие прибыли за счет насыщения огромного советского рынка, но никто не задумывается, что западные партнеры практически не имеют никаких юридических прав для вывоза прибыли из СССР. Следует помнить, что советский рубль является неконвертируемой валютой.

Нам не забывают упомянуть о почти бесплатной советской рабочей силе, но о ее «качестве и продуктивности» знает весь мир.

В некоторых письмах проходит мысль о том, что многие западные бизнесмены приходят в СССР только с целью обмана. Для большинства компаний жертвовать своей репутацией ради одной сделки — дело очень невыгодное. При этом хочется подчеркнуть, что все невыгодные, с точки зрения СССР, сделки с Западом были подписаны советскими бюрократами, интересующимися только своей личной выгодой, но не страны.

Все изложенное в этом письме является причиной того, что многие из западных бизнесменов, приезжающих в Советский Союз, уезжают ни с чем.

В. БАЛФУР
Канада

■

Три года я был одним из ведущих городской телепрограммы «Добрый вечер, Москва!». Не раз получал предупреждения от руководства редакции, шел на компромиссы, не произнося в эфире раздражающих начальство слов (например, без ответа оставлял десятки телефонных вопросов зрителей, где фигурировала фамилия Ельцина). Считал себя «умеренным центристом», но вдруг выяснилось, что по меркам горкома партии я самый настоящий экстремист. Только не знаю, правый или левый.

На встрече с ветеранами, транслировавшейся по ТВ, первому секретарю МГК КПСС Ю. А. Прокофьеву был задан вопрос: почему экстремистам разрешают выступать по телевидению? Юрий Анатольевич ответил: редакция дала отпор выступлению Кузнецова и Чубайса, должные меры приняты.

А дело в том, что я не счел возможным умолчать о тревожных сигналах в редакцию (иначе для чего объявлять «свободный телефон», настойчиво предлагать зрителям звонить на студию) и зачитал в прямом эфире вопросы зрителей о слухах, касающихся подготовки погромов и инцидента в ЦДЛ 18 января. Мой собеседник в студии, активист московского партклуба доцент Игорь Чубайс, сказал, что в Москве есть мощные демократические силы, готовые противостоять любым погромщикам, и пригласил горожан на манифестацию этих сил 4 февраля. Так город впервые узнал об акции, которая позже в информации ТАСС получила «экстремистскую» окраску. Однако скандал разразился задолго до манифестации. Уже 1 февраля, через день, в эфире извинялся за наше с Чубайсом поведение заместитель главного редактора телепрограмм для Москвы Владимир Троепольский. Он опровергал якобы прозвучавшую из наших уст информацию о том, что «на февраль в Москве назначены еврейские погромы» — именно так послышалось кому-то из начальства и это велено было опровергнуть. У Троепольского не хватило мужества сказать высокому лицу, мол, ничего подобного в эфире не было, есть контрольная видеозапись, есть расшифровка — на февраль «назначены» не погромы, а антипогромная манифестация москвичей.

Так еще по инерции пытаются толковать партийность журналистики: бездумное и безоговорочное послушание. Наша робость и безликость в эфире объясняются тем, что любого из «телеперсонажей» могут отстранить от эфира даже за то, что кому-то из власть имущих не понравилась интонация или выражение лица. Мы-то с Чубайсом не пропадем, а каково штатным работникам телевидения? И никакой Закон о печати тут не поможет...

Г. КУЗНЕЦОВ,
доцент факультета журналистики МГУ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ЦТ ВЛАДИМИР ПОЗНЕР ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА» МАЙРЫ САЛЫКОВОЙ

Он появился на экранах наших телевизоров в 1986 году. Знаменитые телемосты СССР — США с Владимиром Познером и Филом Донахью открыли эру гласности на советском телевидении. Не будет преувеличением сказать, что Владимир Познер явил собою новый образ телевизионного журналиста. В последнее время он чаще появляется в эфире Главной редакции вещания на Москву. По итогам обширного социологического исследования за 1989 год «Политические обозреватели и комментаторы информационных передач ЦТ в оценках московской аудитории» Владимир Познер был признан тележурналистом № 1.

«В наступающем 1990 году Центральному телевидению придется потесниться. У него появляется серьезный соперник и конкурент... Кабельное телевидение, завоевав весь цивилизованный мир, ступило и на нашу почву» («Неделя» № 52, 1989 г.).

«На Витебском заводе телевизионного оборудования... в 1990 году будет выпущено 500 параболических антенн для приема программ через спутник. Стоимость антенны — около 3000 рублей» («Комсомольская правда», 14 января 1990 г.).

«...Возникает вопрос о необходимости подготовки отдельного закона о радио и телевидении, где можно было бы попытаться преодолеть существующие противоречия и пойти на создание рядом с государственным альтернативного телевидения, отражающего взгляды и оценки различных общественных организаций и групп» («Правда», 5 февраля 1990 года. Статья председателя Гостелерадио СССР М. Ненашева).

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ? ДА!

— Владимир Владимирович, известно, что все ведущие политические обозреватели Гостелерадио — коммунисты. Членство в партии в известные времена было обязательным условием профессиональной карьеры людей, работающих в средствах массовой информации. Вы ведь тоже коммунист?

— Да, я коммунист. Я вступил в партию в 1967 году, когда мне было 33 года. Кстати, за два года до этого я был назначен ответственным секретарем журнала «Совьет Лайф», который мы издаем в обмен на журнал «Америка».

В партию я вступил после серьезных раздумий. Думаю, что объясняется это отчасти моей биографией. Я думаю, что если бы я родился здесь, окончил бы школу, как все дети, стал бы октябренком, пионером, комсомольцем и так далее, то, учитывая время, я бы автоматом пошел и в партию. Но поскольку я приехал в Советский Союз в сознательном возрасте, когда мне было 18 лет, в самом конце 1952 года, перед смертью Сталина, то мое отношение ко всем этим вещам — и к комсомолу, и впоследствии к партии — было гораздо более осознанным. И когда в 28 лет я вышел из комсомола, то совсем не спешил вступать в партию.

Я думал, как мне быть. Ведь по своему нутру я человек общественный, политически активный. Было много разговоров. И решающим стал совет старого большевика, латышского стрелка Николая Яковлевича Тиллиба. Он сказал мне: «Володя, если ты хочешь что-то делать для того, чтобы действительность изменилась, и если ты считаешь, что у тебя хватит сил, то вступай в партию. Но имей в виду, что придется тебе непросто. Придется иногда и хитрить, и выполнять то, что кажется тебе несправедливым, но другого пути нет. В нашей стране добиться серьезных изменений, находясь вне партии, если только не призывать к перевороту и к очередной крови, невозможно».

— Вы никогда не жалели о своем решении?

— Слово «жалеть» — не совсем верное слово. Были моменты, когда мне было стыдно, скажем так. Стыдно, что я принадлежу к такой безмолвствующей партии. Партии, которая может единодушно аплодировать Брежневу, Черненко, событиям 1968 года в Чехословакии. Это было. Но, с другой стороны, я не видел альтернативы. Вопрос для меня шел не о КПСС, а о мировоззрении. Я вырос за рубежом. Жил очень хорошо. Мой отец был человеком весьма преуспевающим. Он зарабатывал по нынешним меркам около четверти миллиона долларов в год. Это очень хорошие деньги. Я учился в привилегированных школах, я жил, как привилегированный американец. Я вкусил, я знаю, что это такое. И хотя я очень люблю Америку и никогда этого не скрывал, но считаю, что это колоссально богатое общество — у нас мало кто себе реально представляет это богатство — не сделало людей более счастливыми, не преодолело отчуждения,

не справилось кардинально ни с одной социальной проблемой. Более того, сегодня в еще более богатой Америке еще больше нищих, еще больше несчастных, еще больше отчуждения, еще больше преступности, чем в Америке моего детства. Я пришел к выводу, что, видимо, эта система, хоть она и добивается поразительных результатов, все-таки органически неспособна сделать так, чтобы не было хотя бы голодных. И это при том, что в Америке сконцентрированы несметные богатства.

То, что происходит у нас,— результат тоталитарной системы, не желающей признавать наличие экономических и других законов. Является ли такое положение неизбежным следствием попытки строительства социализма? Время покажет. Но, на мой взгляд, так, как люди живут в той системе, жить они не должны. И поэтому я за другую идею устройства общества: справедливую и гуманную.

— А она не утопична? Вам это не приходило в голову?

— Приходило. И я считаю, что если в течение этого десятилетия то ли в нашей стране, то ли в какой-либо другой социализм не докажет, что он реально способен дать людям больше, чем капитализм, тогда придется, видимо, сказать, что да — это утопия. И значит, должно быть что-то другое. Какое другое — не знаю. И чтобы закончить с этой темой, позвольте сказать еще вот что. Когда я двадцать три года тому назад вступил в партию, то считал, что честный, болеющий за дело человек не может поступить иначе. Сегодня все изменилось. Сегодня совершенно необязательно быть членом КПСС, чтобы реализовать позитивное движение. Более того: если партия в лице ее руководящего органа и аппарата будет все более отставать от происходящих в стране процессов и вместо авангарда, каким себя провозгласила, окажется в обозе, то перед социально активными, совестливыми членами КПСС неизбежно встанет вопрос о выходе из партии.

— Перестройка началась с признания приоритета общечеловеческих ценностей. Наконец-то руководство КПСС перестало смотреть на искусство с точки зрения классового интереса и партийности. Но органы массовой информации оставались и остаются оплотом официального курса. Причем монопольным и тотальным. Что вы думаете об этом как коммунист и как человек, который всегда считался немного инакомыслящим?

— Если посмотреть на пропаганду более широко, то пропаганда — это любое телевидение, любая газета. Скажем, американское телевидение — это пропаганда? Оно партийно? Безусловно. Оно исповедует определенную идеологию, определенные ценности, мировоззрение. Что касается монополий, то, наверное, надо признать, что наше так называемое социалистическое общество породило такие монополии, какие не снились ни одной капиталистической стране. И это прежде всего монополия власти в лице одной партии. При этом не следует путать понятие «партия» с ее членами — ведь их что-то около 20 миллионов, но из этого количества более 19 миллионов не имеют никакого отношения к власти вообще и к контролю над телевидением в частности. Телевидение контролируется аппаратом ЦК КПСС, каждодневно Политбюро и конкретно, скажем, определенным секретарем ЦК и не только им. И тут можно было бы задать вопрос: ведь это Гостелерадио — при чем тогда Политбюро и ЦК КПСС? Ведь председатель Гостелерадио назначается сейчас, как известно, Верховным Советом СССР. Значит, и контроль должен осуществляться не партией.

— Не кажется ли вам, что такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока будет существовать 6-я статья Конституции? Ведь коль сохраняется направляющая и руководящая роль партии в нашем обществе, а телевидение одно, то кто же будет направлять и организовывать, не Верховный же Совет?

— 6-я статья сегодня — это вопрос, если угодно, принципа. Сегодня с моральной точки зрения важно отменить эту статью. Но от этого положение может и не измениться. Я это к тому, что статью эту ввели лишь в 1977 году, контроль же аппарата партии не был менее всесилен до этого. Кстати, о контроле. Бесконтрольного телевидения не было, нет и не будет. Кто платит, тот и заказывает музыку. Более умный, гибкий, заказывая музыку, позволяет играть вариации на тему... Или даже импровизации. А тупой говорит: нет, будете играть сугубо по моим нотам. И в этом, пожалуй, разница между контролем у нас и контролем «у них».

— А разве разница не в том, что у нас платят чужие деньги, а музыку заказывают свою?

— Что значит — чужие?

— Конкретно партия, заказывающая музыку, ничего не производит. Даже если бы платились деньги из партийной копилки, партвзносов и т. д., то ведь музыку подчас заказывает и всегда контролирует аппарат, а платят остальные 19 миллионов и несколько сот тысяч коммунистов, которых ни о чем не спрашивают. Я не говорю уже о том, что этих денег явно недостаточно, и в ход идут и деньги других, не имеющих никакого отношения к партии людей. А на Западе предприниматель покупает свою студию и возможность вещать за свои деньги.

— В ваших словах есть определенная логика. Но если завтра партия перестанет контролировать ТВ и займется этим Верховный Совет, так ведь и он ничего не производит, он выделяет средства из бюджета, который, как мы знаем, складывается из труда всего населения.

Что же до коммерческого телевидения в буржуазных странах, то оно зависит от **рекламодателей.** Но в конце концов, с точки зрения обыкновенного потребителя, все это не имеет принципиального значения. Когда я смотрю на экран, мне все равно, кто платит. Я, возможно, понимаю, что осуществляется контроль, что в одном случае мне не будут давать новости о партизанской войне в Сальвадоре, поскольку тот, кто определяет политику, не хочет, чтоб я знал об этом. А что в другом случае мне не будут показывать и рассказывать, что же произошло в Китае и что случилось на площади Тяньаньмэнь. Для меня принципиально то, что кто-то решает за меня, что я могу узнать, а что не могу. Поэтому-то мне важно, чтобы я имел доступ к **разным** источникам. Вот, например, в Англии Би-Би-Си — это государственное телевидение, которое в значительной степени живет за счет государственных субсидий. И государство, в общем, контролирует Би-Би-Си. Но рядом с Би-Би-Си есть Ай-Ти-Ви, коммерческое телевидение, которое существует совершенно на другие деньги и контролируется другими интересами. И я могу, повернув ручку телевизора или нажав на клавишу, посмотреть и то, и другое. Вот что для меня важно. Наличие выбора.

— Что же нам мешает иметь этот выбор?

— Главная преграда, на мой взгляд,— политическая. Вплоть до недавнего времени Гостелерадио пыталось сохранить за собой абсолютную монополию. Возможно, пыталось и не по своей воле, а по чьему-то указанию. Но недавнее заявление председателя Гостелерадио Ненашева о возможности существования альтернативного телевидения показывает, что руководство Гостелерадио понимает: дальше так продолжаться не может.

— Не кажется ли вам, что эта позиция в какой-то мере была вызвана событиями последнего времени на телевидении? Я имею в виду снятие предновогоднего «Взгляда» из программы и реакцию на это общественности, шум вокруг передачи «До и после полуночи», когда Молчанов, не спросясь у начальства, пригласил в студию попавшего в опалу главного редактора «Аргументов и фактов» Старкова. Ведь какие тут могут быть варианты? Либо, коль гласность и демократия, неминуемо будут предаваться гласности закулисные игры, и все это будет подвергаться критике в прогрессивной прессе. А это значит быть постоянно в роли «мальчиков для битья». Либо признать право общественности иметь альтернативное телевидение, где показывают то, что просто не может появляться на официальном телевидении.

— Как бы то ни было, руководство Гостелерадио заняло сейчас, как мне представляется, верную позицию. Ведь никто не будет спорить, что официальное телевидение имеет право на существование. Это — государственное телевидение, так сказать, официоз. И это — нормально. Понятно и то, что передача «Взгляд», например,— явление чужеродное для этого официального телевидения. Ведь даже название «Взгляд» говорит само за себя. Это самостоятельный, независимый взгляд на жизнь. И понятно, что, когда этот взгляд идет вразрез с официальной точкой зрения, неминуемо следует давление. При демократии и плюрализме монополия телевидения должна разрушаться. А сейчас в рамках государственного и единственного телевидения существуют несовместимые подчас течения, мнения, передачи.

— Вы ощущаете на себе эти противоречия как журналист и как личность?

— Да. Вот. например, возьмем упомянутый вами случай с появлением Старкова в передаче «До и после полуночи». Я веду передачу на Москву, которая называется «Воскресный вечер с Владимиром Познером». Она идет в последнее воскресенье каждого месяца. В ноябрьском выпуске поднимался вопрос о печати: «Журналист и перестройка». Были приглашены главные редакторы ряда газет и журналов. Я хотел пригласить Старкова — не только и не столько потому, что он мой добрый знакомый, но потому, что «АиФ» — самая читаемая газета в мире, газета, выросшая на дрожжах перестройки. Но ноябрь — это был пик неприятностей Старкова. И вот вам противоречие: «Воскресный вечер с Владимиром Познером» — это моя передача, но в то же время — не моя. Производится она в рамках Главной редакции вещания на Москву. И я обязан был поэтому, как порядочный человек, сказать главному редактору: «Я хочу пригласить в свою передачу Старкова». Ведь именно он, главный редактор, несет ответственность за все передачи.

Главный редактор ответил, что он не возражает, но решить этот вопрос не может. И попросил меня переговорить с первым заместителем председателя Гостелерадио. Выслушав меня и мое заявление, что я готов сам нести ответственность за приглашение Старкова, тот мне ответил: «Отвечаете за телевидение не вы, а я». А дальше он сказал, что появление Старкова в моей передаче будет означать, что государственное телевидение берет его сторону в споре с Идеологическим отделом ЦК. Конечно, я мог, никого не спросив, пригласить Старкова, но я бы тогда подставил и главного редактора, и коллектив передачи, так как я не один несу ответственность за свои поступки в эфире. Итак, мне пришлось отказаться от своего замысла. Отказавшись, я не смог публично поддержать Старкова. И в этом, если хотите, мерзость и противоречивость существования журналиста на одном, не имеющем альтернативы телевидении.

— Насколько Владимир Познер независим сегодня? Вы — человек с именем, соответствующим положением, профессионализмом, наконец. Насколько вы все-таки можете иметь собственное мнение?

— Начнем с того, что всякий человек имеет собственное мнение, но не всякий смеет обнаружить его. А независимость — это состояние внутреннее. Оно совершенно не зависит, на мой взгляд, от положения, которое человек занимает. В этом смысле нет разницы между, скажем, знаменитейшим Андреем Дмитриевичем Сахаровым и каким-нибудь малоизвестным человеком, который тоже встал и во всеуслышание высказался. Есть такие, которые скажут, что, мол, Сахарову было не страшно, он уже был академик и трижды Герой Социалистического Труда. А вот «маленькому» человеку гораздо труднее и опаснее высказываться. Так люди находят оправдание своему малодушию. Мы же знаем, как расправлялись в нашей стране еще совсем недавно с людьми, даже занимавшими весьма высокие посты. Что до меня, то я испытывал страх в своей жизни не раз и не два, но нельзя сказать, что я особенно страдал: ну, получил партийный выговор, ну, отстранили от эфира, ну, была угроза, что уволят. Это чепуха по сравнению с тем, что испытали многие другие. Сейчас, конечно, не те времена, меня не посадят, тем более не расстреляют, но сделать мою профессиональную жизнь невыносимой могут. И считать, что разгневанное начальство каким-нибудь образом да не расквитается, было бы наивно. Но я перешагнул через внутренний барьер страха, больше из-за страха на уступки не иду. Я говорю то, что я хочу, что считаю нужным.

— Ваша известность в стране связана с телемостами, появившимися на всесоюзном телеэкране. Но потом вы с этого всесоюзного экрана почти исчезли, а ныне ведете ежемесячную передачу лишь для зрителей Москвы и области. Это не имеет отношения к вашей независимости?

— Пожалуй, нет. Телемосты — этап в моей жизни. Я счастлив, что был первым, кто начинал это дело. Вполне возможно, что еще приму участие в будущих телемостах — конечно, при условии, что они будут интересными. Но этим нельзя заниматься постоянно и надеяться, что зритель будет смотреть с прежним интересом. Словом, я отошел от телемостов и стал искать другой род деятельности. Делал разовые передачи по ЦТ. А потом московская редакция предложила вести собственную. Это было два с лишним года назад. Я согласился, но предупредил, что тогдашний первый зампред Гостелерадио этого не допустит.

— Почему?

— Я полагаю, что здесь играла роль личная неприязнь. Впрочем, выдвигался такой, с позволения сказать, аргумент: журналист-международник не должен касаться «внутренних» вопросов собственной страны. Потом, когда этот зампред перешел на другую работу и его заменил другой, ныне покойный Владимир Иванович Попов, положение переменилось, и я стал вести передачу для московской редакции. Делаю ее с удовольствием. Она завоевала определенный авторитет, и сейчас все чаще говорят о том, чтобы вывести ее на всесоюзный экран. Совсем недавно я стал вести передачу по второй программе ЦТ, ее название «Квадратура круга». Она затрагивает вопросы межнациональных отношений. Получается, что у меня стало две постоянные рубрики — вроде не было ни гроша, да вдруг алтын. Получилось это, по-моему, потому, что я отказывался делать то, что считал неприемлемым, готов был терпеть очень долго, никого никогда не отпихивал локтями, и, наконец, потому, что повезло.

— А вы не лукавите? Ведь наверняка, когда вы согласились и пошли в Московскую программу, вы знали, полагаясь на профессионализм, что передача ваша будет идти по Центральному телевидению?

— Я появился всерьез на экране советского телевидения в 1986 году. Мне было тогда 52 года. Можно сказать, что в плане возраста пик мой уже прошел. Ведь творческий расцвет — это 40—45 лет. А кто меня знал, когда мне было 40—45 лет? В Америке знали. Но меня не пускали на советское телевидение. Не пускали вполне сознательно. Имея в виду, что я в каком-то смысле человек непредсказуемый и система взгля-

дов моих не вписывается в круг общепринятого. Вот на зарубеж — пожалуйста, выступай! Конечно, меня использовали, я понимал это, и шел на это осознанно, ибо так мог говорить свободнее. Я начал работать на радио в Главной редакции вещания на США в 1970 году. А через три года мой главный редактор, Гелий Алексеевич Шахов, предложил выходить с ежедневным трехминутным комментарием. Семь раз в неделю. Поскольку я писал по-английски, визировал меня только главный редактор. Никакого Главлита, никакой цензуры. Кроме того, в СССР меня почти никто не слушал. Ну, кто будет слушать московское радио на английском языке, да еще на коротких волнах, да в два часа ночи? Никто. Уж никто не позвонит из ЦК председателю с требованием «разобраться» с Познером. Конечно, был контроль, но очень щадящий. Поэтому я мог говорить то, что хотел, то, что считал нужным. Почти не сделал ни одного комментария по заказу. И это за много лет каждодневного выхода в эфир в самые застойные времена.

— Это шло иногда абсолютно вразрез...?

— Не абсолютно, но вразрез... То есть, если бы это было написано порусски, это бы не пошло. Не могло подобное появиться и в советской печати. И если бы не Горбачев, если бы не изменения, происшедшие в нашей стране, я так бы никогда и не появился на нашем телевизионном экране. Так бы вы меня никогда и не увидели. Поэтому считать, что я, получив предложение Московской редакции, согласился потому, что был уверен, что передача выйдет на всесоюзный экран,— это чепуха. А шел я на это, необыкновенно волнуясь. И когда редактор передачи Валентина Николаевна Демидова и тогдашний главный редактор Михаил Алексеевич Огородников сообщили мне, что передача будет называться «Воскресный вечер с Владимиром Познером», я чуть не свалился со стула от удивления. И они добились этого, и я им за все это бесконечно благодарен. И никуда из Московской редакции не уйду, даже если передача не будет доходить до всесоюзного зрителя. Я совершенно не стремлюсь красоваться на экране. Я не в том возрасте. Но мне есть что сказать, у меня есть своя система взглядов, которая мне кажется важной. И именно поэтому я считаю своим долгом реализовать идею Народного телевидения. Материализовать наконец желание людей иметь еще и другое — не государственное, но авторитетное, профессиональное, интересное.

— Вы считаете, это реально?

— Да!

— Какой самый главный вопрос должен быть решен в первую очередь?

— Для этого нужно одно: решение правительства. Нужно, чтобы возможность такого телевидения была оговорена в Законе о печати и других средствах массовой информации.

— Ну, а как выглядит реализация этой идеи хотя бы в общих чертах?

— Речь идет о том, чтобы вещать по одному из неиспользуемых телевизионных каналов, а телевизионный сигнал выдавать в закодированном виде. Это означает, что принять этот сигнал без небольшого дополнительного приспособления вы не сможете. Дальше Народное телевидение предложит вам взять напрокат такое приспособление. И будет брать с вас, предположим, 40 рублей в год, исходя из того, что у телевидения будет как минимум 50 миллионов абонентов. Для Советского Союза это вполне реальная цифра. 40 × 50 миллионов — получится 2 миллиарда рублей. Этого вполне достаточно. Люди будут сами решать, хотят они платить сорок рублей или нет. Если не хотят, то тогда Народное телевидение прогорит. И поэтому самое главное, чтобы телевидение это было интересным.

— Но у нас в стране существует государственная монополия на спутники?

— Я не против государственной монополии на спутники связи, я против монопольного использования этих спутников. Мы можем платить за использование спутника Министерству связи СССР, чьей собственностью он является.

— Но сразу оснастить студии за рубли современной импортной аппаратурой, необходимой для вещания, даже если вам дадут свободный канал и возможность платить за использование спутника, просто невозможно.

— Ничего невозможного нет. Сегодня у Гостелерадио четыре программы. Кроме того, все местные студии находятся в системе Гостелерадио — это что-то порядка 80 тысяч человек. Затраты огромные — более 10 миллиардов рублей в год. А теперь давайте пофантазируем. Пусть за Гостелерадио останется лишь одна первая программа. В этом смысле Гостелерадио сравнится с такими телесетями, как, скажем, Си-Би-Эс, Эн-Би-Си, Эй-Би-Си в США, Эн-Эйч-Кей в Японии, Тэ-Эф 1 во Франции и т. д. Сразу Гостелерадио станет компактным, куда более оперативным, менее дорогостоящим и вполне определённым. А что остальные программы? Вторая могла бы стать общероссийской — скажем, по аналогии с британским Ай-Ти-Эн, состоящим из пятнадцати крупнейших телецентров страны. В РСФСР телецентры есть в Хабаровске, Владивостоке, Свердловске, Волгограде, Ленинграде и т. д. Все эти центры нужно вывести за рамки Гостелерадио. Пусть они производят программы как местные, так и используемые в Общероссийском телевещании. Встает вопрос: а кто будет контролировать этот канал? Как говорится, возможны варианты — от местных Советов до акционерных обществ. Третья программа — московская — тоже должна выйти из состава Гостелерадио и готовить передачи для Москвы и для Общероссийского вещания. Наконец, образовательные передачи четвертой программы должны войти в состав вещания Гостелерадио, а сама четвертая программа освобождается для Народного ТВ. Все программы получат доступ к самофинансированию, к банковским ссудам, к деловым контактам с другими, в том числе зарубежными, кредиторами.

— А почему вы называете телевидение, за идею которого агитируете, Народным?

— Оно будет общественным по содержанию и народным по форме, потому что должно существовать на народные деньги. Потому, что именно народ будет влиять и реагировать на то, что ему нравится или нет. И еще потому, что в Директорский совет Народного телевидения смогут войти представители различных политических течений, ассоциаций. Главное, чтобы они отражали какие-то заметные, значимые явления в общественной жизни страны. Каждое политическое образование сможет получить возможность для выражения своего взгляда на ту или иную проблему. И здесь не будет никакого насилия или игры. Если опрос наших зрителей выяснит, что рейтинг программы той или иной политической группировки упал за год и не поднялся, то договор с ней может быть расторгнут.

— Система понятна: в студии будет видно, сколько человек повернули ручку своих телевизоров на другой канал. Но что значит «интересно»? Ведь есть много способов сделать зрелище интересным?

— Закон о печати и средствах массовой информации, Конституция должны четко определить: вот грань, переступать которую запрещено. И Народное телевидение обязано придерживаться этого.

— Какая будет структура? Структура Главной редакции Народного телевидения?

— Главная редакция — анахронизм. Структура должна быть совершенно другой. Она будет основана на трех китах телевидения: на информации, развлечениях, спорте. В понятие развлечения входят, разумеется, и шоу, и кино, и театр, и образовательные, и познавательные передачи. Итак, три кита, три управления, три единицы. Каждая имеет своего президента и вице-президентов. Каждая совершенно самостоятельна, со своей техникой, своим временем. Каждая представлена в Совете директоров Народного телевидения, который и является его руководящим органом.

— Допустим, что началась работа по конкретной организации Народного телевидения. Правительство, Верховный Совет, народ — все поддержали эту идею. Кем вы видите себя в этой структуре?

— Знаете, совсем недавно мои товарищи по работе, люди, к которым я отношусь с уважением, предложили мне выдвинуться от Гостелерадио кандидатом в народные депутаты. Я был очень польщен и тронут этим предложением, но отказался. И главный довод был очень простым: мы еще не поняли, но неизбежно поймем, что нельзя быть народным депутатом и кем-то еще. Эта работа требует полной отдачи. Ежедневной. И не только восьмичасовой рабочий день, а и побольше. Люди, которые позволяют себе быть народными депутатами и кем-то еще, делают это, скажем, по наивности. По незнанию. И для меня вопрос стоял таким образом, что если я буду баллотироваться и пройду, то должен буду оставить журналистику. Значит, я был поставлен перед выбором. Мне кажется, что я могу больше сделать, работая журналистом.

Рассказываю об этом, чтобы ответить на ваш вопрос. В ситуации с Народным телевидением у меня другая точка зрения. Если бы это вдруг произошло и мне предложили бы возглавить Совет директоров, я посчитал бы себя обязанным согласиться. Я не знаю, способен ли я справиться с такой работой, но коль скоро я агитирую за это, являюсь горячим приверженцем этого дела, то тогда я не имею права отказываться. Как говорят, назвался груздем, полезай в кузов. Но в этом случае я должен буду отказаться от экрана. Я категорически не согласен с тем положением, что административное лицо совмещает в себе журналиста.

— Вы считаете это неприемлемым?

— Это невозможно. Это нельзя морально, этически, это нельзя административно. Ну, скажите, пожалуйста, если я председатель, то, выходит, я сам себе начальник и подчиненный, автор и редактор и т. д. Не говоря о том, что руководитель должен все время руководить, искать творческих людей, подталкивать, помогать. Нужно делать что-то одно из двух. Хочу добавить вот что: председатель Совета директоров должен, на мой взгляд, быть лицом сменяемым, избранным самим Советом сроком на 3 года. Если он работает хорошо, он может быть избран на второй, третий и так далее срок, но важно, чтобы он зависел от тех людей, с которыми он работает.

— Не может ли случиться так, что, учитывая привлекательность НТВ, вы просто перекачаете кадры из монопольного государственного телевидения?

— Кто-то, возможно, и прибежит, но рисковать захочется далеко не всем. Людям, привыкшим получать зарплату гарантированно, независимо ни от чего, вряд ли понравятся условия НТВ.

— Что это за предполагаемые условия?

— Договор, который заключается с человеком на три или на пять лет на разные суммы в зависимости от уровня журналиста. При этом прошу иметь в виду, что гонорары исключаются. Человек работает за определенную, договором установленную плату. И нет никаких должностных окладов. Есть конкретная оплата труда конкретного человека.

— Вы считаете такую систему более справедливой?

— Я считаю ее единственно справедливой и, главное, эффективной. Ведь сейчас как обстоит дело? Два человека — скажем, политобозреватели — получают одинаковый оклад за то, что они политобозреватели. Они имеют право выходить в эфир на равных (за что получают гонорар), хотя их популярность, а следовательно, действенность совершенно различны. Все определяет должность. Контракт — дело другое. С тобой заключаем договор на год на сумму, предположим, 500 рублей в месяц, оговорив, как часто и с чем конкретно ты должен выходить в эфир. А с другим подписываем договор на три года, да на 800 рублей в месяц. Другими словами, условия договора определяются сугубо личностными качествами журналиста, его заработок зависит только от него.

— Будет ли это зависеть от эфирного времени, в которое выходит тележурналист?

— Зависеть оплата должна только от популярности журналиста, от эффективности его передачи. Один человек может выходить в эфир на три минуты, но зато это — кумир! И эти три минуты могут стоить очень дорого. А другой выходит на целый час, но получает меньше. Объективный показатель — это рейтинг. Как народ смотрит и оценивает.

— То, что вы задумали,— это архисложное дело. Чтобы осуществить его, нужно много составляющих. Привлекли ли вы кого-нибудь из народных депутатов, членов Верховного Совета к работе над проектом Народного телевидения?

— Нет. Более того, у меня внутреннее ощущение, что то, о чем я говорю, не самый важный сейчас для страны вопрос. Или, скажем, он может быть менее срочным. А главный вопрос, я его условно называю,— колбасный. То есть продовольственный. Не будет решен этот вопрос — никакое альтернативное телевидение не спасет. Это приоритет.

— Позволю себе с вами не согласиться. Для меня, как потребителя и гражданина, вопрос альтернативного телевидения не менее важен, чем колбасный вопрос. Потому что это вопрос моей свободы и возможности выбора. Хлеб и подлинная свобода — это главные проблемы сегодняшней революции. Их надо решать параллельно. Как вы думаете, появление Народного телевидения повысит уровень государственного телевидения?

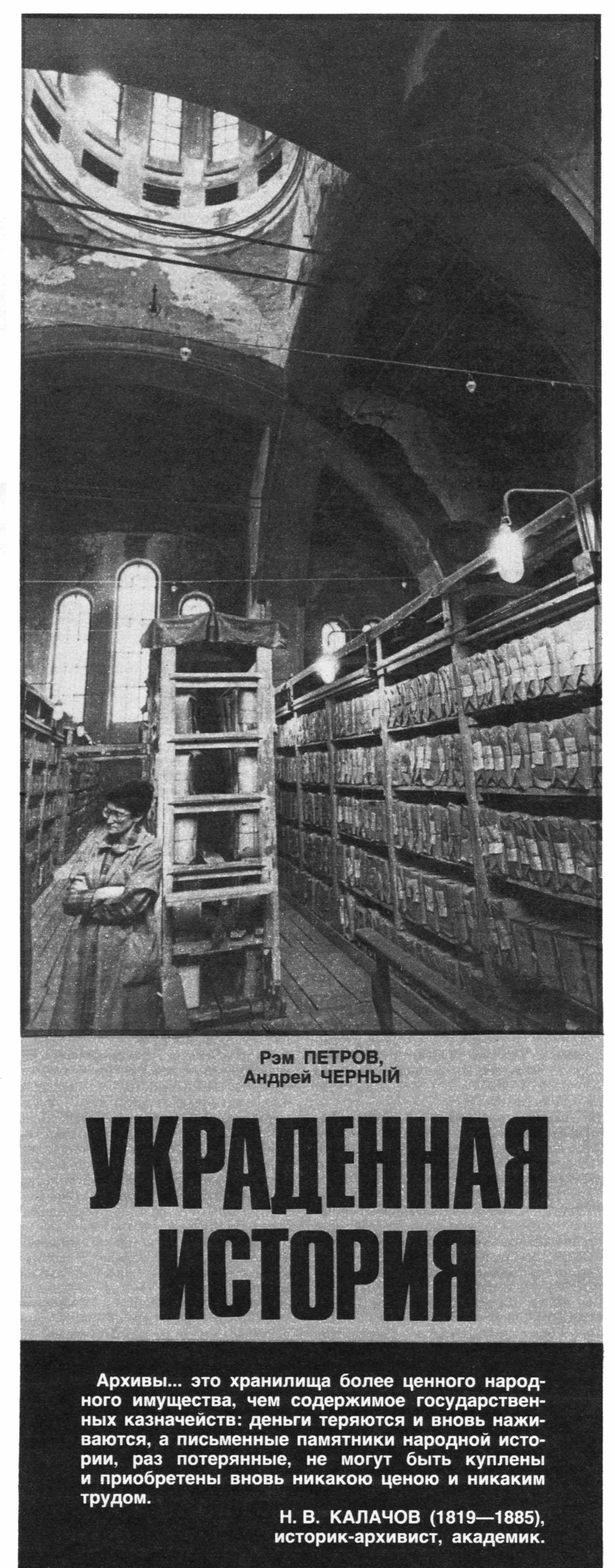
— Безусловно. И почти сразу. Ведь в самом деле, зачем бежать стометровку за 9 секунд, если можно выиграть Олимпийские игры за 9,9 секунды? Надо все время чуть-чуть толкать. Вот посмотрите, наличие разных газет заставляет вертеться. И тиражи растут или падают. Ведь люди реагируют. И именно поэтому создание альтернативного телевидения выгодно государству. И надо понять, что можно критиковать Кастро или Ким Ир Сена без того, чтобы осложнились отношения с Кубой или КНДР. Понять, что Народное телевидение — это не антисоветское телевидение. Не антиправительственное телевидение, хотя оно и независимо от правительства.

— Спасибо, Владимир Владимирович.

«Огонек» поддерживает идею Владимира Познера о создании в СССР альтернативного Народного телевидения.

Для того чтобы реализовать эту идею, надо знать, поддержит ли ее народ. К сожалению, мы не можем рассчитывать на проведение с этой целью общенародного референдума, но если каждое печатное издание любого масштаба и уровня проведет свой читательский референдум «Народное телевидение — за или против?», то во многом картина общенародной поддержки или незаинтересованности была бы ясна.

А пока «Огонек» обращается к своим читателям. Просим вас откликнуться и прислать в редакцию ваш ответ: «Народное телевидение — за или против?». Журнал продолжит разговор на эту тему. Ваши размышления, пожелания, предложения будут рассмотрены и проанализированы.

Рэм ПЕТРОВ,
Андрей ЧЕРНЫЙ

УКРАДЕННАЯ ИСТОРИЯ

Архивы... это хранилища более ценного народного имущества, чем содержимое государственных казначейств: деньги теряются и вновь наживаются, а письменные памятники народной истории, раз потерянные, не могут быть куплены и приобретены вновь никакою ценою и никаким трудом.

**Н. В. КАЛАЧОВ (1819—1885),
историк-архивист, академик.**

ПОТЕРЯВШИ — ПЛАЧЕМ

Самый, пожалуй, громкий скандал в истории советских архивов начался 6 августа 1974 года, когда в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА СССР) обнаружилась пропажа уникального документа XVI века — подлинника Тявзинского договора России со Швецией. Заметил его отсутствие и забил тревогу обычный исследователь, не нашедший документа среди выданных ему в пользование архивных дел.

Дальнейшие события в свое время нашли отражение на страницах периодических изданий, так что нет смысла подробно их пересказывать. Напомним лишь, что в ходе следствия и судебного разбирательства выяснилось, что похитителем был некто А. Г. Апостолов, сотрудник ЦГАДА, который за несколько лет выкрал из фондов архива более двух сотен документов, большинство из которых представляли огромную историческую ценность,— достаточно назвать коллекцию писем Наполеона к Жозефине Бонапарт, собственноручные записки Екатерины II президенту медицинской коллегии барону Черкасову, грамоту курфюрста саксонского Августа Петру Первому, манифест Емельяна Пугачева, рукописный Коран XII века.

Возвратилось в архив не все.

Письма Наполеона, контрабандой перепроданные за границу, навсегда остались в Национальном архиве Франции. И лишь после длительных переговоров с французским правительством вернулись в СССР автографы Екатерины.

Происшествие, что и говорить, весьма драматичное. Архивистам попеняли за недостаток бдительности и халатность. По архивам прокатилась волна проверок, были предприняты меры, которые, как предполагалось, уберегут хранилища от расхитителей. На стягах Главного архивного управления при Совмине СССР подновили лозунг, гласящий, что главная задача архивов — обеспечение сохранности документов.

Спустя двенадцать лет, 29 сентября 1986 года, следственным управлением ГУВД Мосгорисполкома было принято к производству уголовное дело № 4509. На сей раз в кражах из архивов обвинялись двое — В. Соколов и М. Петухов.

Соколов, осужденный в 1988 году на восемь лет,— фигура, более значительная, чем его подельщик. Работая с 1978 по 1983 год в различных архивных учреждениях, а с 1984 по 1985-й — в Музее истории и реконструкции Москвы, он, выражаясь казенным жаргоном, «использовал служебное положение для систематических хищений архивных материалов». Деятельность Соколова была весьма масштабной — и в смысле географическом, и по количеству украденных документов. Им были обчищены несколько музеев Москвы, Московской и Вологодской областей, а список похищенных документов занимает половину солидного следственного дела.

Язык следствия суховат, но вполне конкретен: «Соколов неоднократно посещал музеи и совершал кражи исторических и филателистических материалов, пользуясь тем, что архивные материалы в этих музеях не должным образом были учтены и описаны».

Не оставались без внимания и собственно архивы. Из Центрального госархива Московской области и Центрального государственного исторического архива Москвы Соколов вынес без малого полтысячи документов, представляющих филателистическую ценность. На этом же поприще подвизался и упомянутый выше Михаил Петухов, который за два года работы в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) выкрал из хранилищ сотни конвертов, почтовых карточек с марками и редкими гашениями; среди них оказались конверты писем, адресованных Вере Засулич, А. Ф. Керенскому, Александру III, Н. Г. Чернышевскому, автографы С. И. Муравьева-Апостола и императрицы Марии Федоровны.

Сколько документов уплыло за границу — пока неизвестно; подождем известий из того же Национального архива Франции или, скажем, из Бахметьевского фонда Колумбийского университета (США), либо, наконец, с очередного международного аукциона. Перевезти через границу архивные материалы сейчас не составляет труда: контролировать поток документальных памятников таможня не в состоянии.

Стало уже традицией, что общественное внимание к работе архивов привлекают лишь кражи документов, а в последнее время — и требования обеспечить широкий доступ к историческим тайнам. И здесь необходимо заметить, что проблемы сохранности и доступа к архивам на первый взгляд неожиданно, но тем не менее весьма органично переплетаются.

Чем больше документов введено в научный и общественный оборот, тем труднее их незаметно похитить, а затем и вывезти за границу. То же «дело Апостолова» — прекрасный урок на тему спецхран. Среди трофеев Апостолова оказались и десятки документов из так называемого «Ганзейского фонда» — коллекции архивных материалов XIII—XVIII веков, связанных с историей немецких городов и вывезенных из Германии в конце второй мировой войны. «Ганзейский фонд» более 40 лет находился на секретном хранении; даже о самом его наличии не было публичных упоминаний, главным образом в связи со сложностью международно-правового статуса его нахождения на территории СССР. Как мы уже говорили, расследование дела Апостолова началось с того, что забил тревогу обычный исследователь, не нашедший важнейшего документа среди полученных материалов. И если бы Апостолов в свое время ограничился хищениями из «Ганзейского фонда» или других спецхранов, мы бы, возможно, и по сей день не подозревали об утерях, так как сами сотрудники, увы, по вполне понятным причинам вовсе не склонны афишировать пропажи документов (что осложняет работу следственных органов — иногда теряется слишком много времени).

Приставка «спец» еще не гарантия повышенной сохранности фондов. Прекрасная иллюстрация — недавно открытый для широкого доступа Русский зарубежный исторический архив. Один из авторов этой статьи недавно участвовал в предпринятой Гохраном СССР работе по выявлению и постановке на учет находящихся в архивах ювелирных ценностей; попутная выборочная проверка фондов РЗИА выявила массив неучтенных материалов, среди них — уникальные фотонегативы, печати практически всех русских эмигрантских правительств. Своевременно же обнаружить пропажу архивных материалов, насильственно исключенных из научного обихода, да еще и неучтенных, практически невозможно; потери же невосполнимы.

АРХИВНЫЕ РАСЦЕНКИ

Исторические документы бесценны. Но что стоит за этой расхожей и очень неконкретной фразой? Вот достойные удивления примеры оценки документов, похищенных Соколовым из музеев Подмосковья:

Егорьевский краеведческий музей, фонд Нахимовых. Квитанция, выданная богодуховному помещику поручику Николаю Нахимову из Прислободской украинской казенной палаты рекрутского набора в приеме рекрутов. 1802, ноября 8.— 3 рубля.

Дмитровский историко-художественный музей, фонды Радонежского Духовного управления и Дмитровского Борисоглебского монастыря. Указ из Московской Духовной консистории в Радонежское Духовное правление о приеме копий с указов Синода. 1834 год.— 3 рубля. Дело Радонежского Духовного управления по отсылке в учрежденный собор Троице-Сергиевской лавры сведений, связанных с переписью населения. 1834 год, 6 листов.— 20 рублей. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Дмитров воеводе о доправке денег за даточных конных людей с Борисоглебского монастыря. Список XVII века.— 75 рублей.

Продолжать можно долго.

Цены, как видим, на уровне галантерейных. Материалы из фонда Татищева были оценены в 10—20 рублей, письма знаменитых Апраксиных — в 30—50...

Но вопрос о том, что стоит тот или иной исторический документ,— вопрос далеко не праздный. Любой находящийся на государственном хранении архивный материал должен иметь страховую стоимость, учитывающую реальную аукционно-рыночную конъюнктуру, историческую, искусствоведческую, а в ряде случаев и ювелирную ценность документального памятника. Компетентная страховая оценка призвана создать определенный психологический барьер для злоумышленника — сегодня же вор, укравший из архива автограф Достоевского, будет приравнен юридически к товароведу, сбывшему «налево» несколько неучтенных банок кофе. Иногда сколь-нибудь достоверная оценка похищенного задним числом попросту невозможна, и вор, сбывший документ скупщику, лишь «возместит» убытки государству, оставив себе «навар» в тысячи рублей. Отсутствие предварительной страховой оценки документа в случае его хищения дезориентирует следствие: ведь от того, сколько реально стоит пропавший документ, зависит и направление розыска — искать ли у «мелких сошек» или у крупных дельцов черного рынка... И, наконец, отсутствие страховой оценки архивных материалов делает невозможным заключение элементарного договора о материальной ответственности с хранителем фондов.

ПОД УГРОЗОЙ УНИЧТОЖЕНИЯ

Грустный рассказ о хищениях документальных памятников проще всего было бы увенчать очередным упреком в адрес работников архивов. Проще, но справедливей ли?

Имеет ли общество моральное право предъявлять особые претензии рядовым сотрудникам архивов, если их главная вина состоит в том, что они не производят материальных ценностей и оттого зарплата их едва ли не самая низкая в стране, особенно на фоне инфляции, которая поставила архивистов с их 90—120-рублевым жалованьем на грань нищеты? Можно возмущаться тем, что в их ряды способны затесаться примитивные воры, но скудость денежного вознаграждения привела к угрожающей текучести кадров в большинстве архивов. Показательный пример: в Ленинградском государственном историческом архиве в одном из отделов за три года было принято на работу 26 человек, а уволено 23, и это при штате в 11 человек. Даже в нашем «архиве номер один» — ЦГАОР СССР — текучесть кадров составляет более 20 процентов. Кадровый голод иногда исключает возможность отбора кандидатов на работу с уникальными документами с учетом их не только профессиональных, но даже медицинских данных. В ЛГИА в течение двух лет хранителем фондов работал сотрудник, который, как потом выяснилось, состоял на учете в психоневрологическом диспансере. В результате из архива исчезли документы Распутина, Гапона, дела из фонда «Питер Шулло» с материалами Петровской эпохи, а следственные органы не имеют возможности не только привлечь «хранителя» к ответственности, но даже получить от него достоверную информацию для розыска.

Архивы сейчас совершенно не защищены от злоумышленников и среди посетителей. По действующим правилам сотрудники читальных залов обязаны пересчитывать листы выдаваемых в пользование архивных дел. Однако делать это они физически не в состоянии: двое-трое сотрудников ежедневно выдают и принимают несколько тысяч документов. Если же совершить примитивную подмену документа, то похититель становится и вовсе не уязвим; именно так в ЦГАЛИ был недавно выкраден лист из рукописей В. Розанова.

Между тем хищения из таких всемирно известных центров, как Национальные архивы Франции или США, практически исключены. В США, например, еще с середины 50-х годов практикуется метод изотопного маркирования документов, и если кто-то попытается тайно вынести хотя бы один лист, то на выходе немедленно сработает устройство, регистрирующее сверхслабое, абсолютно безвредное излучение изотопа углерода, содержащегося в метке, нанесенной на документ. Сегодня такого рода системы уже производятся в нашей стране (кстати, они крайне недороги) и используются в некоторых учреждениях. Что же касается архивов... Здесь пока все на стадии «изучения вопроса о возможностях и перспективах внедрения».

Увы, материально-техническое оснащение наших архивов не идет ни в какое сравнение даже с уровнем архивного дела в не самых богатых соцстранах. И речь не только о современных методах борьбы с хищениями, а об элементарном обеспечении нормальных условий хранения документов. Сегодня даже центральным архивам — ЦГАОР СССР, Центральному государственному архиву литературы и искусства (ЦГАЛИ СССР), Центральному государственному архиву народного хозяйства (ЦГАНХ СССР) — попросту не хватает помещений для приема новых документов. Многие из поступающих материалов (как и уже хранящиеся) могли бы быть заменены микрофотокопиями, но нет закона о распространении юридической силы оригинала на его микрокопию, а главное — ограничена производственная база для фотосъемки. И это при том, что многие слабоконтрастные и цветные тексты на документах послереволюционного периода просто исчезают от времени и отвратительных условий хранения! Так, часть протоколов заседания президиума Госплана уже невозможно прочитать.

Здания центральных архивов нуждаются в капитальном ремонте, а некоторые — и в частичной реконструкции. В ЦГАНХ и ЦГАОР ежегодно протекает крыша; в прошлом году в ЦГАНХе намокло около 20 тысяч дел. Под постоянной угрозой порчи и уничтожения находятся документы ЦГАЛИ, размещенные на верхних этажах здания. В хранилищах уникальных фондов ЦГАДА от протечек прошлым летом пострадали старопечатные и рукописные книги из фонда Московской синодальной типографии, писцовые книги и свитки Сибирского приказа (XVI—XVII вв.). Стены здания ЦГАДА давно поражены грибком, разрушающим кирпичную кладку. В хранилищах большинства госархивов нет систем контроля за температурно-влажностным режимом, устройств для обеспыливания. В стесненных условиях находится и реставрационная база, тысячи документов годами ждут своей очереди для «реанимационных процедур».

Техническое убожество создает трудности и для исследователей. Из-за отсутствия ксероксов в читальных залах исследователи вынуждены тратить часы и дни на выписки из документов; залы постоянно переполнены. Не хватает и аппаратов для чтения микрофильмов...

БЕЗ ФАЛЬШИ

Социальный престиж работников архивов сейчас чрезвычайно низок; дело отнюдь не только в смехотворной зарплате. В представлении большинства своих соотечественников архивист — лицо со странным родом занятий, мрачный хранитель пыльных бумажек сомнительной значимости (и только в последнее время стало приходить сознание того, что именно в архивах хранится подлинная история, свободная от фальши и откровенной лжи).

Понять истоки такого отношения просто: на протяжении десятилетий история считалась у нас не более чем вспомогательным разделом идеологии, а архивная служба, в свою очередь,— бесправной и малозаметной прислугой официальной исторической науки. Архивы перестали почитаться научно-историческими и культурными центрами, каковыми они действительно являлись в прошлом веке.

До сегодняшнего дня советские сборники архивных документов — это, как правило, малокомпетентно подобранные, лишенные практически всякой научной значимости публикации, однобоко трактующие историю в рамках отдельных административно-территориальных единиц СССР. Последние полвека архивы лишены издательских прав; вся публикаторская деятельность осуществляется лишь при посредничестве и решающем участии научных и государственных организаций. Неспециальные издания публикуют сегодня больше архивных материалов, чем выходящий раз в два месяца тонкий журнал «Советские архивы» и «Ежегодник археографической комиссии». А ведь документы в не меньшей степени, чем книги и произведения искусства, способны формировать духовный мир человека; наше общество, испытывающее колоссальный дефицит исторических знаний о себе самом, остро нуждается в целенаправленной, последовательной программе издания подробных сборников документальных материалов. Вероятно, прежде всего это касается истории последних семидесяти лет; но, к несчастью, до сих пор и в самых отдаленных планах не предвидится систематической публикации документов по неприукрашенной истории гражданской войны, эмиграции, нэпа, коллективизации, хотя есть все основания полагать, что подобные издания пользовались бы успехом не только у специалистов и не только в нашей стране, принося немалые доходы самим архивам. Однако отделы архивов по использованию и публикации документов малочисленны и бесправны; да, впрочем, до публикаций ли, коли нет даже средств и времени для составления и издания полноценных описей и каталогов; ведь в ЦГАДА, например, по сей день недосягаемым образцом и основным источником поисковой информации являются описи фондов, изданные в 1913—1917 годах и отпечатанные в Московской синодальной типографии, а также поставщиком двора его величества товариществом скоропечати А. А. Левинсона? Иностранные исследователи не перестают удивляться убожеству научно-справочного аппарата наших архивов...

НАПРЯЖЕННОСТЬ

Кризис в архивном деле усугубляется еще и тем, что сами архивы и их сотрудники фактически «перешли в оппозицию» к своему начальствующему органу — Главному архивному управлению при Совете Министров СССР. Первым открытым протестом стало письмо сотрудников шести центральных госархивов к первому Съезду народных депутатов СССР, в котором Главархив был обвинен в недостатке внимания к нуждам архивистов. Поводом для письма послужило начало строительства хозяйственного здания на территории Архивного городка по Б. Пироговской, 17, которое обойдется не в одну сотню тысяч рублей. Даже минимальные технические преобразования в архивах не проводились вот уже двадцать лет, текут крыши, плесень уничтожает тексты рукописных книг — и, несмотря на все это, на глазах изумленных архивистов строится так называемый хозблок, в котором предполагается разместить красный уголок со сценой и гардероб для сотрудников производственного объединения главка. Строительство ведется за счет средств, отпущенных на ремонт архивных помещений. Вообще это похоже на традицию: назначение в 1984 году нынешнего начальника Главархива СССР ознаменовалось не ремонтом в архивохранилищах, а срочной работой по мощению полов и навешиванию новых дверей в помещениях самого главка. Положение дел в производственном объединении Главархива СССР лучше всего характеризует заместитель директора объединения А. Г. Зорин, пришедший на эту должность полтора года назад и успевший трезво оценить ситуацию:

«Наше производственное объединение не более чем заурядная, плохо функционирующая хозслужба. Нет ни систематичности в работе, ни разумных перспектив. Я считаю, что при хорошо налаженной деятельности наше объединение смогло бы по меньшей мере наполовину (в «финансовом исчислении») снять ту напряженность, которая возникла в отношениях между архивами и нашей службой, главком... У нас есть возможность зарабатывать немалые валютные средства. Даже то, чем мы располагаем — небольшая типография, лаборатория микрофильмирования и реставрации,— способно на многое. Уже сейчас можно было бы делать, например, факсимильные копии уникальных документов, муляжи редких старопечатных книг; такие материалы захотят иметь многие архивы во всем мире. Это валюта, большая валюта... Мы «просчитали» возможность заключения контрактов (тем более что были

Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА

предложения от иностранных фирм), разумной организации полиграфической базы... В перспективе мы могли бы зарабатывать средства и для областных архивов... Вы ведь пишете о центральных? А что творится на периферии! Это же бедствие, просто бедствие... Но, увы, с того момента, как я пришел на работу в Главархив, я полностью лишен права на любую инициативу. Я пытался «выйти наверх» со своими планами, но меня тут же били по рукам, давая понять, что все хорошо и без моих новаций... Нет, преобразования никому не нужны. Атмосфера командного руководства давно уже привела к некомпетентности и равнодушию к нуждам архивов...»

Эта критика главка «изнутри» не случайность. В начале 1987 года Ленинский РК КПСС Москвы провел среди ста сотрудников Главархива СССР анонимное анкетирование. Результаты были удручающи: чуть ли не все респонденты выразили крайнюю степень недоверия собственному руководству. Однако об итогах стало известно лишь спустя полгода из полувынужденного признания секретаря партбюро. Конечно, ни более полного изложения результатов анкетирования, ни обсуждения его итогов в главке не состоялось. Хвастаться было нечем.

Бюрократия редко находит общий язык с людьми творческих профессий. Неудивительно, что и отношения Главархива с научным миром оставляют желать лучшего. Вот лишь один показательный пример. В ноябре 1988 года в Научном бюро Совмина СССР по социальному развитию обсуждался разработанный Главархивом проект Закона СССР об архивном деле. Председатель Археографической комиссии АН СССР профессор С. О. Шмидт от имени Отделения истории АН СССР выступил с критическими замечаниями по тексту проекта. Последствия критики: через две недели профессор Шмидт приказом начальника главка Ф. М. Ваганова был выведен из состава редколлегии журнала «Советские архивы». Формальный предлог — назначение С. О. Шмидта в состав редколлегии журнала Советского фонда культуры «Наше наследие» (напомним, что положение Госкомиздата от 1984 года допускает совмещение при взаимном согласии руководства изданий). Письмо же академика Д. С. Лихачева к Ф. М. Ваганову с просьбой разрешить такое совмещение не возымело никакого действия. С. О. Шмидт был «уволен» из «Советских архивов».

БОЙКОТ

В январе этого года кризис в архивном деле принял драматические формы.

Архивисты... забастовали.

Коллектив Госархива Тульской области создал стачечный комитет и выступил с требованием коренных демократических реформ в системе управления архивами страны.

Сотрудники Госархива Орловской области в знак протеста против полной социальной незащищенности работников архивов в полном составе отказались от получения зарплаты.

Госархив Курской области начал бойкотирование решений и указаний Архивного управления и архивного отдела облисполкома.

Лиха беда начало, вскоре в эту более чем необычную «стачечную волну» влились десятки областных, краевых и республиканских архивов.

25 января эта волна докатилась до Москвы. В ЦГАОР и ЦГАНХ архивисты провели митинги: в ЦГАДА состоялась двухчасовая забастовка.

Из резолюции митинга сотрудников ЦГАНХ СССР 25.01.90:

«Мы, участники митинга... возмущенные беспрецедентным повышением заработной платы аппарату органов управления архивной службой на фоне сложного положения в архивном деле, низкой заработной платы в государственных архивах и неспособности органов управления архивным делом выполнять возложенные на них обязанности... требуем:

— Проведения реорганизации органов управления архивным делом по принципу их формирования, определения их структуры, штатов и компетенции снизу вверх самими государственными архивами.

—...Доведения заработной платы архивистов до уровня заработной платы органов управления архивным делом.

— Принятия срочных мер для улучшения материально-технического оснащения архивов и условий труда архивистов.

Мы выражаем свое недоверие руководству Главархива СССР, стоящему в стороне от перестроечных процессов в архивном деле, и требуем отставки начальника Главархива т. Ваганова Ф. М. ...»

Из требований собрания группы бастующих сотрудников ЦГАДА СССР:

«Провести радикальную реформу архивного дела: преобразование ГАУ СССР из управленческо-распорядительного учреждения... в координационный и научно-консультационный центр при Верховном Совете СССР; созыв съезда архивных работников страны для утверждения программы реформы архивного дела...»

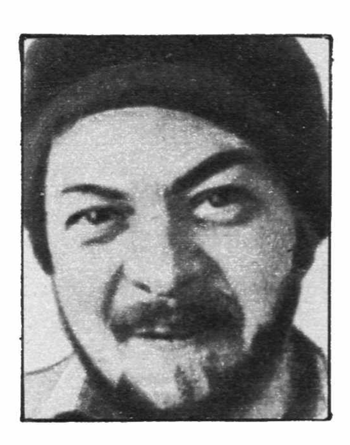
Накопились и выплеснулись все обиды: нищенское существование, разруха в архивохранилищах, повышение зарплаты чиновникам от архивного дела и их бездарное руководство. Например, бойкот в Курской области не случайность: ситуация в целом по РСФСР такова, что в подавляющем большинстве случаев на должности начальников областных архивных управлений назначаются не специалисты, а отставные партийные и государственные функционеры, председатели потребсоюзов, генералы в отставке, директора кинотеатров... Да, впрочем, и переход в конце 70-х годов нынешнего начальника Главархива СССР из Отдела науки ЦК в систему архивов больше походил на «мягкую посадку» перед пенсией, чем на продуманное, целесообразное назначение.

Сегодня становится все более очевидно, что архивы страны не могут быть бюрократически управляемым ведомством. Уже давно исчерпали себя призывы «потуже затянуть пояса», ибо на поясах архивистов давно не осталось свободных дырочек, а хранилища ежегодно пополняются новыми тысячами единиц хранения. Из архивов уходит молодежь. Вряд ли можно назвать выходом из тупика и вводимый с этого года «хозрасчет», используя который архивы смогут подрабатывать оказанием платных услуг по запросам организаций и частных лиц, открытием платных экспозиций, лекционной деятельностью. Выгоды мизерны, но будет вполне естественно, что в погоне за лишней десяткой к зарплате окажется заброшенной основная, «бюджетная» деятельность госархивистов и через пару лет газеты снова заклеймят очередного расхитителя архивных ценностей.

Сравнительно небольшие бюджетные расходы плюс возможность разумной, а не министерско-бюрократической организации архивного дела окупятся сторицей — и в плане культурологическом, и материальном: во-первых, в виде тысяч и тысяч огражденных от кражи и порчи документальных памятников и, во-вторых, вполне реальных доходов — хотя бы от грамотной издательской деятельности.

И спасут репутацию наших архивов.

В ЭТОМ ГОРОДЕ...

Анатолий КОБЕНКОВ

* * *

Это потом, через несколько
станций,
через болото, потом — через ров...
Что же мне делать —
спрыгнуть, остаться,
сдаться на волю старых дворов?

Что они мне напоют, набормочут:

с ангелом встречу? с музой
разлад?..
Штрих, запятая, потом —
многоточье...
Девочка — женщина —
химкомбинат...

Или мне было и этого мало
в городе этом, за этим углом?..
Стон электрички, крик неформала,
памятник Ленину... Что же потом?..

ВОСПОМИНАНИЕ О РЕЧНОЙ ПРИСТАНИ

Пахнет морем, но я из пьющих,
скоро вечер, а я небрит...
Я б поплакал, но старый грузчик
делать глупости не велит.

Плачет чайник, рыдают чайки,
полдень моросью зенки трет,
и кричит на людей начальник,
будто, выкричавшись, помрет.

Бормотуха, тоска, зевота,
жизнь не прожита, но пуста:
ни пристанища, ни работы...
А на том берегу — Китай:

китайчата и китаянки...
Кабы только хватило сил,
я доплыл бы до них по пьянке,
по трезвянке бы полюбил,

жил бы с ними, не понимая,
как их раньше не понимал,
и с китайцами выпивая,
по России бы тосковал...

* * *

Мне бы хотелось оставить то,
что связывает меня
со всем привычным: рабочий стол,
метки на простынях,

подушки, рукописи, углы...
Я, кажется, вспомнил, где,
на солнце расплавленные волы
стоят по губы в воде;

я помню, как пахнет овечий сыр,
знаю давным-давно,
как цепко цепляется за усы
пальмовое вино,

как плачет младенец, и сонный хлев
разжевывает ему
зубами Марии — пушистый хлеб,
глазами рассвета — тьму,

и солому с коленок сбивают волхвы,
и голубь стучит крылом
по белым холмам, и бегут холмы,
как годы: холм за холмом...

СКАМЕЕЧКА

Он только что проснулся. От того,
как бьют часы и окна розовеют,
он понимает: праздник, и его
скамеечка уже на мавзолее.

Он пьет вино, чтоб сердце
разогреть,
он курит трубку, чтоб не зябли руки,
и думает,
что может умереть
в ноябрьский день —
от шума и от скуки.

Он огляделся: голуби летят,
полощут флаги, облачко полощет;
прислушался: подковками солдат
простукана, на всякий случай,
площадь.

Он ежится: ветрище просквозит,
облапит холод...
Грустный, он не знает,
с кем говорить...
Он кашляет навзрыд,
ему в ответ скамеечка скрипит,
и он ей, не подумав, доверяет.

* * *

Дерево, которое люблю,
одинокой птице уступлю,
песенку — усталому соседу;
перочинный ножик — кораблю...
Завтра я уйду или уеду,

послезавтра напишу: «Ну что ж,
я уехал, потеряйте нож,
взбейте море, птицу накормите,
отнесите дерево под дождь,
песенку от страха сберегите...»

Иркутск

Евгений БУНИМОВИЧ

* * *

Дома, как рыцари, построены свиньей.
В корсет затянута дебелая столица.
Когда б не обзавелся здесь семьей,
я б здесь не стал семьей обзаводиться...
Прости меня,
в коляске спящий сын,
что в этом доме выпало родиться,
но — может — сила вся родных осин
в том,
что они родные,
и защиплет
в глазах, когда придешь сюда —
один
и свой увидишь
параллелепипед...

1980

* * *

Замерзли Патриаршие пруды.
Броня крепка —
и брат идет на брата.
В сгущенье окружающей среды
взрывается учебная граната.
Готовятся потешные полки,
летят из глаз восторженные искры...
Броня крепка,
и танки наши быстры,
и что вас ждет, мои ученики...

1985

* * *

Москва!
Исчадие азарта!
Арбат монмартрее Монмартра!
Кому портрет за 10 рэ!
Кому —
поэт на фонаре?

...О Боже правый,
левый Боже,
куда бредет ночной Москвой
антимасон —
из тайной ложи,
хипарь —
с тусовки центровой...

* * *

Русь!
Ты не вся — поцелуй на морозе...

Не программируем твой позитив.

Все мафиози и официози
входят в кооператив.

Все, что сказали, но недосказали,
видимо — договорят...

Группа цыган на Казанском вокзале
вводит бригадный подряд.

Больше не будет счастливых билетов —
всем проездные бесплатно дадут.

Больше не будет в России поэтов —
да и зачем они тут...

Москва

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

КПСС шла к XX съезду. Мы неминуемо столкнулись с коренным вопросом — вопросом об арестах и казнях, о миллионах людей, которые находились в тюрьмах и ссылке. Ведь мы настолько еще были в плену старых понятий, что, собственно говоря, ничего не сделали для облегчения их участи и для семей казненных. Они жили с позорным клеймом врагов народа и если не были лишены гражданских прав, то в любом случае морально угнетены.

Мы настолько благоговели перед Сталиным, что не осмеливались, хотя у нас уже тогда закрадывались сомнения, проверить, все ли там благополучно, все ли аресты и казни были обоснованными. Мы боялись заглянуть за занавес, который для нас при жизни Сталина был плотно закрыт.

Сталин вершил все сам, а нам только сообщал, что вот такого-то еще арестовали, вот таких-то расстреляли — они враги народа. Я уже говорил, что в последние годы жизни Сталина Центральный Комитет фактически не работал, Политбюро бездействовало, никаких обсуждений, а тем более отчетов не было. Все, что говорилось Сталиным, было гениальным, все это было в интересах революции.

Часть заключенных была освобождена сразу после смерти Сталина. Берия тогда поднял этот вопрос, подработал, внес предложение, и мы согласились, но оказалось, что освобождены были уголовники: убийцы, грабители, мерзавцы и всякие подлые люди. Когда они вернулись — стали продолжать грабеж и убийства. Ропот пошел среди народа, что вот воров и убийц выпустили и они делают свое грязное дело. К этому времени уже был разоблачен и осужден Берия. Поэтому нам приходилось давать объяснения. Мы сами видели, что это было сделано неправильно, и хотя это было предложение Берия, но принимали решение правительство и ЦК, и мы все несли ответственность за него. Сколько их было освобождено, я боюсь сказать, но это была огромная армия.

Политические же заключенные и ссыльные все остались в тюрьмах и ссылках. Берия еще до ареста даже предложил принять закон, который давал бы право Министерству внутренних дел, то есть Берия, по своему усмотрению решать, куда возвращаться после отбытия срока этим людям. Я уже говорил, что я категорически запротестовал и все меня поддержали. В результате это предложение Берия отозвал.

В процессе подготовки к съезду я на заседании Президиума ЦК поставил такой вопрос:

— Товарищи, давайте посмотрим, насколько были обоснованы аресты и казни. Мы идем к съезду, и мы должны знать правду.

Окончание. Начало см. №№ 5—8, 1990 год.

До этого я вызывал Генерального прокурора, товарища Руденко, и спросил его:

— Вы смотрели эти дела?

— Да,— говорит,— некоторые смотрел.

— Ваше мнение? Что вы можете сказать? Насколько были обоснованы аресты?

Он мне сказал, что с точки зрения юридической никаких оснований для арестов и тем более для казней не существовало. Это все были волевые решения, и никаких конкретных преступлений, за которые можно судить и наказывать людей, не было.

— Ну, хорошо. А те, кого судили открыто? Я сам был на суде, когда судили Рыкова, Бухарина, Ягоду, Зиновьева, Каменева. Какие за ними преступления?

Он улыбнулся и говорит:

— За этими тоже нет никаких преступлений. Никаких фактов в материалах нет. Это злоупотребления с точки зрения судебной процедуры. Люди, которые проводили следствие, видимо, вымогали признания.

— Но я же сам слышал, как они признавались в преступлениях, в которых их обвиняли?!

Он посмотрел на меня и опять улыбнулся:

— Это «искусство» тех, кто вел следствие и проводил суд. Людей сажали и доводили до такого состояния, когда единственным способом прекратить свои страдания и издевательства над собой было признание, а следующим шагом — смерть.

Таково было мнение Генерального прокурора. Я сказал об этом на заседании Президиума ЦК. Тогда мы решили создать комиссию, а председателем комиссии я предложил утвердить секретаря Центрального Комитета Поспелова. Я руководствовался тем, что он много лет проработал редактором газеты «Правда», считался близким человеком к Сталину. Если бы Сталин к нему относился плохо, он не мог бы оставаться редактором «Правды». Поспелов был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал больше — он был ему рабски предан. Когда мы сообщили, что Сталин умер, больше всех волновался и буквально рыдал Поспелов. На него даже прикрикнул Берия: «Что ты? Прекрати!» Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это будет внушать доверие к материалам, которые подготовит комиссия.

Они провели расследование, подняли все документы, вызвали и допросили множество людей — и арестованных, и тех, кто вел следствия, арестовывал,— просмотрели материалы, на основании которых люди были заключены в тюрьмы, отправлены в ссылки, казнены. Комиссия представила документ, где все ее члены расписались под общим заключением, свидетельствовавшим, что мы столкнулись с невероятным злоупотреблением власти. Ста-

XX съезд. Перерыв перед выступлением Н. Хрущева о культе Сталина.

лин сделал то, о чем никто из нас не думал и не предполагал.

Тогда передо мной встал вопрос: «Как это могло быть?»

Я не раз возвращался к этому вопросу и искал ответа для самого себя. Единственный ответ, который я считаю абсолютно правильным и который объясняет корни злоупотреблений, причины этих казней, тирании Сталина, содержится в завещании Ленина. Если его сейчас проанализировать, оно говорит обо всем. Ленин еще в те времена, когда он писал свое завещание, уже ясно видел, к чему может привести партию Сталин, если он останется в руководстве и будет занимать пост Генерального секретаря. Ленин писал, что надо отстранить его от этой должности, хотя Сталин обладает качествами, необходимыми для руководителя. Но Сталин груб и способен злоупотреблять властью, а значит, держать его на таком посту нельзя. Он предлагал переместить Сталина и выдвинуть вместо него человека, который был бы более доступен и более внимателен, более терпимо относился к своим товарищам и не злоупотреблял бы своим высоким положением. Я считаю, это была очень точная характеристика, и жизнь полностью подтвердила мнение Ленина. ЦК не прислушался к ленинским словам, не сделал соответствующих выводов и потерпел поражение. Не Центральный Комитет, а вся партия была наказана тем же Сталиным, его злоупотреблениями, поголовным уничтожением партийного и беспартийного актива. В этих действиях Сталина было что-то болезненное.

Я уже упоминал случай, происшедший в 1951 году, в последний раз, когда Сталин выезжал отдыхать на Кавказ. Я тоже отдыхал в Сочи, а Анастас Иванович Микоян был тогда в Сухуми. Сталин вызвал меня, и Микоян тоже приехал. Как-то мы гуляли около домика с Анастасом Ивановичем, и Сталин вышел. Я точно помню, что он сказал. Он говорил не нам; нет, это был разговор как бы с самим собой.

Сталин сказал:

— Я никому не верю, я сам себе не верю. Пропащий я человек.

Меня могут спросить: почему Сталин вдруг стал говорить подобные вещи, да еще и при других?

Я и сам тогда себе задавал тот же вопрос.

Но он не мне это сказал и не Микояну. Думаю, у него была внутренняя потребность высказаться. И он очень правильно сказал, что никому не верит, что он пропащий человек,— это все, кто с ним работал, могли наблюдать. Таким образом, черты, отмеченные в завещании Ленина, подтвержденные собственным его признанием в нашем присутствии, послужили причиной большой трагедии для партии, для всего нашего народа.

Материалы комиссии Поспелова были для многих из нас совершенно неожиданными. Я говорю о себе, в какой-то степени о Маленкове, Булганине и, безусловно, Первухине, Сабурове и других.

Я считаю, что более всех был подготовлен к возможности вскрытия фактов, которые были освещены в записке Поспелова, товарищ Микоян. Не могу утверждать, что он знал все, но все же Микоян был ближе к Сталину, и многие из тех, кто работал с ним, кому он доверял и кого уважал, были уничтожены. Зная Анастаса Ивановича, его проницательный ум и его умение обобщать, я думаю, если он и не знал, то, во всяком случае, догадывался и допускал необоснованность арестов, и особенно казней, проводившихся во времена Сталина. В частности, Анастас Иванович рассказывал мне о своем разговоре с Серго Орджоникидзе накануне его гибели. Мне как члену комиссии по похоронам Серго Орджоникидзе ее председатель Авель Софронович Енукидзе сказал, что Серго Орджоникидзе умер скоропостижно от разрыва сердца. Понятно, он объяснял это так, как сказал Сталин.

Позднее совершенно случайно я у Сталина как-то стал восхищаться Серго. Это произвело плохое впечатление, мне никто не возразил, но все притихли, приумолкли. Потом Маленков мне объяснил, что Серго застрелился. Конечно, в те времена, когда умер Серго, он тоже ничего не знал, он был даже дальше от Сталина, чем я, но во время войны Маленков узнал об этом из разговоров.

Анастас Иванович мне рассказывал после смерти Сталина, что Серго Орджоникидзе застрелился в воскресенье, а накануне, в субботу, они вместе гуляли в Кремле и беседовали. Во время этого разговора Серго, по словам Микояна, сказал, что он не может дальше жить: бороться со Сталиным невозможно, а терпеть то, что он делает, нет сил...

Почему мы создали комиссию Поспелова? Я рассуждал так: мы идем к съезду партии, первому съезду после смерти Сталина. На этом съезде мы должны были взять на себя обязательства по руководству партией и страной. Для этого необходимо было точно знать, что творилось, чем были вызваны решения Сталина по тем или иным вопросам. В первую очередь это касалось людей, которые были арестованы. Следовало разобраться, за что они сидят и что с ними делать дальше. Тогда в лагерях сидели несколько миллионов человек. Это огромное количество людей было в заключении вплоть до XX съезда, а ведь прошло три года после смерти Сталина. За эти три года мы не смогли разорвать с прошлым, мы не могли набраться мужества, ощутить внутреннюю потребность, чтобы приоткрыть полог и заглянуть, что же там за этой ширмой, что кроется за тем, что было при Сталине,— арестами, судами, произволом и расстрелами. Мы, конечно, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и внутренне еще не освободились от его давления. Мы не могли представить, чтобы эти репрессии могли быть необоснованными, что это, говоря юридическим языком, преступления. А ведь так и было! Сталиным были совершены уголовные преступления, которые наказуются в любом государстве, за исключением государств, где правительства не руководствуются никакими законами, типа фашистских машин Гитлера или Муссолини.

Создалось двойственное положение: Сталин умер, Сталина мы похоронили, а люди находились в ссылке, в заключении, следовательно, продолжалась старая политика, и все, что было сделано при Сталине, тем самым одобрялось, даже аресты и казни. Людей, которые погибли заклейменные как враги народа, никто и не думал реабилитировать.

Кроме Микояна, наиболее информированными об истинных размерах и причинах сталинских репрессий были, по моему мнению, Молотов, Ворошилов и Каганович. Думаю, Сталин с ними обменивался мнениями.

В то же время, вероятно, Каганович не знал всех «тонкостей». Вряд ли Сталин с ним делился. Каганович — подхалим, он отца родного зарезал бы, если бы Сталин моргнул, сказал бы, что это необходимо сделать в интересах сталинского дела. Сталину и не нужно было втягивать Кагановича, он сам больше всех кричал, из кожи вон лез перед Сталиным, арестовывал направо и налево, разоблачая «врагов». Когда он пришел в НКПС, то уж тут-то и развернулся в полную силу...

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

Итак, мы подошли вплотную к съезду.

Я отказывался от отчетного доклада на XX съезде, поскольку считал, что раз мы провозгласили коллективное руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК. Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил обсудить этот вопрос и решить, кто выступит с докладом.

Все, в том числе и Молотов (а он как старейший среди нас имел больше всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно, и я чувствовал, что не только по форме, но и по существу, высказались, чтобы этот доклад делал я. Видимо, тут все же сыграло роль то, что по формальным соображениям я был секретарем Центрального Комитета и моя кандидатура не вызывала возражений. Если же выдвигать другого докладчика, в этом случае могло оказаться много претендентов, что вызывало новые сложности. После смерти Сталина уже не было человека, который был бы признанным руководителем. Претенденты на это место были, но лидера все же не было. Поэтому доклад поручили сделать мне.

Я подготовил доклад. Его обсудили на Пленуме ЦК и одобрили. Работа над

ним была плодом коллективного творчества. К составлению доклада привлекли большие силы в ЦК, научно-исследовательские институты, и прочие органы, и людей, которые обычно занимаются составлением отчетных докладов.

Начался съезд. Я прочитал доклад. Начались прения. Съезд шел, я бы сказал, хорошо. Для нас он стал испытанием. Каким будет съезд после смерти Сталина? Выступавшие одобряли линию Центрального Комитета, не чувствовалось никакой оппозиции, и ходом событий не предвещалось никакой бури. Я все время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо, доклад мой был принят хорошо и одобрялся выступавшими ораторами. Но тем не менее я не был удовлетворен. Меня мучила одна мысль: вот съезд кончится. Будет принята резолюция. Все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч расстрелянных людей, две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII партийном съезде. Единицы уцелели, практически весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Мало кому повезло, и он остался живым. Что же дальше?

Перед тем как на XX съезде поставить вопрос о реабилитации, в Президиуме ЦК проходила большая внутренняя борьба. Категорически против постановки этого вопроса были Молотов, Ворошилов и Каганович. Это меня не удивляло, потому что эти люди, особенно Молотов и Ворошилов, вместе со Сталиным отвечали за все беззакония.

Уже после войны, когда мы встречались и разговаривали, я видел по репликам и воспоминаниям, что они в полной мере ответственны за эти беззакония. Достаточно указать на такой факт, который стал нам известен уже после XX съезда, когда мы создали комиссию, чтобы изучить более подробно документы, связанные с репрессиями. Обнаружилась записка Ежова Молотову, где перечислялись фамилии жен шести врагов народа и предлагалось выслать их из Москвы в ссылку. Молотов наложил резолюцию: «Расстрелять», и все они были расстреляны. Это же ужасная вещь: если НКВД пишет, что их надо только выслать, следовательно, нет никакого преступления!

Этот документ показывает, что Молотов наравне со Сталиным полностью отвечает за эти убийства.

Записка комиссии Поспелова все время сверлила мне мозг. Наконец я собрался с силами и во время одного из перерывов между заседаниями съезда, когда в комнате президиума были только члены Президиума ЦК, сказал:

— Товарищи, а как же быть с запиской товарища Поспелова? Как быть с расстрелами, арестами? Кончится съезд, и мы разъедемся, не сказав своего слова. Ведь мы уже знаем, что люди, подвергшиеся репрессиям, были невиновны, они не были врагами народа. Это честные люди, преданные партии, преданные революции, ленинскому делу строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Люди будут возвращаться из ссылки, мы же держать их теперь не можем по лагерям. Надо подумать, как их возвратить.

К этому времени мы еще не приняли решения о пересмотре дел и освобождении заключенных.

Как только я договорил, тут сразу на меня все набросились, особенно Ворошилов:

— Что ты?! Как это можно?! Разве можно все это рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, на авторитете нашей страны?! Это же в секрете не удержишь! И нам тогда предъявят претензии! Что же мы можем сказать о нашей роли?!

Очень горячо стал возражать с тех же позиций и Каганович. Это была позиция не глубокого партийного и философского анализа, а шкурная, личная. Сказывалось стремление уйти от ответственности, замять преступления, прикрыть.

Я возмутился:

— Если даже рассуждать с ваших позиций, невозможно ничего скрыть! Люди будут выходить из тюрем, возвращаться к родным. Они расскажут своим родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как все было. Это станет достоянием всей страны, всей партии. Люди отсидели 10—15 лет, а кто и больше, совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Оставить это без последствий невозможно! Потом, товарищи, я прошу задуматься: мы проводим первый съезд после смерти Сталина. Я считаю, на этом съезде мы должны чистосердечно рассказать делегатам всю правду о жизни и деятельности партии, Центрального Комитета за отчетный период. Мы отчитываемся сейчас за время после смерти Сталина, но мы, как члены Центрального Комитета, должны сказать и о сталинском периоде. Мы же были в руководстве вместе со Сталиным, как же мы можем ничего не сказать делегатам? Съезд закончится, делегаты разъедутся. Приедут бывшие заключенные и начнут их информировать по-своему. Тогда делегаты, вся партия скажут: позвольте, как же это? Был XX съезд, и там нам ничего не сказали? Вы что, не знали о том, что рассказывают люди, вернувшиеся из ссылок, из тюрем? Вы должны были знать! Мы же ничего не сможем ответить. Сказать, что мы ничего не знали, это ложь: есть записка товарища Поспелова, и мы теперь уже знаем обо всем, знаем, что репрессии ничем не обоснованы, это был произвол Сталина.

Ответом мне была опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли в один голос: «Нас притянут к ответу. Партия имеет право призвать нас к ответу за это. Мы были в составе руководства, и если мы не знали, так это наша беда, но мы ответственны за все».

Я возразил:

— Если рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом централизме, то мы, как руководители, не имели права не знать. Но ведь и я, и другие находились в таком положении, когда мы не знали многого. Был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят и сам не лезь. Мы и не совали носа. Но не все были в таком положении. Некоторые знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь ответственность разная. Я готов, как член Центрального Комитета и член Политбюро с XVIII съезда, нести свою долю ответственности перед партией, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался этот произвол.

Со мной опять не соглашались:

— Ты понимаешь, что будет?

Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов доказывал, что нельзя этого делать и не надо.

— Кто нас спрашивает?! Кто нас спрашивает?! — повторял он.

Я говорю:

— Преступление-то было? Надо нам самим сказать, что оно было. Когда тебя будут спрашивать, то тебя уже судить будут. Я не хочу этого. Не хочу брать на себя такой ответственности.

Но согласия не было. Тогда я увидел, что добиться решения от членов Президиума Центрального Комитета не удастся. В президиуме съезда мы эти вопросы пока не ставили, пока не договорились внутри Президиума Центрального Комитета.

Тут я выдвинул такое предложение:

— Идет съезд партии, и во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов Центрального Комитета и членов Президиума ЦК, уже не действует. Отчетный доклад уже сделан, и каждый член Президиума и член ЦК имеет право выступить и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения Отчетного доклада.

Я не сказал, что я выступлю с таким заявлением, но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения по арестам и расстрелам.

Я сейчас не помню, кто персонально поддержал меня. Кажется, это были Булганин, Первухин и Сабуров. Я не уверен, но думаю, что, возможно, и Маленков поддержал меня. Сейчас я не могу точно сказать, ведь он был секретарем ЦК по кадрам и его роль в этих вопросах была довольно активной. Он помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Я не говорю, что он проявлял инициативу в репрессиях. Вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, десятки и сотни людей были репрессированы и многие казнены.

В результате кто-то проявил инициативу:

— Раз вопрос стоит так, видимо, надо все-таки доклад сделать.

Все неохотно согласились.

Я сказал:

— Даже у людей, которые совершили преступление, раз в жизни бывает такой момент, когда они могут сознаться и это принесет им если не оправдание, то хотя бы снисхождение. Если с этих позиций рассматривать решение вопроса о докладе по поводу злоупотреблений Сталина, то это можно сделать только на XX съезде. На XXI съезде уже поздно будет, если мы вообще сможем дожить до этого времени и нас не привлекут к ответственности. Поэтому лучше всего сделать это сейчас.

Тогда возник вопрос, кому делать доклад. Я предложил товарища Поспелова. Аргументировал я свое предложение тем, что он изучал эти вопросы, он — председатель комиссии, он составлял записку, которой мы, собственно, и пользуемся. Поэтому ему не нужно особенно готовиться, он может легко переделать записку в доклад и прочесть его съезду.

Многие, я сейчас не помню, кто именно, стали возражать и предложили, чтобы этот доклад опять сделал я. Мне было неудобно: я уже прочел Отчетный доклад, ни слова об этом не сказал, а теперь делаю второй доклад? Я стал отказываться, но мне возразили:

— Если сейчас не ты выступишь, а сделает доклад Поспелов, тоже один из секретарей ЦК, то возникнет невольный вопрос: почему Хрущев в своем Отчетном докладе ничего не сказал об этом, а Поспелов выступил в прениях по такой важной теме? Не мог же Хрущев не знать или не считаться с ее важностью? Следовательно, возможно, что по этому вопросу существуют разногласия в руководстве и Поспелов выступил с собственным мнением.

Этот аргумент заслуживал внимания, и я согласился. Решили, что я выступлю с докладом по этой записке. Поспелов ее переделал. Мы устроили закрытое заседание во время прений по отчету ЦК, на котором я и сделал доклад.

НОЧНОЙ ДОКЛАД

Съезд выслушал мой доклад молча. Как говорится, слышно было, как муха пролетит. Все это прозвучало совершенно неожиданно для делегатов. Нужно было видеть, как люди были поражены зверствами, совершавшимися над членами партии, заслуженными, старыми большевиками и молодежью. Сколько погибло людей! Это была трагедия для партии, для делегатов съезда.

Вот так родился доклад на XX съезде о злоупотреблениях Сталина.

Копию доклада мы разослали по партийным организациям. Правда, мы приняли меры, чтобы эти документы не могли где-то остаться. Дали их для ознакомления и братским компартиям. В том числе получила их и Польша. В Польше как раз после XX съезда умер секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии товарищ Берут. После смерти Берута там произошли большие волнения, и этот документ попал в руки польских товарищей, которые стояли на позициях недружелюбия к Советскому Союзу. Они этот документ использовали в своих целях и размножили его. Мне говорили, что поляки его очень дешево продавали. Доклад Хрущева, сделанный на закры-

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Л. Каганович: «А Берия мне говорит...»

том заседании XX съезда, ценился недорого. Его на базаре покупали поляки и разведки всех стран мира. Таким образом, этот документ был обнародован тогда же.

Мы тогда этого не подтвердили. Я помню, что меня спросили журналисты, что, мол, вы можете сказать по этому поводу. Я ответил, что я такого документа не знаю, что на этот вопрос должен отвечать господин Даллес, то есть разведка США...

Но я немного отвлекся.

Я и сейчас считаю, что вопрос на XX съезде был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Я не только не раскаиваюсь, но рад, что смог правильно уловить момент и настоять, чтобы этот доклад был сделан. Ведь могло быть и иначе: мы находились в шоке, людей держали в тюрьмах, в лагерях. Мы создали распространенную версию о роли Берия, будто бы Берия полностью отвечает за злоупотребления, допущенные Сталиным. Это тоже своего рода результат шока. Мы все еще не могли освободиться от представления о Сталине как о друге народа, отце народа; Сталин-гений и прочее. Невозможно было представить, что Сталин — убийца, изверг. И даже после процесса над Берия мы находились в плену этой расхожей версии, созданной нами в интересах реабилитации Сталина: не бог виноват, а апостолы, которые сидели и плохо докладывали богу, а бог и насылал или град, или гром, или другие бедствия. Народ страдал не потому, что бог этого хотел, а потому, что плохой был Николай-угодник, Илья-пророк, Берия и прочие, прочие, прочие.

И сейчас другой раз встречаются люди, которые задают мне вопрос:

— Товарищ Хрущев, а может быть, не надо было рассказывать всего о Сталине? Ведь Сталин вот такой, Сталин то-то сделал?

Это не соучастники Сталина в злодеяниях, а простые люди: они привыкли молиться на Сталина, и сейчас им трудно. Обычно пожилые люди задают такие вопросы. Они сжились с этим представлением, им трудно отрешиться от прежних понятий и аргументации сталинских времен.

Я считаю, это результат недостатков в воспитании членов партии. Все методы воспитания в партии Сталин приспосабливал к себе, к своей деятельности: подчинение без рассуждений и абсолютное доверие. Идти на смерть без сомнения, конечно, хорошо во время войны, но это всегда оборачивается обратной стороной, потому что человек, без рассуждений верящий тебе, если узнает, что его доверие обмануто, становится твоим врагом. Это очень опасная тенденция. Я всегда стоял и сейчас тем более стою за абсолютную правдивость перед партией, перед комсомолом, перед народом. Только в этом неисчерпаемый источник силы партии, и только так можно завоевать доверие народа.

Я сейчас часто слушаю радио. Приемник — мой постоянный спутник во время прогулок. От него я получаю и информацию, и удовольствие. Я люблю народную музыку, люблю народные песни. Кое-что мне нравится и из современной музыки; но, каюсь: видимо, человек в моем возрасте больше склоняется к тому, на чем он был воспитан в молодости. Особенно я прихожу в хорошее настроение от пения Людмилы Зыкиной — это моя любимая певица. Слушаю я и другие передачи. Передач очень много, большинство хороших, но бывает и дребедень, которая засоряет эфир.

Однажды я услышал одну из последних глав романа Шолохова «Они сражались за Родину». Михаил Александрович верен своим приемам. Историю этого периода, времени злоупотреблений Сталина, его расправ над верными и честными кадрами, воспитанными Лениным, он передает в форме беседы двух рыбаков, вроде деда Щукаря. Сидят они и беседуют.

Один задает другому вопрос:

— Как понимать товарища Сталина? Говорят, что он проглядел, а сколько людей было наказано, сколько казнено. Как это Сталин мог допустить?

— Да, трудно понять,— отвечает другой.

Тогда первый опять спрашивает:

— А не Берия ли тут главный виновник? Ведь он все Сталину докладывал?

И ответ:

— Да, все дело в Берия.

Михаил Александрович — умный человек, хороший писатель, но то, что он навязывает людям такое понимание трагедии партии и народа, когда столько людей погибло от руки Сталина, конечно, не украшает автора.

Ведь это элементарные вещи: не Берия создал Сталина, а Сталин сотворил Берия. Сталин воспитал его. Сталин сотворил и Ежова. «Ежевика, ежовая рукавица» — это все термины Сталина. А еще раньше был Ягода. Все они последовательно сходили со сцены. Одни «герои», созданные Сталиным, заменялись другими, и это тоже было вполне логичным для Сталина.

Сталин чужими руками уничтожал честных людей, и он знал, что они чисты перед народом и перед партией. Эти люди гибли в результате того, что он им не доверял. А потом надо было убрать одних душителей и выбрать других. Таким образом, получилось три «эшелона»: сперва Ягода, за Ягодой — Ежов, за Ежовым — уже Берия.

На Берия этот процесс оборвался. Вернее, не на Берия, а на смерти самого Сталина. Берия предстал перед судом народа как преступник.

Но мы все еще находились в плену прежних представлений о Сталине. Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, мы дали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Он казался нам удобной фигурой, и мы сделали все, чтобы выгородить Сталина, не сознавая того, что выгораживаем преступника, убийцу.

Я впервые почувствовал ложность нашей позиции, когда мы приехали в Югославию и беседовали с товарищем Тито и с другими товарищами. Когда мы затронули этот вопрос и сослались на Берия, то они стали улыбаться и подавать реплики. Это нас раздражало и, защищая Сталина, мы вступили в спор, дошедший до скандала. Потом я публично выступал в защиту Сталина против югославов. Сейчас ясно, что эти позиции были неправильными, это была точка зрения человека, и не осознавшего необходимости разоблачить до конца эти преступления, чтобы подобные методы никогда не могли вернуться в нашу партию.

Поэтому тот, кто действительно хочет установления в партии ленинских норм, должен приложить все силы для разоблачения Сталина и осуждения сталинских методов. Необходима реабилитация людей, многие из которых еще не реабилитированы, нужно полное разоблачение творившихся беззаконий с тем, чтобы призрак этих методов не мог подняться из могилы.

Я удивляюсь некоторым людям, в том числе крупным военачальникам, стремящимся в своих докладах или воспоминаниях обелить Сталина, представить его «отцом народа», доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну, попали бы под пяту фашистов. Это — глупые рассуждения, больше того, рабское понимание. Что же, теперь, когда Сталина нет, мы должны оказаться под немецким, или английским, или американским влиянием? Нет! Народ выдвинет руководителей и сумеет постоять за себя, как было всегда, когда на него нападали враги. Несуразность таких рассуждений не нуждается в доказательстве.

Я помню на каком-то собрании выступал один наш военачальник и, говоря добрые слова о Сталине, тут же возвеличил Блюхера. Другие говорят о Сталине и тут же поют дифирамбы Тухачевскому. Товарищи, надо же концы с концами сводить! Нельзя же на один пьедестал возводить убийцу и его жертву.

Кто такой Блюхер? Блюхер — это герой гражданской войны, военный самородок. Рабочий, слесарь, он во время гражданской войны сформировался как крупнейший полководец. Он получил орден Красного Знамени № 1. Одно это говорит о том, кем был Блюхер. Блюхер, как один из лучших советских военачальников, был послан в Китай советником. И вдруг его расстреляли. Нельзя говорить о Сталине и Блюхере и умалчивать о причинах гибели Блюхера. Нельзя закрывать глаза и считать, что никто ничего не видит. Подобные действия могут вызвать только недоверие.

Когда-то, когда я был в Болгарии, в одном своем выступлении я привел слова Пушкина из его произведения «Моцарт и Сальери». У него описывается такой эпизод: Моцарт и Сальери беседуют, и Моцарт, не подозревая, что Сальери готовится его отравить, говорит: «Гений и Злодейство несовместимы». Так и Сталин. Нельзя совместить гения и убийцу в одном лице. Нельзя объединять жертву, такого человека, как Блюхер — а их были тысячи,— ничего не объясняя, с их убийцей — Сталиным. Мотивы — другой вопрос. Некоторые аргументируют так: это сделано Сталиным не в личных корыстных целях, это было заботой о своем народе.

Это дико: заботясь о народе, он убивал его лучших сынов! Вот такая «дубовая» логика.

В моем докладе на XX съезде ничего не было сказано об открытых процессах, на которых присутствовали представители братских коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина и других вождей партии, вождей народа. Они заслуживают того, чтобы быть названными вождями. Взять, например, Рыкова. Рыков после смерти Ленина стал Председателем Совета Народных Комиссаров. Он имел большие заслуги перед партией, перед народом и достойно представлял Советскую власть. А его судили и расстреляли.

Бухарин. Все знают, что Бухарин был одним из любимцев партии. По «Азбуке коммунизма» Бухарина все старшее поколение обучалось марксистско-ленинской теории. Бухарин много лет был редактором «Правды». Ленин называл его: «Наш Бухарчик».

Зиновьев и Каменев. У них были октябрьские ошибки. Это всем известно, но всем известно и другое. После этих ошибок Зиновьев и Каменев были привлечены Лениным к работе в Политбюро, и они наряду с другими достойно руководили партией. Когда правительство переехало в Москву, то Зиновьев остался в Ленинграде. Ему было доверено руководство первой столицей, самым революционным городом — Питером, который поднял знамя восстания в Октябре.

Каменеву была доверена Москва. Он был Председателем Моссовета. Все это говорит о том, как Ленин относился к ним после их ошибок.

Сейчас, бывает, по радио называют фамилии. Например, говорят: Ленин то-то поручил Ломову. А где этот Ломов? Я Ломова хорошо знал. Мы с ним неоднократно встречались, когда я работал в Донбассе после гражданской войны. Тогда Ломов возглавлял там добычу угля. Поэтому я часто бывал у него на совещаниях в Донбассе или в Харькове, где находилось его управление. Это был очень уважаемый в партии человек с дореволюционным подпольным стажем. А где этот Ломов? Расстрелян. Нет Ломова. Я уже говорил о Тухачевском, Егорове, Блюхере и других. Можно составить огромную книгу только из одних фамилий крупнейших военных, партийных и хозяйственных руководителей, дипломатов.

В вопросе об открытых процессах тоже сказалась двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца. Не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они стали жертвами произвола.

Но на открытых процессах присутствовали руководители братских партий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров, а мы не хотели дискредитировать их и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева и Рыкова и других на неопределенный срок.

Но, конечно, правильнее было бы договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь.

Главное достижение XX съезда в том, что он начал процесс очищения партии, возвращения ее к тем нормам жизни, за которые боролись Ленин и другие лучшие сыны нашей страны.

СТРАСТИ НА РЫНКЕ ИСКУССТВ

С. ШАРОВ. «РАННЕЕ УТРО».

Профессор Академии художеств Люксембурга господин Люсьен Кайзер разумно сочетает любовь к новому искусству с почтительностью к конъюнктуре западного рынка.

Направила его в Москву Ассоциация люксембургских банков, которая обратилась к «Огоньку» с неожиданным для столь солидной финансовой организации предложением — отобрать работы для готовящейся в Люксембурге выставки современной советской живописи. Пока искусствоведы спорят о продуктивности художественных поисков последних лет, заморские купцы и банкиры вкладывают доллары в картины советских художников, как до сих пор вкладывали в иконы и соболя.

Тем не менее выставка задумывалась не как коммерческая, а как «ознакомительная». К назначенному дню картины были отобраны, свезены в «Огонек» и, выстроенные в ряды, смиренно ожидали своей участи. Наши предложения сводились к тому, что современное советское искусство на выставке в Люксембурге должно по мере возможности объективно отражать сегодняшнюю ситуацию — калейдоскоп направлений, разнообразие живописных манер...

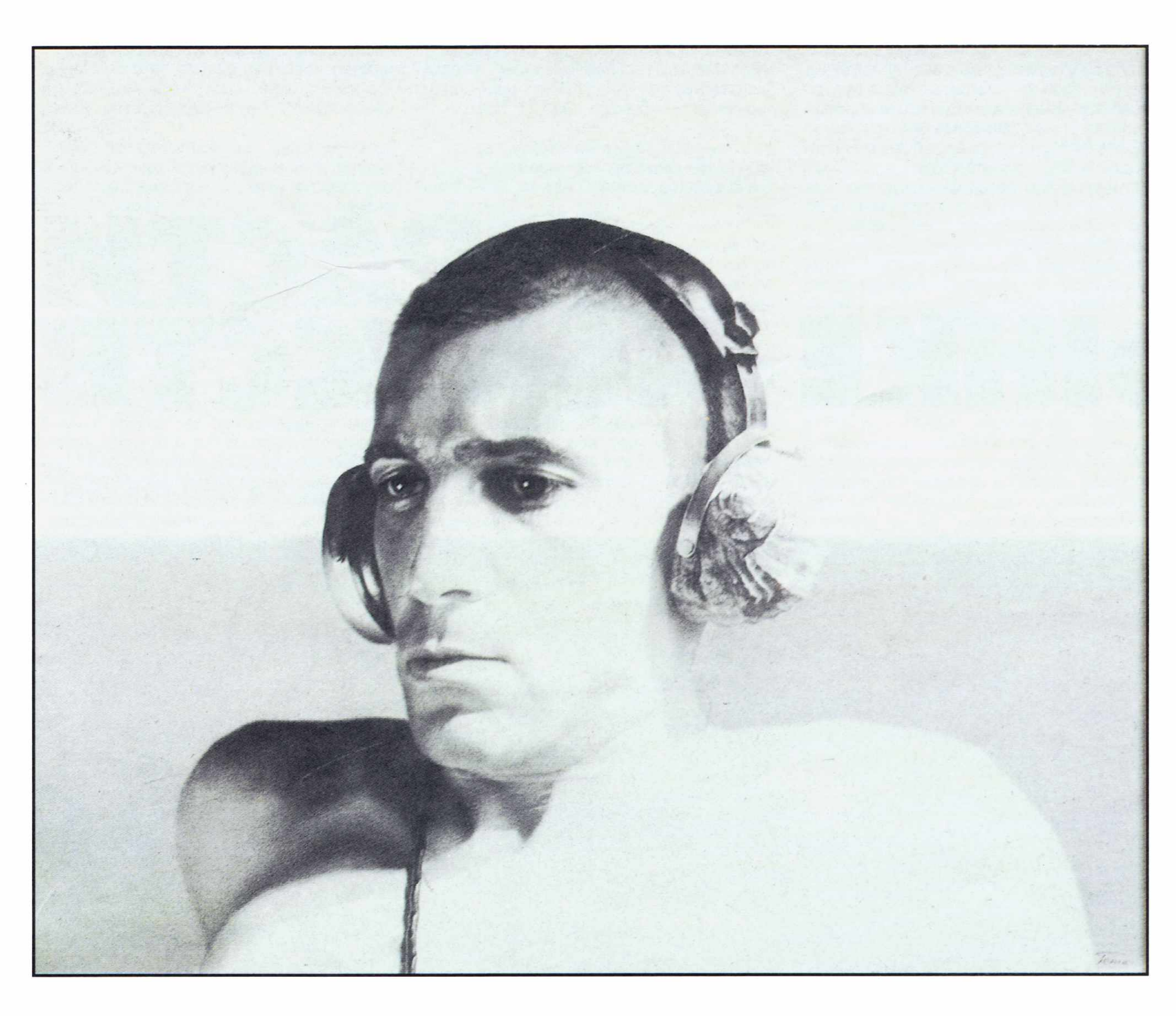
Прибыв в Москву, господин Кайзер поспешил в «Огонек», демонстрируя немедленную готовность к сотрудничеству.

— Любопытно, очень любопытно...— повторял эксперт, с профессиональным равнодушием скользя глазами по холстам.— Но знаете ли,— мягко заключил он,— хотелось бы учитывать и интересы западного зрителя...

Учтиво отклонив таким образом наш выбор, профессор искусствоведения с невозмутимостью и хладнокровием настоящего бизнесмена кинулся в пучину московской художественной жизни. За неделю он сделал столько, сколько нашим искусствоведам не под силу и за несколько месяцев. Количество выставок, галерей, мастерских, которые он обошел, не поддается никакому подсчету, а его независимость от мнений советских специалистов вызывала самый широкий диапазон чувств — от восхищения до досады.

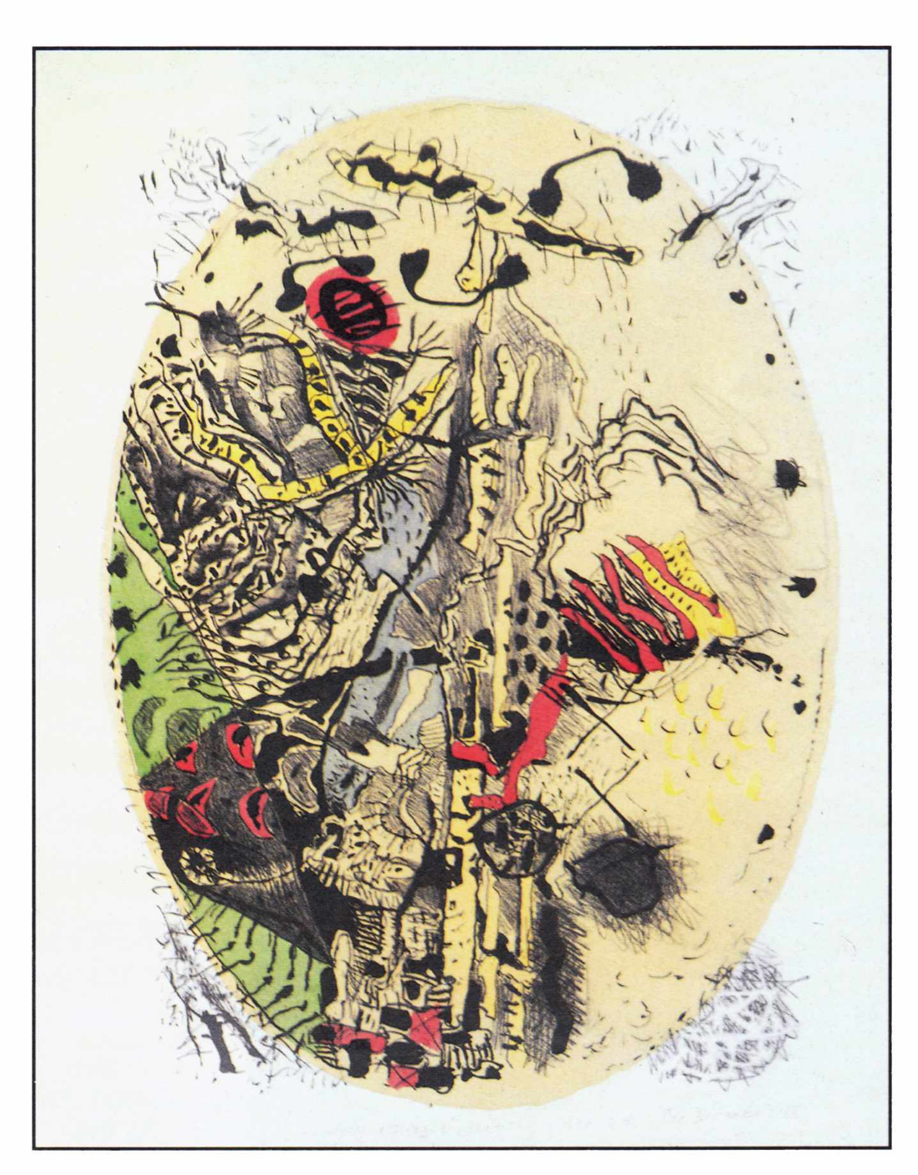
Результат этого искусствоведческого «пробега» перед вами (конечно, на вкладке мы не смогли представить все работы). Не думаю, что по отобранным здесь картинам можно судить о современной живописи в целом, скорее о другом — о вкусах западного зрителя. И эти вкусы Запада — то, что в данном случае самое любопытное для нас. Мы хотим знать, чем же мы им интересны!

Итак, в моде по-прежнему советский авангард. Но не в прежней своей форме. Из отобранных картин ни одна не попадает в разряд «соц-арта». Что же, по мнению господина Кайзера, способно заинтересовать западных ценителей искусств? Что для них внове? Традиционная мифологическая живопись туркмена Аннамохамеда Зарипова?.. Интеллектуальный абстракционизм Игоря Ганиковского?.. Низвергающая все авто-

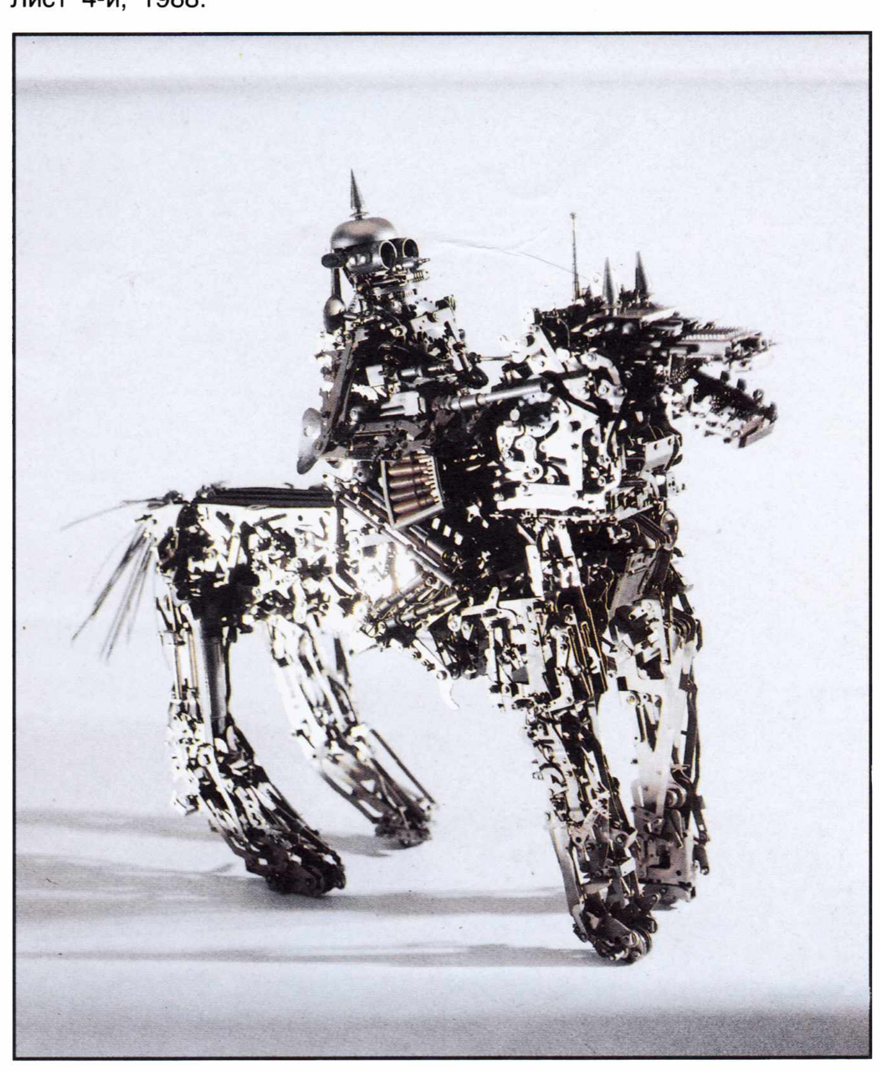

С. ГЕТА. «ШУМ МОРЯ».

Э. ШАГЕЕВ.
Из серии «АТТРАКЦИОНЫ».
Лист 4-й, 1988.

В. ВЛАСОВ. Из серии «АРХИТЕКТОНИКА В ОВАЛЕ». Лист 4-й, 1988.

Н. ГАШУНИН. «БОЛЬШОЙ ОХОТНИК», 1987.

А. СЕМЕНОВ. Из серии «МИШЕНЬ», 1989.

ФОМСКИЙ
(И. КАМИННИК, П. ФОМЕНКО).
«И СКАЗАЛ ОН, ЧТО ЭТО ХОРОШО»,
1989.

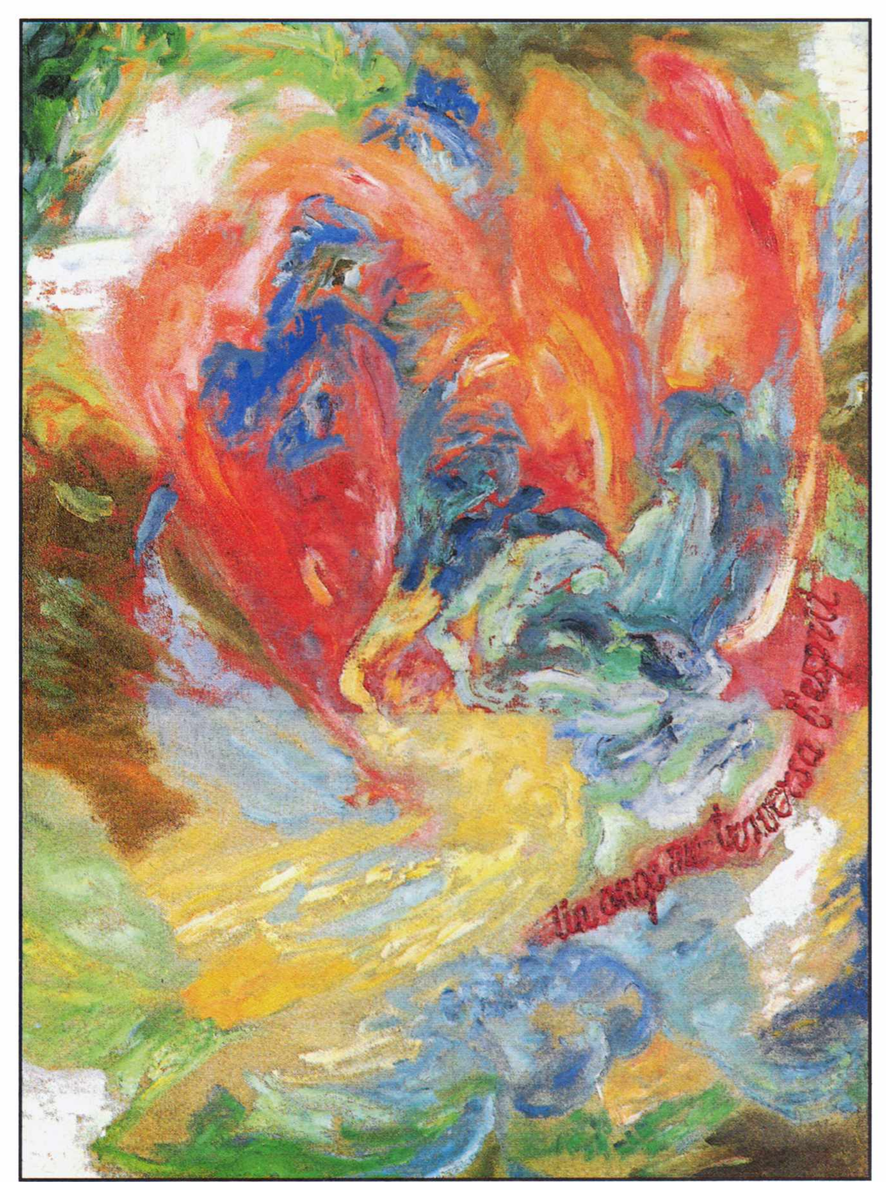

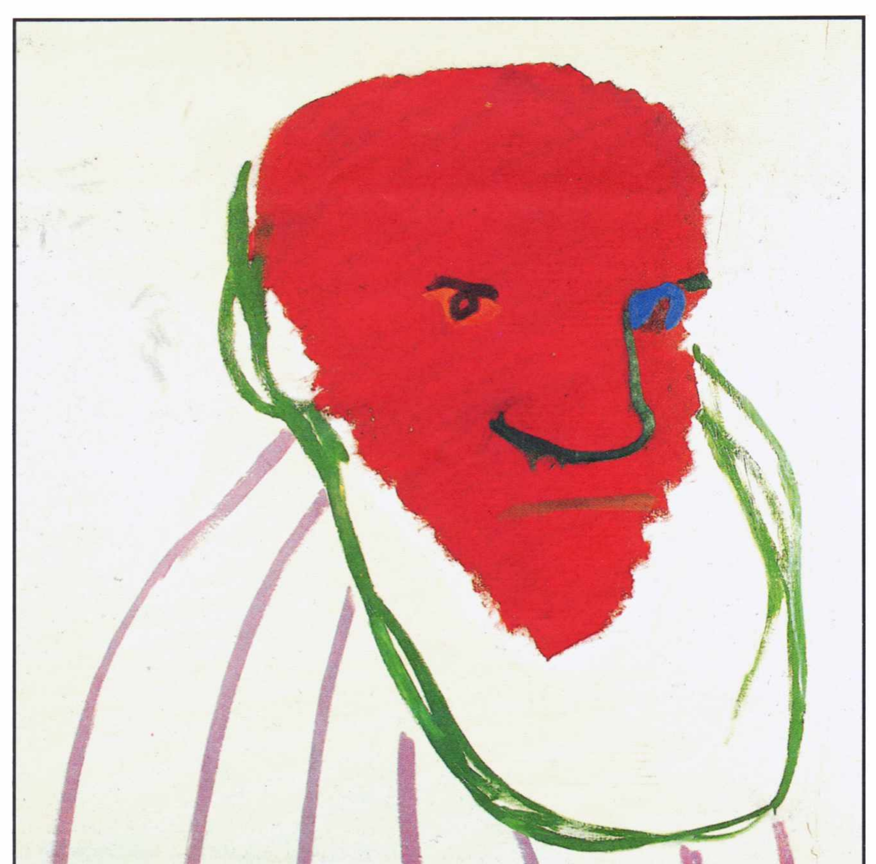
А. ЗАРИПОВ.
«ДОРОГА ЖИЗНИ», 1989.

И. ГАНИКОВСКИЙ.
«ДЕРЕВО», 1988.

Е. ГОРЧАКОВА.
«АНГЕЛ ПЕРЕСЕК
МОЮ ДУШУ», 1989.

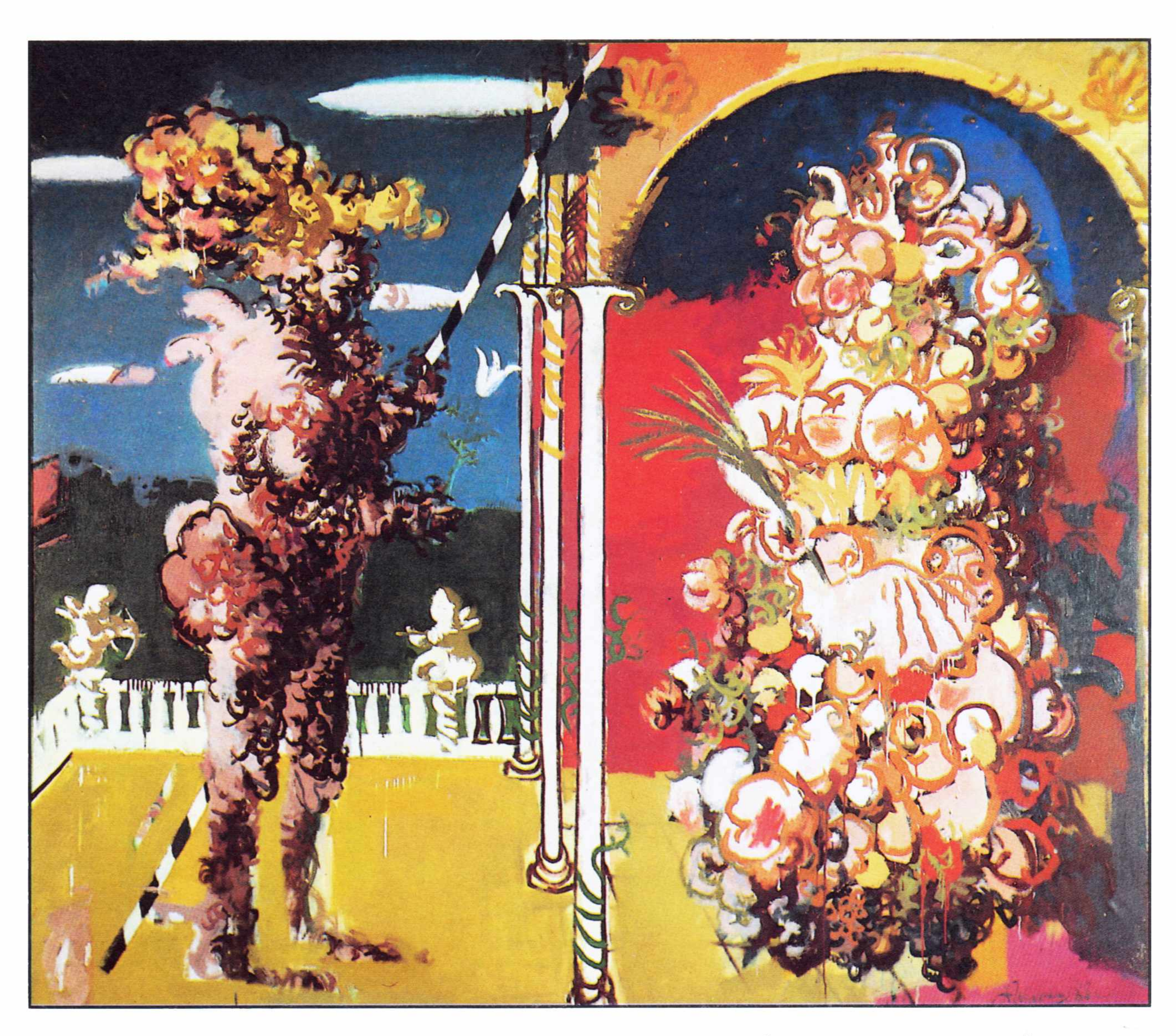

Н. ТУРНОВА. «ПОРТРЕТ», 1988.

Н. РЫБАКОВ. «ДЕТСТВО», 1987.

Н. НАСЕДКИН.
«ПЕЙЗАЖ», 1989.

А. ГНИЛИЦКИЙ. «ДИСКУССИЯ О ТАЙНЕ», 1987.

ритеты ирония Натальи Турновой?.. Дикий экспрессионизм «художника для художников» Елены Келлер?..

Да, сегодня они. Но сегодня! Как вчера — русский авангард двадцатых годов. Как завтра, может быть, народные промыслы Поволжья, строгановское шитье или что угодно...

Мы, выросшие в культурной изоляции, привыкли молиться одним богам, сверять наши новые ощущения с устойчивыми, взлелеянными представлениями о красоте и правде в искусстве, которые долгое время держали наше сознание в оцепенении. И поэтому, глядя на этот отбор, мы уже готовы составлять определенное «мнение» о вкусах западного зрителя. А этого делать не следует. Хотя бы потому, что их вкусы так же многообразны и изменчивы, как сама жизнь.

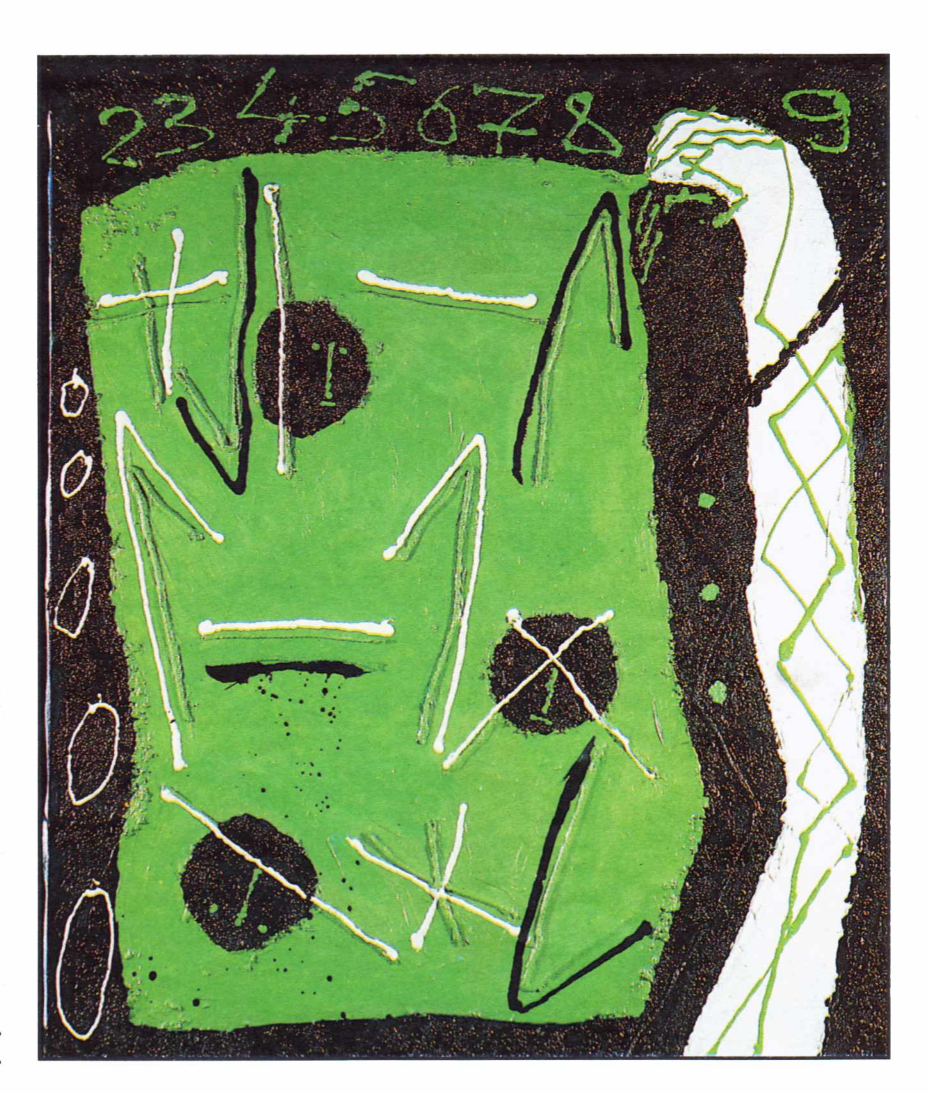
Кстати, за свой сиюминутный интерес западный зритель готов платить. И хорошо платить! Картина Сергея Шарова, например, которую вы видите, была оценена в двести двадцать тысяч долларов. За такую же цену другая его работа пошла с молотка на последнем аукционе «Сотбис». Двести двадцать тысяч!..

Но это сегодня. А завтра?

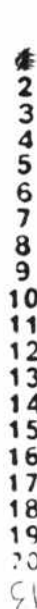
Как нам относиться к конъюнктуре на рынке искусств? Ведь само сочетание этих слов режет наш слух.

Аукцион современного искусства подобен бирже, где акции взлетают и падают с ошеломительной непредсказуемостью. Как долго продержится их успех? Наверное, на этот вопрос не рискнет ответить даже эксперт по сегодняшним вкусам западной публики господин Кайзер.

Н. ЗАГАЛЬСКАЯ

Е. КЕЛЛЕР.
«ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ», 1989.

РАМПА

Когда мы пытаемся постичь глубину разума давно сгоревшей цивилизации, мы ищем в ветхих летописях, бороздках наскальных рисунков, устных преданиях имена звезд, которые были известны давно почившему народу, которые он смог рассмотреть, отрываясь от тяжкой земной работы, чей путь он смог понять, кому он истово молился.
Продвижение людей вперед — это освоение звездного неба. По звездам находят путь не только в пучине морской и в дремучих дебрях, по звездам находят пути к обществу, народу, к одной-единственной душе человеческой.
«Маленькая Вера» — это уже не фильм, это товарный знак нынешней оттепели, мы можем по этому поводу кривить губы, но объявленная ценность обеспечивается твердой валютой всенародного банка зрителей, которые пятьдесят миллионов раз сказали: «да!» — и в этом качестве «Маленькая Вера» отправилась греметь в зарубежье, собирать призы, аплодисменты и твердую валюту, и опять же, бог его знает, что зарабатывает все эти дары заморские — экранное действо сомнительных достоинств или долгожданное пробуждение нашей спящей красавицы, разбившее вдребезги хрустальный гроб и для всех окрестных народов.
Маленькую Веру играла Наталья Негода.
Наталья Негода стала «грачи прилетели!» нашего привала на ратном пути, когда раздалась команда «вольно!» и все ломанулись кто куда: кто покурить травки в тенек; кто набился в душные каморки видеотек сопереживать стонам боли и млеть от стонов страсти; кто облепил киоски, расцвеченные разнообразно раздетым иконостасом; кто отправился в кино, где с экрана доказывается принадлежность искусства народу широкой трансляцией самых народных слов и выражений и Наталья Негода ерзает по своему малозапоминающемуся партнеру, совершая первый в истории советского киноискусства половой прилюдный акт, в котором столько эротики, сколько эротики и страсти в самолете, опыляющем ядохимикатами поле; кто-то купил билеты в театр, чтобы полюбоваться, как путеводными звездами перестройки засверкали с подмостков голые задницы,— нас вжимает в кресла на крутом повороте нашего искусства к коммерции, и случайным знаменем этого поворота оказалась Наталья Негода — звезда нашей революционной эпохи.
Ну что ж, будем искать себя по звездам.

— Здравствуйте.

— Только никаких вопросов про личную жизнь! И я ненавижу вопросы зрителей: как отнеслись ваши родные и муж (если есть), когда увидели вас в этой сцене? Я уже думала брать на встречи какого-нибудь товарища, чтобы он, раздавленный стыдом, шатаясь, выходил к микрофону и шептал в него трясущимися губами: «Да, товарищи, это я, вот этой самой муж... это она все без меня, там, на экране... Да, я бью ее теперь смертным боем каждую свободную минуту!» Ой, да никто не спросит: тяжело ли было смеяться и плакать, только одно: как же, как же это вы смогли? И как же это — снять с себя первую половину-то одежды? И что ж вы испытывали в этот самый момент? Вы ведь что-то ведь испытывали?!

Я очень хорошо представляю людей, которые задают мне вопросы о «Плейбое», о технике полового акта в кино.

— А вам не жалко этих людей? Для нашей целомудренной (естественно или вынужденно) аудитории десятилетия единственным эротическим зрелищем были долгие поцелуи государственных мужей при проводах братских делегаций в аэропорту, и «большой скачок» до этой сцены, естественно, породил шок. Наше искусство пытается экстерном перемахнуть путь, который при нормальном развитии длился полвека,— понятно, что почва у народа ползет из-под ног. Может, стоит народ пожалеть?

— Почему я должна кого-то жалеть? Что, я обязана жалеть каждого, кто не читает Толстого, Достоевского, Чехова, не ходит в музеи? Это же воинствующая толпа! И я не собираюсь двигать ее в сторону света.

— Говорят, жизнь «звезды» — рестораны, премьеры, посольства, салоны и редкий заезд домой, чтобы сменить норковую шубу на соболью?

— Врут. Сплю долго, как слон. Часов до двенадцати. Зимой почти круглые сутки. Хожу на рынок, орехов купить, ой, люблю. Если захожу в «Продукты» — начинает трясти от очередей. Дома кружу по комнате: открою книжку, загляну в ванную — нет стиральной машины и негде купить — ох, приготовлю поесть. Любимого блюда нет. Какое может быть в Союзе любимое блюдо? Включу телевизор, Съезд не смотрю. Я на месяц в Париж уезжала: телевизор на Съезде выключила, приехала — щелк! — и на том же самом месте, на том же самом слове...

— А что в Париже?

— Это сбылась маленькая мечта — чтобы просто выбраться. Побродили по улицам с любимым человеком, посидели в кафешках, сходили отметиться в Лувр. У Джоконды — неописуемая куча народа. Дело там у меня, буду сниматься. Поэтическое такое кино. Три героя, из них одна девушка, которая немного говорит по-французски, Льота. Я сценарий прочитала и засмеялась: «И что, я ни разу не разденусь?» Мне сказали: «Ну, если только сама захочешь». Теперь наняла себе педагога по-французскому. Плохо учусь, пытаюсь за свои же деньги ее еще и обмануть. Со школы учебу ненавижу, как вошла в нее, так и вышла — белым листком, только чуть помятым. Все время пыталась уйти в балерины. Была маленькая, страшная и толстая — щеки, как у барсука. Сказки читала до очень позднего возраста, плакала. Люблю поплакать. Студенткой Б. Васильева прочла —«Завтра была война»,— всю ночь прорыдала, пришла на учебу — режиссер Ю. Кара немедленно ко мне: «Хочешь сниматься в фильме «Завтра была война»?» «Да!!!»

— Легко все получается?

— Это такая дурацкая манера... О чем любой художник наш рассказывает в первую очередь? О том, как ему жутко было трудно! А кому это интересно? Ну, вот кому это надо, что у меня была проблема с ростом: маленькая, никто не видит, что на экзамен в школу-студию МХАТа таскала в сумочке туфли с десятисантиметровым каблуком и переобувалась в скверике, и как на «танцах», конечно же, свернула каблук к всеобщей радости и уковыляла, извинившись, и как не поступила первый раз... Как никто не хотел брать в театр, и мы ходили всем скопом показываться, и везде: нет, нет, нет, а когда меня взяли в ТЮЗ, мне казалось, что это грандиозный случай, а прошел год, и я поняла: боже мой, меня засасывает болото, мой талант гниет, моя молодость погибает.

— И как же вы обитали в театре?

— Молча. Кругом левые, правые, кривые, прямые, думай, что говорить, кому, как и где, и немедленно примыкай, а я от этого устаю. Не было ни врагов, ни друзей. Ни ролей. Зато все массовки — зайчики, попугайчики, клены и березки — мои. Пичул мне сказал: «Ну, и что тебе в этом? У тебя впереди открытый проспект, поездки». Я так села, подумала, тут еще предложения были от рекламных компаний на поездки в Италию, Испанию, на съемки в «Плейбое» надо было ехать — театр бы меня не отпустил. Я пока молодая — хочу попрыгать. Я с радостью из театра ушла. С радостью.

— А что для вас было самым трудным на съемках «Маленькой Веры»?

— Найти общий язык с партнером Андреем Соколовым. Любовь же с ним должна быть. А у нас как-то не сложилось. Как перерыв, мы с ним постоянно: гав, гав, гав; только съемки: ути, тюти — пошли любить друг друга.

— Эротика, секс — это то, на чем пресса сейчас добывает подписчиков, писатель — славу, кооператор — покупателя, художник — поклонников. Уцепившись за признание безымянной дурочки в телепередаче, что секса в Союзе нет, все с такой невероятной энергией бросились доказывать обратное, что создается впечатление: кроме секса, ничего другого у нас уже не осталось. Наше кино оказалось в положении человека, который послушно бегал на четвереньках, когда за ним ходили с плеткой, а когда ему разрешили встать — просто плюхнулся в лужу, никто и не помышляет об эротике как о гимне красоте человеческих тел, приобщении людей к высокой культуре чувств, смутных, непростых проявлений человеческих душ — все подается похабно, глазами детсадовца в подворотне. Творцы считают нас за стадо или сами не могут подняться выше?

— Надо быть очень сильным человеком, чтобы снять по-настоящему. Чтобы эта сцена не перешла в сопли. Надо чувствовать в себе нравственную силу. То, что снимают сейчас, имеет оттенок легкого насилия, извращения. Понимаете, художник имеет либо рамки режима, либо рамки внутреннего нравственного закона. Когда режим пал, выяснилось, что одновременно это не существует — многие художники обнаружили нравственную дистрофию.

— Вам бывает стыдно за прошлое: вспомнишь какой-нибудь момент — и прямо как кипятком ошпарит?..

— Нет. Я училась у маминых подруг такие ситуации воспринимать отстраненно, вылезая, что ли, из них... Мамины подруги были почему-то все одинокие... Одна очень смешно рассказывала: у нее был поклонник. Ну такой, приходил, но не оставался. Жениться не мог, семья была. И раз он получил на работе заказ, приходит к ней с «дипломатом» и с порога: «Ну, сегодня гуляем!». Бац «дипломат» на стол, осторожно открыл, приподнял невысоко крышку, оглянулся: «Давай нож!» — Хоп, отрезал в «дипломате» половину колбасы и на стол. «Давай ложку!» — пошуровал там и шмякнул в тарелку икры, поискал еще, «дипломата» так же не открывая, и на стол бутылку шампанского! Все! «Дипломат» закрыл и аккуратно поставил к выходу, стараясь не греметь содержимым, это домой. Она так села и подумала: «Боже, кого я люблю...»

— Вы не жалеете, что снялись для «Плейбоя»? Ни капельки?

— Честно говоря, я не думала, что будет такой резонанс. Думала, слухи не дойдут до Союза. Но «Плейбой», у которого дела идут под гору, сделал мне такую рекламу, что, когда я приехала в Нью-Йорк, поняла, что придется выставлять кулаки вперед для защиты. В Америке я давала по семь-восемь интервью в день. Переводчица уже отвечала сама, на меня не оглядываясь. Вообще я не люблю рассказывать про то, как стала первой советской моделью «Плейбоя». Я очень плохо чувствую себя здесь при этой теме — во всем мне чудится подвох... Но я не жалею.

Меня невыносимо раздражает вопрос: почему вы это сделали? Да какая женщина ответит честно на этот вопрос? Ну вот сделала! Ну что вот все-таки вами руководило? Это что, вызов коммунистической партии? Господи, да какой вызов! Так ради чего же, ради денег, что ли? Да! И ради денег тоже. Это и карьере моей помогло, и фильму. «Маленькую Веру» купили во Франции за сумму в два раза больше, чем он был куплен в Америке. И это после выхода «Плейбоя».

— Какие были творческие проблемы?

— Проблемы такие: они приглашали Наталью Негоду — русскую женщину, а на меня глянули — а где же русское-то? Где румяные щеки и толстая коса? Думали, чем бы меня обрусить... Сарафан, что ли, надеть? Я сказала, в сарафане я не буду. Другая идея возникла. Женщина-подросток, отразить это переходное состояние. Тут воспротивилась редакторша. Наши водители автобусов этого не поймут, тираж будет падать.

— Как отнеслась американская публика к тому, что «русские пришли» и в «Плейбой»?

— Да они такие же, как и мы. Есть тупые до безобразия: «Наталья, вот вы вкусили свободы, теперь вы понимаете, что должны уехать?» Наши эмигранты почти визжали от восторга: «Как мы им показали?!»

— Уважаемая Наталья Игоревна, когда вы остаетесь совсем одна, когда нечего делать и нет необходимости играть в хозяйку, покупательницу, актрису, дающую интервью, вы чего-нибудь боитесь?

— Я боюсь, что все, что со мной произошло, случайно. Сошлись звезды на небе. А завтра этого уже не будет. И жди следующих звезд. Мне было бы очень страшно не выезжать больше никогда за границу. Боюсь, что не будет предложений. Я хочу много зарабатывать денег, тратить их на себя и тех, кого люблю. Я боюсь, что наша жизнь развернется в обратную сторону. Боюсь, что мы идем по чужим следам и повторяем этапы чужого пути: послевьетнамский синдром, сексуальная революция, студенческие волнения ожидают и нас. Я боюсь потерять близких и любимых. Я очень боюсь остаться одна.

* * *

Три десятилетия назад Париж смотрел «Летят журавли», на вынырнувшую из кровавого, долгого водоворота, из страхов и тьмы времени девушку нашей мечты — Веронику, как на белую первую птицу, что садится на мачту, и значит, скоро берег, и ноги наполняются напряженным зудом от блаженной близости свободного простора земли. Это был как первый, трепетный цветок из-под снега на земле, которую так долго скрывали льды.

Сейчас в Париже стоят очереди на «Маленькую Веру» — безысходную, грубую историю не замечающих своей скотскости людей, которых не жалко в смерти и за которых не радостно в любви. Там приметой многозначности бытия пыхтит на заднем плане тепловоз, а прорывом к новому является половой акт. Звезды прошлого сияли всегда немножко впереди, а теперь прямо над головой сияет уличный фонарь, в котором тени и грязь, а небо затянуто; не до звезд, мы потерялись. И поэтому с такой неясной звериной тоской мы повторяем убитые имена, воскрешаем загубленных еретиков, ждем и беспощадны в своем ожидании, чтобы найти свою землю, чтобы сдвинуться по направлению к свету, чтобы услышать чистый и честный зов, увидев в прогале меж косматых туч острое, победное сияние высокой звезды — девушки нашей мечты!

А все остальное — это уличное освещение, сколько бы миллионов ни прогулялось под его рыжим дождем. Я говорю не про человека, только про образ.

А нам нужен краешек чистого неба. И мы не обманемся?

А. ТЕРЕХОВ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Появления на Западе в начале 1970-го небольшой брошюры Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» наша печать никак не заметила. Да и могло ли быть иное отношение: страна уверенно шла с новыми трудовыми успехами к очередному партсъезду, из пятилетки в пятилетку подтверждала безусловное преимущество «бескризиснейшей из систем» перед другими, обреченными на слом, а некий «недоучка и лжеисторик» с неясной фамилией предрекал мощному государству абсолютно абсурдную перспективу, точнее, вовсе отказывал в какой-либо...

Андрей Алексеевич Амальрик был типичным интеллигентом-«шестидесятником»: как и многие его ровесники (род. в 1938 г.), глотнувшие в юности свежего оттепельного воздуха, он уже не мог дышать при захлопнутых брежневским правлением форточках, более того, свою позицию инакомыслящего фигой в кармане держать не собирался. Впрочем, сама жизнь рано расставила акценты в его судьбе: уже в 60-м Амальрик изгоняется с истфака за курсовую работу «Норманны и Киевская Русь», и хоть через два года восстанавливается в МГУ, ситуацию это не исправило. Историк по наследственному призванию и специальности, он смог трудоустроиться лишь лаборантом, картографом, осветителем, чернорабочим, корректором, натурщиком... Попытка Амальрика напечатать или поставить в театре свои пьесы обернулась работой пастухом и возчиком в сибирском колхозе. После возвращения из ссылки — кратковременная журналистская деятельность, до 69-го, в котором — увольнение из АПН с «волчьим билетом»... Дальше — безработица, выход за рубежом книг, новые судебные преследования, вынужденная эмиграция и гибель в автомобильной катастрофе в 1980 году в Испании.

Думаем, сегодня пришла пора познакомить нашего широкого читателя с одной из самых нашумевших и ярких работ Андрея Амальрика (право на публикацию ее журнального варианта «Огоньку» любезно предоставило амстердамское издательство «ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА»). Привычно живущие в заблуждении насчет отсутствия пророка в своем отечестве, прочтем написанное 20 лет назад, осознаем, сколь многое понял Амальрик в социальной и политической механике нашего государственного «перпетуум-мобиле». Стоит оговорить лишь, что, правильно вычислив год увязания нашей страны в вооруженной авантюре, историк ошибся только в площадке театра военных действий, но это легко объяснимо — вспомним: в 69-м все мы думали о событиях на Даманском, тогда как Афганистан на страницах газетной периодики почти не всплывал.

Сегодня просто задним числом судить о происшедшем, когда знаешь, что 1984-й оказался действительно ***последним*** *годом прежней страны: точкой отсчета нашего нового времени стал 1985-й.*

Георгий ЕЛИН

Андрей АМАЛЬРИК

ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ДО 1984 ГОДА?

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

...Взгляды о приближающемся кризисе советской системы я начал высказывать с осени 1966 года, вскоре после своего возвращения из сибирской ссылки. Сначала своим немногочисленным друзьям, а в ноябре 1967 года изложил их в письме, которое направил в «Литературную газету» и «Известия» с просьбой опубликовать его там. Я получил любезный ответ, что редакции обеих газет не хотят этого делать, так как не разделяют ряд положений письма. Однако дальнейшие события как внутри страны, так и за ее пределами убеждали меня, что многие мои предположения основательны, и я решил изложить их в отдельной статье. Сначала я предполагал назвать ее «Просуществует ли Советский Союз до 1980 года?», рассматривая 1980 год как ближайшую реальную круглую дату. В марте 1969 года об этом появилось упоминание в печати: московский корреспондент «Вашингтон пост» г-н Шуб вкратце и не совсем точно изложил некоторые мои взгляды и привел заглавие моей будущей статьи, называя меня «одним русским другом» («Интернэшнл геральд трибюн», 31 марта, 1969). Однако специалист по древней китайской идеологии и вместе с тем поклонник современной английской литературы, которого я, в свою очередь, вынужден назвать «одним русским другом», посоветовал мне заменить 1980 год на 1984-й. Я тем более охотно произвел эту замену, что мое пристрастие к круглым датам нисколько не пострадало — если учесть, что сейчас 1969 год, мы заглядываем в будущее ровно на полтора десятилетия...

I

Как можно думать, в течение пяти приблизительно лет — с 1952 по 1957 год — в нашей стране происходила своего рода «верхушечная революция». Она пережила такие напряженные моменты, как создание так называемого расширенного Президиума ЦК КПСС, дело врачей, загадочную смерть Сталина и ликвидацию расширенного Президиума, чистку органов госбезопасности, массовую реабилитацию политзаключенных и публичное осуждение Сталина, польский и венгерский кризисы и, наконец, закончилась полной победой Хрущева. Во весь этот период страна пассивно ожидала своей судьбы: если «наверху» все время шла борьба, «снизу» не раздавалось ни одного голоса, который прозвучал бы диссонансом тому, что в настоящий момент шло «сверху». <...> Но, видимо, «верхушечная революция», расшатав созданный Сталиным монолит, сделала возможным и какое-то движение в обществе, и уже к концу этого периода стала проявляться новая, не зависимая от правительства сила. Ее условно можно назвать «культурной оппозицией». Некоторые писатели, до этого шедшие в официальном русле или просто молчавшие, заговорили по-новому, и часть их произведений была опубликована или распространялась в рукописях, появилось много молодых поэтов, художников, музыкантов и шансонье, стали

циркулировать машинописные журналы, открываться полулегальные художественные выставки, организовываться молодежные ансамбли...

Это движение было направлено не против политического режима как такового, а только против его культуры, которую тем не менее сам режим рассматривал как свою составную часть. Поэтому режим боролся с «культурной оппозицией», в каждом отдельном случае одерживая полную победу: писатели «каялись», издатели подпольных журналов арестовывались, выставки закрывались, поэты разгонялись.

Однако тем временем из недр «культурной оппозиции» вышла новая сила, которая стала в оппозицию уже не только официальной культуре, но и многим сторонам идеологии и практике режима. Она возникла в результате скрещения двух противоположных тенденций — стремления общества ко все большей общественно-политической информации и стремления режима все больше препарировать официально даваемую информацию — и получила название «самиздата». Романы, повести, рассказы, пьесы, мемуары, статьи, открытые письма, листовки, стенограммы заседаний и судебных процессов в десятках, сотнях и тысячах машинописных списков и фотокопий начали расходиться по стране... Естественно, что в «самиздате» режим увидел еще большую опасность для себя, чем в «культурной оппозиции», и борется с ним еще более решительно. <...>

Тем не менее «самиздат», подобно «культурной оппозиции», постепенно подготовил новую самостоятельную силу, которую можно рассматривать уже как настоящую политическую оппозицию режиму или, во всяком случае, как зародыш политической оппозиции. Это — общественное движение, называющее само себя Демократическим движением.

...Прежде чем посмотреть, насколько Демократическое движение является массовым, насколько четкие и достижимые цели оно себе ставит, т. е. является ли оно действительно движением и имеет ли какие-либо шансы на успех, есть смысл поставить вопрос об идеологической основе, на которую может опираться всякая оппозиция в СССР.

Можно сказать, что за последние полтора десятилетия выкристаллизовались по крайней мере три идеологии, на которые опирается оппозиция. Это «подлинный марксизм-ленинизм», «христианская идеология» и «либеральная». «Подлинный марксизм-ленинизм» предполагает, что режим, извратив в своих целях марксистско-ленинскую идеологию, не руководствуется марксизмом-ленинизмом в своей практике и что для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к истинным принципам марксизма-ленинизма. «Христианская идеология» предполагает, что необходимо перейти в общественной жизни к христианским нравственным принципам, которые толкуются в несколько славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Наконец, «либеральная идеология» в конечном счете предполагает переход к демократическому обществу западного типа с сохранением, однако, принципа общественной и государственной собственности.

(Представителями «марксистской идеологии» можно считать, например, А. Костерина (умер в 1968 г.), П. Григоренко, И. Яхимовича. «Христианской идеологией» руководствовался Всероссийский социально-христианский союз, наиболее яркая фигура которого — И. Огурцов. Чтобы быть правильно понятым, хочу подчеркнуть, что под условно названной так «христианской идеологией» я подразумеваю политическую доктрину, а отнюдь не религиозную философию или церковную идеологию, представителей которых скорее можно рассматривать как участников «культурной оппозиции». И, наконец, представителями «либеральной идеологии» можно считать П. Литвинова и, с некоторыми оговорками, академика Сахарова. Интересно, что в более умеренной форме все эти идеологии проникают и в близкие к режиму круги.)

Все эти идеологии, однако, в значительной степени аморфны, их никто не формулировал с достаточной полнотой и убедительностью, и зачастую они только как бы сами собой подразумеваются их последователями: последователи каждой доктрины предполагают, что все они верят в нечто общее, что точно, однако, никому не известно. Также эти доктрины не имеют четких границ и зачастую переплетаются одна с другой. И даже в таком аморфном виде они являются достоянием небольшой группы лиц. Между тем есть много признаков, что в самых широких слоях народа, прежде всего в рабочей среде, ощущается потребность в идеологии, на которую могло бы опереться негативное отношение к режиму и его официальной доктрине. <...>

Демократическое движение, насколько мне известно, включает представителей всех трех обозначенных выше идеологий; таким образом, его идеология может быть или эклектическим сочетанием подлинного марксизма-ленинизма, русского христианства и либерализма или же основываться на том общем, что есть в этих идеологиях (в их современных советских вариантах). По-видимому, происходит последнее. Хотя Демократическое движение находится в периоде становления и никакой отчетливой программы себе не сформулировало, все его участники подразумевают, во всяком случае, одну общую цель: правопорядок, основанный на уважении основных прав человека.

Число участников Движения в общем столь же неопределенно, как и его цели. Оно насчитывает несколько десятков активных участников и несколько сот сочувствующих Движению и готовых поддержать его. Назвать любую точную цифру было бы невозможно не только потому, что она неизвестна, но и потому, что она все время меняется.

(Сейчас, в период «эскалации репрессий» со стороны режима, оно, видимо, пойдет на убыль — часть участников Движения сядет в тюрьму, а часть отойдет от Движения,— однако, как только давление ослабеет, число участников может быстро пойти вверх.) Быть может, более интересно не число участников Движения, а его социальный состав. Здесь я смог произвести небольшой подсчет, основываясь на типичном примере протестов... *(...коллективные письма в правительственные инстанции в 1966 году с просьбами о смягчении участи Синявского и Даниэля, а также коллективное письмо против попыток реабилитации Сталина и коллективное письмо против введения новых статей в Уголовный кодекс (190^1 и 190^3), подписанные видными представителями интеллигенции...)*

Всего под разными коллективными и индивидуальными письмами подписалось 738 человек. Профессии 38 неизвестны. Если взять число известных, то можно составить следующую табличку:

ученых	— 45%
деятелей искусства	— 22%
инженеров и техников	— 13%
издательских работников, учителей, врачей, юристов	— 9%
рабочих	— 6%
студентов	— 5%

Если признать такой социальный расклад типичным для Движения, то получается, что его основную опору составляют академические круги. Однако ученые по самому своему роду работы, положению в нашем обществе и образу мышления представляются мне наименее способными к активному действию. Они охотно будут «размышлять», но крайне нерешительно действовать.

(...Хотя рабочие представляют сейчас гораздо более консервативную и пассивную группу, чем ученые, я вполне могу себе представить через несколько лет крупные забастовки на заводах, но вот забастовку в каком-либо научно-исследовательском институте вообразить себе не могу.)

Далее видно, что в более широком плане основную опору Движения составляет интеллигенция. Но поскольку это слово носит слишком неопределенный характер, характеризует не столько положение человека в обществе и обозначает не столько какую-либо общественную группу, сколько способность отдельных представителей этой группы к интеллектуальной работе, то лучше я буду употреблять термин «средний класс», ...который можно еще назвать «классом специалистов».

...Таким образом, есть влиятельный класс, или слой, на который могло бы, как кажется, опереться Демократическое движение, однако имеются по крайней мере три взаимосвязанных фактора, которые будут сильно противодействовать этому.

Два из них сразу бросаются в глаза. Во-первых, проводимое десятилетиями планомерное устранение из жизни общества наиболее независимых и активных его членов наложило отпечаток серости и посредственности на все слои общества — и это не могло не отразиться на заново формирующемся «среднем классе». *(Это устранение как в форме эмиграции и высылки из страны, так и тюремного заключения и физического уничтожения коснулось всех слоев нашего народа.)* Во-вторых, для той части этого класса, которая наиболее ясно осознает необходимость демократических перемен, в то же время наиболее характерна самоспасительная мысль, что «все равно ничего не поделаешь», «стену лбом не прошибешь», т. е. своего рода культ собственного бессилия по сравнению с силой режима. Третий фактор не столь явствен, но очень любопытен. Как известно, в любой стране наиболее не склонный к переменам и вообще к каким-либо самостоятельным действиям слой составляют государственные чиновники. И это естественно, так как каждый чиновник сознает себя слишком незначительным по сравнению с тем аппаратом власти, всего лишь деталью которого он является, для того чтобы требовать от него каких-то перемен. С другой стороны, с него снята всякая общественная ответственность: он выполняет приказы, поскольку это его работа. Таким образом, у него всегда может быть чувство выполненного долга, хотя бы он и делал вещи, которые, будь его воля, делать бы не стал. *(С другой стороны, тот, кто издает приказы, тоже лишается чувства ответственности, поскольку нижестоящий слой чиновников рассматривает эти приказы уже как «хорошие». Раз они исходят сверху, и это порождает у властей иллюзию, что все, что они делают,— хорошо.)* Для чиновника понятие работы вытеснено понятием «службы». На своем посту он автомат, вне поста он пассивен. Психология чиновника поэтому самая удобная как для власти, так и для него самого.

В нашей стране, поскольку мы все работаем на государство, у всех психология чиновников — у писателей, состоящих членами Союза писателей, ученых, работающих в государственном институте, рабочих или колхозников в такой же степени, как и у чиновников КГБ или МВД. <...> Разумеется, так называемый «средний класс» не только не представляет исключения в этом отношении, но для него, как я думаю, эта психология в силу его социальной срединности как раз наиболее типична. А многие члены этого класса попросту являются функционерами партийного и государственного аппарата, и они смотрят на режим как на меньшее зло по сравнению с болезненным процессом его изменения.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересным явлением. Хотя в нашей стране уже есть социальная среда, которой могли бы стать понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления, которая в них практически нуждается и которая уже поставляет зарождающемуся Демократическому движению основной контингент участников, однако в массе эта среда столь посредственна, ее мышление столь «очиновлено», а «наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть так пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются мне весьма проблематичными.

Но следует сказать, что этот «парадокс среднего класса» соединяется любопытным образом с «парадоксом режима». Как известно, режим претерпел очень динамичные внутренние изменения в предвоенное пятилетие, однако в дальнейшем регенерация бюрократической элиты шла уже бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот бюрократический «противоестественный отбор» наиболее послушных старой бюрократии, вытеснение из правящей касты наиболее смелых и самостоятельных порождали с каждым разом все более слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты. Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать, чтобы прийти к власти, бюрократы, наконец получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться. Они не только сами не умеют придумать ничего нового, но и вообще всякую новую мысль они рассматривают как покушение на свои права. По-видимому, мы уже достигли той мертвой точки, когда понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а только с властью как таковой: ни за какой государственной институцией или должностью не стоит ничего иного, как только сознание того, что эта должность — необходимая часть сложившейся системы. Естественно, что единственной целью подобного режима, во всяком случае, во внутренней политике, должно быть самосохранение *(которое понимается уже как самосохранение бюрократической элиты, ибо для того, чтобы удержаться режиму, он должен меняться, а для того, чтобы удержаться самим, все должно оставаться неизменным. Это видно, в частности, на примере так затянутой проводимой «экономической реформы», в общем-то так нужной режиму).* Так оно и есть. Режим не хочет ни «реставрировать сталинизм», ни «преследовать представителей интеллигенции», ни «оказывать братскую помощь» тем, кто ее не просит. Он только хочет, чтобы все было по-старому: признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, не расшатывалась система опасными и непривычными реформами. Режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель: пусть все будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую ставил режим за последние полстолетия, но в то же время и наименее увлекательная.

Таким образом, пассивному «среднему классу» противостоит пассивная бюрократическая элита. Впрочем, сколь бы пассивна она ни была, ей-то как раз менять ничего не надо, и, в теории, она может продержаться очень долго, отделываясь самыми незначительными уступками и самыми незначительными репрессиями.<...>

Необходимость известного правопорядка стала ощущаться «наверху» уже в период ограничения роли госбезопасности и массовых реабилитаций. За десятилетие (1954—1964) проводилась постепенная, весьма, впрочем, медленная работа как в области формально-законодательной, так и в области практического применения законов, что выразилось как в подписании ряда международных конвенций и попытке не-

коего согласования советского законодательства с международными правовыми нормами, так и в обновлении следственных и судебных кадров. Это и без того медленное движение в сторону правопорядка крайне затруднялось тем, что, во-первых, власть сама из тех или иных соображений текущей политики издавала указы и распоряжения, находящиеся в прямом противоречии с только что подписанными международными конвенциями и одобренными основами советского законодательства *(например, принятие в 1961 году не внесенного в Уголовный кодекс указа о пятилетней ссылке с принудительным трудоустройством для лиц без постоянной работы или расширение меры наказания за валютные операции вплоть до расстрела, с фактическим приданием этому указу обратной силы)*, во-вторых, замена кадров проводилась крайне ограниченно и непоследовательно и сталкивалась с нехваткой достаточного числа практических работников с пониманием идеи правопорядка, в-третьих, сословный эгоизм практических работников заставлял их противиться всему, что могло бы как-то ограничить их влияние и покончить с их исключительным положением в обществе, в-четвертых, сама идея правопорядка не имела почти никаких корней в советском обществе и находилась в явном противоречии с официально провозглашенными доктринами «классового» подхода ко всем явлениям.

Хотя, таким образом, начатое «сверху» движение к правопорядку постепенно увязало в бюрократической трясине, внезапно голоса о необходимости соблюдения законов раздались «снизу». Действительно, «средний класс» — единственный в советском обществе, кому была и понятна, и нужна идея правопорядка,— стал, хотя и весьма робко, требовать, чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд режима, а на «законной основе». Тут обнаружилось, что в советском праве существует, если можно так сказать, широкая «серая полоса» — вещей, формально законом не запрещенных, но на практике считавшихся запретными. *(Например, общение советских граждан с иностранцами, занятие немарксистской философией и несоцреалистическим искусством, попытка издания каких-либо литературных машинописных сборников, устная и писаная критика не системы в целом, что предусмотрено ст. ст. 70 и 190[1] УК РСФСР, а лишь отдельных учреждений системы и т. д.)* Теперь очевидны две тенденции: тенденция режима «зачернить» эту полосу (путем дополнений к Уголовному кодексу, проведения «показательных процессов», дачи инструктивных указаний практическим работникам) и тенденция «среднего класса» «разбелить» ее (просто-напросто делая те вещи, которые ранее считались невозможными, и постоянно ссылаясь на их «законность»). Все это ставит режим в довольно сложное положение, особенно если учесть, что идея правопорядка начнет проникать и в остальные слои общества: с одной стороны, в интересах стабилизации режим теперь все время вынужден считаться со своими собственными законами, с другой — он все время вынужден их нарушать, чтобы противоборствовать тенденциям демократизации.

(Это породило два таких любопытных явления, как массовые внесудебные репрессии и выборочные судебные. Ко внесудебным репрессиям прежде всего следует отнести увольнение с работы и исключение из партии... Как мы теперь видим, существование «сталинизма без насилия» по мере вытравливания в людях страха перед прежним насилием неизбежно приводит к насилию новому: сначала «выборочным репрессиям» против недовольных, затем «мягким» массовым репрессиям, а что затем?)

Все-таки, оглядываясь на прошедшие пятнадцать лет, надо сказать, что процесс правовой формализации шел хотя и медленно, но непрерывно и зашел так далеко, что повернуть его вспять обычными бюрократическими методами будет трудно. Можно задуматься, является ли этот процесс частным выражением якобы происходящей или, во всяком случае, до недавнего времени происходившей либерализации существующего в нашей стране режима. Ведь известно, что эволюция нашего государства и общества происходила и происходит не только в области права, но также в экономической области, в области культуры и т. д.

Действительно, сейчас не только каждый советский гражданин чувствует себя в большей безопасности и располагает большей личной свободой, чем 15 лет назад, но и руководитель отдельного промышленного предприятия имеет право сам решать ряд вопросов, которые раньше от него не зависели, и писатель или режиссер стеснены в своем творчестве уже гораздо более широкими рамками, чем раньше, и то же наблюдается почти во всех областях нашей жизни. Это породило еще одну идеологию в обществе, пожалуй, самую распространенную, которую можно назвать «идеологией реформизма». Она основана на том, что путем постепенных изменений и частных реформ, замены старой бюрократической элиты новой, более интеллигентной и здравомыслящей, произойдет своего рода «гуманизация социализма» и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная. Иными словами, эта теория основана на том, что «разум победит» и «все будет хорошо», поэтому она так популярна в академических кругах и вообще среди тех, кому и сейчас неплохо и кто поэтому надеется, что и другие поймут, что быть сытым и свободным лучше, чем голодным и несвободным... Однако мы знаем, что история, в частности русская история, отнюдь не была непрерывным торжеством разума, и вся человеческая история вовсе не означала постепенного прогресса. Однако, по моему мнению, дело даже не в том, что степень свободы, которой мы пользуемся, все еще является минимальной по сравнению с той, которая нужна для развития общества, и что процесс этой либерализации не только не ускоряется все время, но даже временами явственно замедляется, искажается и идет назад, а в том, что сама природа этого процесса заставляет сомневаться в его конечном успехе. Казалось бы, либерализация предполагает некий сознательный план, постепенно проводимый сверху путем реформы или иных мероприятий, для того чтобы приспособить нашу систему к современным условиям и привести ее к коренному обновлению. Как мы знаем, никакого плана не было и нет, никаких коренных реформ не проводилось и не проводится, а есть лишь отдельные несвязанные попытки как-то «заткнуть дыры» путем разного рода «перестроек» бюрократического аппарата. *(Так называемая «экономическая реформа», о которой я говорил уже выше, сама по себе половинчата, а на деле саботируется партаппаратом, поскольку логическое доведение подобной реформы до конца ему непосредственно угрожает.)* С другой стороны, либерализация могла бы быть «стихийной»: быть результатом постоянных уступок режима обществу, которое имело бы свой план либерализации, и постоянных попыток режима приспособиться к бурно изменяющимся условиям во всем мире, иными словами, режим был бы саморегулирующейся системой. *(Об изменении условий правящей элите все время сигнализировали бы трудности во внешней и внутренней политике, экономические трудности и т. д.)* Однако мы видим, что и этого нет: режим считает себя совершенством и поэтому сознательно не хочет меняться ни по доброй воле, ни тем более уступая кому-то и чему-то. Происходящий процесс «увеличения степеней свободы» правильнее всего было бы назвать процессом дряхления режима. Просто-напросто режим стареет и уже не может подавлять все и вся с прежней силой и задором: меняется состав его элиты, как мы уже говорили; усложняется характер жизни, в которой режим ориентируется уже с большим трудом; меняется структура общества. Можно представить себе аллегорическую картину: один человек стоит в напряженной позе, подняв руки вверх, а другой — в столь же напряженной позе, уперев ему автомат в живот. Конечно, слишком долго они так не простоят: и второй устанет и чуть опустит автомат, и первый воспользуется этим, чтобы немножко опустить руки и чуть поразмяться.

Если, таким образом, рассматривать эволюцию режима по аналогии с возрастанием энтропии, то Демократическое движение, с анализа которого я начал свою статью, можно было бы считать антиэнтропическим явлением. Конечно, можно надеяться — а так оно, вероятно, и будет,— что зарождающееся движение, несмотря на репрессии, сумеет стать влиятельным, выработает достаточно определенную программу, найдет нужную структуру и приобретет многочисленных сторонников. И вместе с тем, как я думаю, его социальная опора — «средний класс», точнее, даже часть его — слишком слаба и внутренне противоречива, чтобы движение когда-либо смогло вступить в настоящее единоборство с режимом или, в случае самоликвидации режима или его падения в результате массовых беспорядков, стать силой, которая сумела бы организовать общество по-новому. Но, быть может, Демократическое движение сумеет найти себе более широкую опору в народе?

Ответить на этот вопрос очень трудно хотя бы уже потому, что никто, в том числе бюрократическая элита, толком не знает, какие настроения существуют в широких слоях народа.

(Конечно, КГБ поставляет бюрократической элите полученную своими специфическими методами информацию о настроениях страны — и она, видимо, отличается от картины, ежедневно рисуемой газетами. Однако можно только гадать, насколько и информация КГБ адекватна действительности. Парадоксально, что режим тратит сначала колоссальные усилия, чтобы заставить всех молчать, а затем тратит усилия, чтобы узнать, что же все-таки люди думают и чего они хотят.) Как мне кажется, эти настроения правильнее всего было бы назвать «пассивным недовольством». Недовольство это направлено не против режима в целом — над этим большинство народа просто не задумывается или же считает, что иначе быть не может,— но против частных сторон режима, которые тем не менее есть необходимые условия его существования. Рабочих, например, раздражает их бесправность перед заводской администрацией, колхозников — полная зависимость от председателя (который сам полностью зависит от районного начальства), всех — сильное имущественное неравенство, низкие заработки, тяжелые жилищные условия, нехватка или отсутствие товаров первой необходимости, насильственное прикрепление к месту жительства или работы и т. д. Теперь это недовольство начинает проявляться все громче, к тому же многие уже начинают задумываться: кто же, собственно, виноват? Постепенное, хотя и медленное повышение жизненного уровня, прежде всего благодаря интенсивному жилищному строительству, этого раздражения не снимает, но как-то нейтрализует. Однако ясно, что резкое замедление роста благосостояния, остановка или движение вспять вызвали бы такие сильные вспышки раздражения, связанного с насилием, какие раньше были бы невозможны. *(Этим, по моему мнению, объясняется то обстоятельство, что режим не решился произвести намеченное на начало 1969 года резкое повышение цен на ряд продуктов, предпочитая этому своего рода ползучую инфляцию. К каким последствиям может привести резкое повышение цен, режим мог убедиться на примере «голодного бунта» в Новочеркасске после повышения Хрущевым цен на мясные и молочные продукты.)* Поскольку режиму, в силу его окостенелости, все с большим трудом будет даваться увеличение производства, то очевидно, что уровень жизни многих слоев нашего общества может оказаться под угрозой. Какие же формы примет тогда народное недовольство — форму легального демократического сопротивления или экстремистскую форму вспышек одиночных и массовых насилий?

Как я думаю, никакая идея не может получить практического осуществления, если она уже не была хотя бы понята большинством народа. Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы — и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного совершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность — это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие «период культа личности» стало у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее. Вдобавок постоянно ведется пропаганда, которая всячески стремится противопоставить «личное» «общественному», явно подчеркивая всю ничтожность первого и величие последнего. Отсюда всякий интерес к «личному» — естественный и неизбежный — приобрел уродливые, эгоистические формы.

Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи «сильной власти» — власти, которая права, потому что сильна, и которой поэтому не дай Бог ослабеть?! У русского народа, как это видно и из его истории, и из его настоящего, есть, во всяком случае, одна идея, кажущаяся позитивной: это идея справедливости. Власть, которая все думает и делает за нас, должна быть не только сильной, но и справедливой, все жить должны по справедливости, поступать по совести. За это можно и на костре сгореть, а отнюдь не за право «делать все, что хочешь»! Но при всей кажущейся привлекательности этой идеи она, если внимательно посмотреть, что за ней стоит, представляет наиболее деструктивную сторону русской психологии. «Справедливость» на практике оборачивается желанием, «чтобы никому не было лучше, чем мне». *(Но это не пресловутая «уравниловка», так как охотно мирятся с тем, чтобы многим было хуже.)* Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот — за-

ставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. Конечно, наиболее типична эта психология для крестьян и наименее — для «среднего класса». Однако крестьяне и вчерашние крестьяне составляют подавляющее большинство нашей страны.<...>

Таким образом, обе понятные и близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. К этому следует добавить еще три негативных взаимосвязанных фактора. Во-первых, все еще очень низкий культурный уровень большей части нашего народа, в частности в области бытовой культуры. Во-вторых, господство массовых мифов, усиленно распространяемых через средства массовой информации. И в-третьих, сильную социальную дезориентацию большей части нашего народа. «Пролетаризация» деревни породила «странный класс» — не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет, никому, я думаю, неизвестно. Далее, колоссальный отлив крестьянской массы из деревни в город породил и новый тип горожанина: человека, разорвавшего со своей старой средой, старым бытом и культурой и с большим трудом обретающего новые, чувствующего себя в них очень неуютно, одновременно запуганного и агрессивного. Тоже совершенно непонятно, к какому социальному слою он сам себя относит.

Если старые формы уклада как в городе, так и в деревне окончательно разрушены, то новые только складываются. «Идеологическая основа», на которой они складываются, весьма примитивна: это стремление к материальному благополучию (с западной точки зрения весьма относительному) и инстинкт самосохранения, т. е. понятию «выгодно» противостоит понятие «опасно». Трудно понять, имеются ли у большинства нашего народа, помимо этих чисто материальных, какие-либо нравственные критерии — понятия «честно» и «нечестно», «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло», якобы извечно данные, которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек предоставлен самому себе. У меня сложилось впечатление, быть может, неверное, что таких нравственных критериев у народа нет или почти нет. Христианская мораль с ее понятиями добра и зла выбита и выветрена из народного сознания, делались попытки заменить ее «классовой» моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо то, что в настоящий момент требуется власти. Естественно, что такая мораль, а также насаждение и разжигание классовой и национальной розни совершенно деморализовали общество и лишили его какихлибо несиюминутных нравственных критериев.

(Как один из примеров этого можно привести необычайное распространение бытового воровства (наряду с сокращением воровства профессионального). Вот один из типичных эпизодов: двое молодых рабочих шли куда-то в гости, проходя по улице, заметили, что одно из окон на первом этаже раскрыто, залезли и вытащили какие-то пустяки. А будь это случайно замеченное окно закрыто, они так и шли бы себе мимо. Видишь постоянно, как люди входят в дом, не здороваясь, едят, не снимая шапок, матерятся при своих же маленьких детях. Все это — норма поведения, а отнюдь не исключение.)

Так же христианская идеология, вообще носившая в России полуязыческий и вместе с тем служебно-государственный характер *(здесь нет места говорить об этом, но заслуживает внимания и то, что Россия заимствовала христианство не у динамичной и развивающейся молодой западной цивилизации, а у закостеневшей и постепенно умирающей Византии, и это обстоятельство не смогло не наложить глубокий след на дальнейшую русскую историю)*, отмерла, не заменившись идеологией марксистской. «Марксистская доктрина» слишком часто кроилась и перекраивалась для текущих нужд, чтобы стать живой идеологией. Сейчас, по мере все большей бюрократизации режима, происходит все большая его деидеологизация. Потребность же в какой-то идеологической основе заставляет режим искать новую идеологию, а именно — великорусский национализм с присущим ему культом силы и экспансионистскими устремлениями. *(Нечто подобное происходило и в начале нашего века, когда традиционная монархическая идеология заменялась узконационалистической, царский режим даже ввел в обиход выражение «истинно русские люди» в отличие от просто русских и инспирировал создание «Союза русского народа».)* Режиму с такой идеологией необходимо иметь внешних и внутренних врагов уже не «классовых» — например, «американских империалистов» и «антисоветчиков», — а национальных — например, китайцев и евреев. Однако подобная националистическая идеология, хотя и даст режиму опору на какое-то время, представляется весьма опасной для страны, в которой русские составляют менее половины населения. *(Потребность в живой националистической идеологии не только все больше ощущается режимом, но подобная идеология уже формируется в обществе, прежде всего в официальных литературных и художественных кругах (где она, видимо, возникла как реакция на значительную роль евреев в советском официальном искусстве), однако она распространяется и в более широких слоях, где имеет своего рода центр — клуб «Родина». Эту идеологию условно можно назвать «неославянофильской» (не путая ее с отчасти проникнутой славянофильством «христианской идеологией», о которой мы говорили раньше) — для нее характерен интерес к русской самобытности, вера в мессианскую роль России, а также крайнее пренебрежение и вражда ко всему нерусскому. Поскольку эта идеология не была непосредственно инспирирована режимом, а возникла спонтанно, режим относится к ней с некоторым недоверием, однако с большой терпимостью — и в любой момент она может выйти на авансцену...)*

Итак, во что же верит и чем руководствуется этот народ без религии и без морали? Он верит в собственную национальную силу, которую должны бояться другие народы *(естественно, что большинство народа одобрило или отнеслось безразлично к введению советских войск в Чехословакию и, наоборот, болезненно переживало «безнаказанность» китайцев во время мартовских столкновений на реке Уссури)*, и руководствуется сознанием силы своего режима, которой боится он сам. При таком взгляде нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. Ужасы русских революций 1905—1907 и 1917—1920 годов покажутся тогда просто идиллическими картинками. Конечно, есть и противовес этим разрушительным тенденциям. Сейчас советское общество можно сравнить со своего рода трехслойным пирогом — с правящим бюрократическим верхним слоем; средним слоем, который мы назвали выше «средним классом», или «классом специалистов»; и наиболее многочисленным нижним слоем — рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. От того, насколько быстро пойдет рост «среднего класса» и его самоорганизация — быстрее или медленнее, чем разложение системы,— от того, насколько быстро средняя часть пирога будет увеличиваться за счет остальных, зависит, сумеет ли советское общество перестроиться мирным и безболезненным путем и пережить предстоящие ему катаклизмы с наименьшими жертвами.

При этом следует заметить, что есть еще один мощный фактор, противоборствующий всякой мирной перестройке и одинаково негативный для всех слоев общества: это крайняя изоляция, в которую режим поставил общество и сам себя. Это не только изоляция режима от общества и всех слоев общества друг от друга, но прежде всего крайняя изоляция страны от остального мира. Она порождает у всех — начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями — довольно сюрреальную картину мира и своего положения в нем. Но, однако, чем более такое состояние способствует тому, чтобы все оставалось неизменным, тем скорее и решительнее все начнет расползаться, когда столкновение с действительностью станет неизбежным.

Резюмируя, можно сказать, что по мере все большего ослабления и самоуничтожения режима ему придется сталкиваться — и уже есть явные признаки этого — с двумя разрушительно действующими по отношению к нему силами: конструктивным движением «среднего класса» (довольно слабым) и деконструктивным движением «низших» классов, которое выразится в самых разрушительных, насильственных и безответственных действиях, как только эти слои почувствуют свою относительную безнаказанность. Однако как скоро режиму предстоят подобные потрясения, как долго еще сможет он продержаться?

По-видимому, этот вопрос может быть рассмотрен двояко: во-первых, если сам режим предпримет какие-то решительные и кардинальные меры по самообновлению, и, во-вторых, если он пассивно будет идти на минимум изменений, чтобы сохранить свое совершенство, как это происходит сейчас. Мне кажется более вероятным второй путь, поскольку он требует от режима меньших усилий, кажется ему менее опасным и отвечает сладким иллюзиям современных «кремлевских мечтателей». Однако теоретически возможны и какие-то мутации режима: например, военизация режима и переход к откровенно националистической политике (это могло бы произойти путем военного переворота или же постепенного перехода власти к армии. *То есть к политике уже без всяких попыток прикрывать свои действия «интересами международного коммунистического движения» и тем самым как-то считаться с рядом независимых и полузависимых компартий. Что же касается роли армии, то она непрерывно возрастает. Об этом может судить каждый хотя бы по такому любопытному примеру: сравнив соотношение военных и штатских на трибуне Мавзолея в дни демонстраций сейчас и десять — пятнадцать лет назад).* Или же, наоборот, экономические реформы и связанная с этим относительная либерализация режима (это могло бы произойти путем усиления в руководстве роли прагматиков-экономистов, понимающих необходимость изменений). Оба эти варианта не кажутся невероятными, однако партаппарат, против которого, в сущности, были бы направлены оба переворота, настолько сращен как с армией, так и с экономическими кругами, что обе эти упряжки, даже рванув вперед, быстро бы увязли в том же самом болоте. Всякая существенная перемена означала бы сейчас персональные замены сверху донизу, поэтому понятно, что лица, олицетворяющие режим, никогда на это не пойдут: сохранить режим ценой самоустранения покажется им слишком дорогой и несправедливой платой. Говоря о том, как долго сможет просуществовать режим, любопытно провести некоторые исторические параллели. Сейчас, пожалуй, существуют, во всяком случае, некоторые из условий, вызвавших в свое время как первую, так и вторую русские революции: кастовое, немобильное общество; окоченелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития; обюрократичивание системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве и привилегированное положение отдельных наций. И вместе с тем царский режим, повидимому, просуществовал бы довольно долго и, возможно, претерпел бы какую-то мирную модернизацию, если бы правящая верхушка не оценивала общее положение и свои силы явно фантастически и не проводила бы внешнеэкспансионистской политики, вызвавшей перенапряжение. Действительно, не начни правительство Николая II войны с Японией, не было бы революции 1905—1907 годов, не начни оно войны с Германией, не было бы революции 1917 года. *(Строго говоря, не само оно начало обе эти войны, но оно сделало все, чтобы они начались.)* Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выхода из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутриполитических целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться — тем более что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая...

II

...После второй мировой войны у СССР была возможность создать на своей западной границе цепь нейтралистских государств, включая Германию, и тем самым свою безопасность в Европе. Такие государства, со своего рода «промежуточными» режимами, какой, например, был в Чехословакии до 1948 года, явились бы своего рода прокладкой между Западом и СССР и обеспечили бы стабильное положение в Европе. <...> Однако СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза *(это давление иногда преднамеренно обостряется, чему пример берлинские кризисы, а иногда принимает просто истерический характер)*, то можно полагать, что, как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения.

По-видимому, как только станет ясно, ...что все силы СССР перемещаются на восток и он не может отстаивать свои интересы в Европе, произойдет воссоединение Германии... Трудно сказать, произойдет ли оно путем поглощения Западной Германией Восточной или же сами послеульбрихтовские руководители ГДР, поняв реальное положение вещей, пойдут на добровольное воссоединение с ФРГ, чтобы сохранить себе часть привилегий. Во всех случаях воссоединенная Германия с достаточно сильной антисоветской ориентацией создаст совершенно новую ситуацию в Европе.

По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом «десоветизации» восточноевропейских стран и значительно ускорит этот процесс. *(Как это ни парадоксально, уже сейчас СССР скорее может полагаться на лидера «американского империализма» Никсона, чем на таких «союзников», как Чаушеску или д-р Гусак. Положение в Восточной Европе несколько напоминает сейчас положение после революций 1848 года, когда ожидаемой демократизации не произошло, но и старый режим был расшатан. Трудно сказать, как он пойдет и какие формы примет — «венгерские», «румынские» или «чехословацкие»,— однако приведет, очевидно, к национал-коммунистическим режимам, для каждой страны представляющим своего рода подобие докоммунистического режима (в Чехословакии — либеральная демократия, в Польше — военно-националистический режим и т. д.).* Причем по крайней мере несколько стран, как Венгрия или Румыния, сразу же примут отчетливую прогерманскую ориентацию. Помешать этому СССР мог бы, очевидно, только путем военной оккупации всех восточноевропейских стран, чтобы создать своего рода «тыл» дальневосточного фронта, но по существу такой «тыл» свелся бы ко «второму фронту» — т. е. фронту с Германией, которой помогали бы народы восточноевропейских стран, на что СССР уже не сможет пойти. Скорее наоборот, «десоветизированные» восточноевропейские страны помчатся как конь без узды и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят незабытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные претензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что по мере все большего увязания СССР в войне также Япония предъявит территориальные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом... и на часть советского Дальнего Востока. Короче говоря, СССР придется полностью расплачиваться за территориальные захваты Сталина и ту изоляцию, в которую поставили страну неосталинисты. Однако самые важные для будущего СССР события произойдут внутри страны.

Естественно, что начало войны... вызовет вспышку русского национализма — «мы им покажем!» — и одновременно даст некоторые надежды национализму нерусскому. В дальнейшем обе эти тенденции будут идти одна по затухающей, а другая по возрастающей кривой. Действительно, война будет идти далеко, не воздействуя тем самым непосредственно на эмоциональное восприятие народа и на налаженный стиль жизни, как это было во время последней войны с Германией, но в то же время требуя все новых и новых жертв. Постепенно это будет порождать все большую моральную усталость от войны, ведущейся далеко и неизвестно зачем. Между тем начнутся экономические, в частности продовольственные, трудности, тем более ощутимые, что за последние годы уровень жизни медленно, но неуклонно понижался. Поскольку режим не настолько мягок, чтобы сделать возможными какие-то легальные формы проявления недовольства и тем самым их разрядку, и в то же время не настолько жесток, чтобы исключить саму возможность протеста, начнутся спорадические вспышки народного недовольства, локальные бунты, например, из-за нехватки хлеба. Их будут подавлять с помощью войск, что ускорит разложение армии. *(Разумеется, будут использовать так называемые внутренние войска, притом по возможности другой национальности, чем население мест, где произойдут беспорядки, что только приведет к усилению национальной розни.)* По мере роста затруднений режима средний класс будет занимать все более враждебную позицию, считая, что режим не в состоянии справиться со своими задачами. Измена союзников и территориальные претензии на западе и востоке будут усиливать ощущение одиночества и безнадежности. Экстремистские организации, которые появятся к тому времени, начнут играть все большую роль. Вместе с тем крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье. *(В ряде случаев носителями таких тенденций могут стать национальные партийные кадры, которые будут рассуждать так: пусть русский Иван сам справляется со своими трудностями. Они будут стремиться к национальной обособленности еще и потому, чтобы, избежав надвигающегося всеобщего хаоса, сохранить свое привилегированное положение.)* Между тем бюрократический режим, который привычными ему полумерами не в состоянии будет одновременно вести войну, разрешать экономические трудности и подавлять или удовлетворять народное недовольство, все больше будет замыкаться в себе, терять контроль над страной и даже связь с действительностью. Достаточно будет сильного поражения на фронте или какой-либо крупной вспышки недовольства в столице — забастовки или вооруженного столкновения,— чтобы режим пал. Конечно, если до того времени власть полностью перейдет в руки военных, модифицированный таким образом режим продержится несколько дольше, но, не решая опять же самых насущных и во время войны уже почти не разрешимых вопросов, падет еще более страшно. Если мы ранее правильно определили начало войны, ...то это произойдет где-то между 1980 и 1985 годами.

По-видимому, Демократическое движение, которому режим постоянными репрессиями не даст окрепнуть, будет не в состоянии взять контроль в свои руки, во всяком случае, на столь долгий срок, чтобы решить стоящие перед страной проблемы. В таком случае неизбежная «дезимперизация» пойдет крайне болезненным путем. Власть перейдет к экстремистским группам и элементам, и страна начнет распознаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды. В этом случае границы между молодыми национальными государствами, которые начнут возникать на территории бывшего Советского Союза, будут определяться крайне тяжело, с возможными военными столкновениями, чем воспользуются соседи СССР...

Но возможно, что «средний класс» окажется все-таки достаточно силен, чтобы удержать контроль в своих руках. В таком случае предоставление независимости отдельным советским народам произойдет мирным путем и будет создано нечто вроде федерации, наподобие Британского содружества наций или Европейского экономического сообщества. С ..., также обессиленным войной, будет заключен мир, а споры с европейскими соседями улажены на взаимоприемлемой основе. Возможно даже, что Украина, Прибалтийские республики и Европейская Россия войдут как самостоятельные единицы во Всеевропейскую федерацию.

Возможен также и третий вариант, а именно — что ничего вышеизложенного не будет.

Но что же будет? Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима,— но не в силах отвратить его. *(Продолжая эту аналогию, можно допустить, что, например, в Средней Азии еще долго будет существовать государство, считающее себя преемником СССР и соединяющее традиционную коммунистическую идеологию, фразеологию и обрядность с чертами восточной деспотии — своего рода Византийская империя современности.)* Но хотя эта империя всегда стремилась к максимальной самоизоляции, едва ли правильно рассматривать ее гибель вне связи с остальным миром.

Стало общим местом считать основным направлением современного развития научный прогресс, а основную угрозу цивилизации усматривать в тотальной ядерной войне. Между тем и научный прогресс, с каждым годом съедая все большую часть валового мирового продукта, может превратиться в регресс, и цивилизация — погибнуть без столь ослепительной вспышки, как взрыв сверхъядерной бомбы.

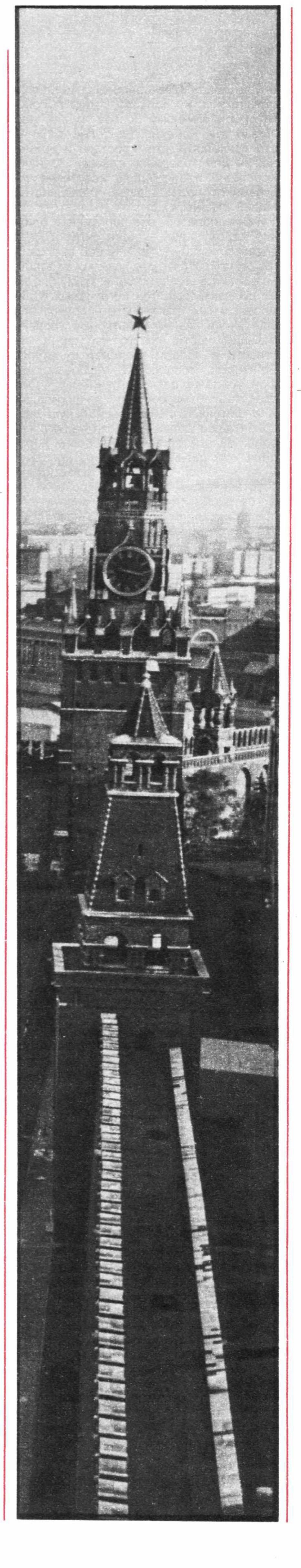
Хотя научный и технический прогресс меняет мир буквально на глазах, он опирается, в сущности, на очень узкую социальную базу, и чем значительнее будут научные успехи, тем резче контраст между теми, кто их достигает и использует, и остальным миром. Советские ракеты достигли Венеры — а картошку в деревне, где я живу, убирают руками. Это не должно казаться комичным сопоставлением, это разрыв, который может развернуться в пропасть. Дело не столько в том, как убирать картошку, но в том, что уровень мышления большинства людей не поднимается выше этого «ручного» уровня. Действительно, хотя в экономически развитых странах наука требует не только все больше средств, но и все больше людей, основные принципы современной науки понятны, в сущности, ничтожному меньшинству. Пока что это меньшинство вкупе с правящей элитой пользуется привилегированным положением, но как долго это будет продолжаться?

Мао Цзэдун говорит об окружении «города» — экономически развитых стран — «деревней» — слаборазвитыми странами. Действительно, экономически развитые страны составляют небольшую по численности населения часть мира. Далее, и в этих странах «город» окружен «деревней» — деревней в настоящем смысле этого слова или же вчерашними деревенскими жителями, лишь недавно переехавшими в города. Но и в городах люди, направляющие современную цивилизацию и нуждающиеся в ней, составляют ничтожное меньшинство. И, наконец, в нашем внутреннем мире «город» также окружен «деревней» подсознательного — и при первом же потрясении привычных ценностей мы сразу это почувствуем. Не является ли именно этот разрыв величайшей потенциальной угрозой для нашей цивилизации?

Угроза «городу» со стороны «деревни» тем более сильна, что в «городе» наблюдается тенденция ко все большей личной обособленности, в то время как «деревня» стремится к организации и единству. Мао Цзэдуна это радует, но жителей мирового «города», как мне кажется, должно беспокоить их будущее.

Пока же, как нам говорят, западная футурология обеспокоена именно ростом городов и теми трудностями, которые возникают в связи с бурным научно-техническим прогрессом. По-видимому, если бы футурология существовала в императорском Риме, где, как известно, строились уже шестиэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи V века предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатиэтажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в VI веке на Форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне.

Апрель — май — июнь 1969,
город Москва — деревня Акулово.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ХОР, КОТОРЫЙ РЕЖЕТ СЛУХ»

Под этим названием в 25-м номере (1989 год) «Огонька» были напечатаны два письма ведущих деятелей культуры и искусства Ленинграда.

В первом из них, подписанном председателями трех творческих союзов города на Неве — В. Арро, А. Петровым и В. Стржельчиком, выражалась обеспокоенность авторов ростом националистического движения в Ленинграде, и в частности «проявлениями шовинизма, узко и примитивно понимаемого русского патриотизма» в Ленинградской консерватории. Возлагая ответственность за это на администрацию, и прежде всего ректора вуза В. Чернушенко, авторы письма от имени художественной интеллигенции города призвали принять срочные меры, чтобы восстановить в консерватории условия для спокойной работы.

Второе письмо, принадлежащее художественному руководителю заслуженного коллектива республики, академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии Ю. Темирканову, содержало ответ музыканта на вопрос редакции о причинах его ухода из родного вуза. С горечью размышляя о проблемах ленинградской культуры, автор раскрыл и подоплеку своего решения — конкретной причиной его ухода из консерватории явилась оскорбительная по содержанию и тону статья М. Любомудрова, опубликованная в вузовской многотиражке и выражавшая, по мнению Ю. Темирканова, позицию ректора.

Публикуя эти письма с небольшими сокращениями, редакция воздержалась от комментария. Сложная ситуация, создавшаяся в Ленинградской консерватории, требовала самого пристального изучения и анализа. Да и нельзя было не выслушать другую сторону.

Как и следовало ожидать, в редакцию буквально хлынул поток откликов. Большинство наших читателей поддерживают авторов опубликованных писем и выражают серьезную обеспокоенность ситуацией, сложившейся в Ленинградской консерватории. Но есть и другие отклики. Среди них — письмо ученого совета Ленинградской консерватории, которое мы и публикуем без малейших сокращений, но с необходимыми, на наш взгляд, редакционными комментариями.

«Ученый совет Ленинградской консерватории внимательно ознакомился с материалом, опубликованным в журнале «Огонек» № 25 за 1989 г. («Хор, который режет слух»). Итак, против руководства вуза и коллектива, который его выбрал, выдвигаются серьезные политические обвинения, и бросает их нам «художественная интеллигенция города» в лице ее представителей — руководители трех творческих союзов Ленинграда.

Недоумениями, возникшими в связи с этой публикацией, ученый совет считает необходимым поделиться с редакцией журнала.

Прежде всего следует задать вопрос, имеющий отношение к журналистской этике. Давно ли принято в журналистской среде давать практически не проверенные материалы? На наш взгляд, журналу следовало все-таки учесть мнение широкой общественности самой консерватории (ведь от ее имени выступает лишь один профессор Темирканов).

Но это одна сторона дела.

Кто дал право авторам писем от имени коллектива консерватории просить оградить его «от политических инсинуаций, шельмования уважаемых людей, от опасных тенденций в развитии межнациональных отношений»?

Каким образом консерватория оказалась чуть ли не в авангарде «антикультурного движения» в Ленинграде, что за «националистические группировки» якобы образовались в ее среде и какую «серьезную» угрозу для всего нашего общества (политическую, социальную, военную?) может представлять музыкальное учреждение?

За слова надо отвечать. Но могут ли в данном случае за свои слова отвечать А. Петров, В. Арро, В. Стржельчик, люди, которых в последние годы никто не видел в стенах консерватории? Разве они лично сталкивались с фактами проявления шовинизма и национализма в вузе, разве они слышали на бесчисленных консерваторских собраниях всуе произнесенное «инородец» или читали в прессе «стукач» или «провокатор», отнесенные к профессору Темирканову? Может быть, они могут назвать имена «уважаемых преподавателей», ушедших из консерватории вслед за Ю. Х. Темиркановым «в знак протеста против невыносимой обстановки»?

Все рассуждения авторов писем в «Огоньке» сводятся в конечном итоге к упоминанию имени одного человека, который, по их мнению, проповедует «откровенно шовинистические взгляды».

Речь идет о театральном критике М. Н. Любомудрове, приглашенном в научно-исследовательский сектор вуза на временную, договорную работу.

Взгляды Любомудрова, с которыми недавно ленинградцы могли ознакомиться в ходе предвыборной кампании, где он был выдвинут кандидатом в депутаты СССР, могут вызывать к себе разные отношения. Но они принадлежат только ему, и он сам за них отвечает. И остается только гадать, на каком основании авторы писем «идейные позиции руководства вуза» отождествляют со взглядами одного из сотрудников, делая последнего фигурой прямо-таки инфернальной? Почему Ю. Х. Темирканов считает, что редакция консерваторской многотиражки, напечатав письмо Любомудрова, выразила мнение ректората, а напечатав письмо, подписанное Темиркановым,— нет? Откуда, кстати, столь странное понимание плюрализма мнений?

Упрекая руководство вуза в потакании людям, якобы придерживающимся узконационалистических взглядов, печалясь о забвении традиций русской интеллигенции, авторы публикации забывают о том, что в традициях этой интеллигенции всегда были и остаются терпимость, уважение или по крайней мере снисхождение к чужим взглядам. Мы уверены, что ректорат не доставит удовольствия авторам писем увидеть его в роли охотника за ведьмами.

Если уж говорить о «гонениях на инородцев», то скажите, уважаемая редакция, как объяснить такой факт, как недавнее создание «Балтийской музыкальной академии», объединившей молодых музыкантов консерваторий Ленинграда и трех прибалтийских республик? Или приглашение руководством вуза С. Сондецкиса и Л. Шиндера на работу с Камерным оркестром консерватории? Или назначение заведующим кафедрой скрипки профессора В. Ю. Овчарека, а проректором по творческой работе — Г. Н. Жяльвиса; или приглашение в вуз известных пианистов А. Угорского или В. Монастырского? Или, может быть, благодаря смычке с антикультурным движением консерватория в последнее время заключила несколько договоров о сотрудничестве с музыкальными вузами Чехословакии, Польши, Китая, США, ФРГ, а консерваторские коллективы и профессора получают приглашения на гастроли или проведение уроков в разные страны мира? Когда это было раньше?

Тем не менее у вуза много проблем. И нетрудно догадаться, что публикация в вашем журнале провоцирует рождение еще одной. Да какой! Ведь в вузе учатся и работают представители многих национальностей.

Но вот что любопытно. При внимательном чтении материала создается впечатление, что для исправления прямо-таки катастрофического положения дел в консерватории ректорату следует немедленно подать в отставку. Не в этом ли конечная цель публикации и не проглядывает ли здесь знакомая борьба за власть? Приходит на ум, что фигура Любомудрова здесь оказалась просто кстати...

Уважаемая редакция! Ученый совет категорически не приемлет оскорбительный тон публикации и ждет от авторов объяснения и извинений перед коллективом консерватории. Надеемся, что наше письмо будет напечатано в ближайшем номере вашего журнала.

Просим считать его официальным ответом на материал «Хор, который режет слух», помещенный в «Огоньке» № 25 за 1989 год».

ОТ РЕДАКЦИИ. У прочитавших это письмо неискушенных читателей и впрямь может сложиться впечатление, что конфликт в консерватории не стоит и выеденного яйца, а представители художественной интеллигенции Ленинграда, введенные в заблуждение противниками ректора, должны по меньшей мере извиниться за опрометчивое выступление в печати. Но так ли это? Действительно ли в вузе отсутствуют проблемы, поднятые В. Арро, А. Петровым, В. Стржельчиком и Ю. Темиркановым?

Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем сверить письмо ученого совета с теми многочисленными документами и материалами, которые поступили в редакцию от посвященных в суть дела преподавателей и студентов консерватории. Итак, весь пафос членов уважаемого ученого совета сводится к пяти основным позициям:

1. «Люди, которых в последние годы никто не видел в стенах консерватории», и которые «лично не сталкивались с фактами проявления шовинизма и национализма», не имели права выдвигать обвинения в адрес ректора, избранного на эту должность коллективом.

2. «Огонек» не должен был «нарушать журналистскую этику» и публиковать «практически не проверенные материалы» без учета мнений «широкой общественности самой консерватории».

3. Взгляды театрального критика М. Любомудрова, приглашенного «в научно-исследовательский сектор вуза на временную, договорную работу» и недавно «выдвинутого кандидатом в депутаты СССР, могут вызывать к себе разные отношения. Но они принадлежат только ему, и он сам за них отвечает».

4. Ю. Темирканов не прав, считая, что редакция консерваторской многотиражки, «напечатав письмо Любомудрова, выразила мнение ректората, а напечатав письмо, подписанное Темиркановым,— нет». В традициях русской интеллигенции всегда были и остаются «терпимость, уважение или по крайней мере снисхождение к чужим взглядам».

5. Приглашение на работу в консерваторию многих специалистов некоренной национальности автоматически опровергает выдвинутые в адрес ректората обвинения в каких бы то ни было проявлениях шовинизма и национализма.

Элементарный анализ каждой из этих позиций свидетельствует, что в их основе лежат, мягко говоря, неверные посылки и факты. Неужели надо доказывать, что обвинения в адрес ректора (кстати, не избранного, а все-таки назначенного приказом Министерства культуры РСФСР десять лет назад, ибо вряд ли процедура «избрания» В. Чернушенко на заседании расширенного состава ученого совета осенью 1987 года может быть приравнена к альтернативным выборам, в которых участвует весь коллектив) имеет право выдвигать любой член общества, пусть даже ни разу не побывавший в стенах вуза. Ведь поводом для предъявления претензий к любому должностному лицу прежде всего служит несогласие с результатами деятельности, а вовсе не факт личного знакомства.

Странным представляется и упрек в адрес «Огонька». Вероятно, под соблюдением норм журналистской этики авторы письма подразумевают обязательное согласование критических публикаций с теми, на кого и направлена критика. Позволим себе категорически не согласиться с подобной точкой зрения, тем более что журнал опубликовал не редакционный материал, а письма достаточно уважаемых и авторитетных людей.

Теперь о «временной» работе М. Любомудрова в консерватории, его депутатской программе и о том, насколько проповедуемые им взгляды «принадлежат только ему». Согласно имеющимся в редакции копиям приказов по кадрам, М. Любомудров был зачислен в научно-исследовательский сектор вуза с 1 августа 1988 года на хоздоговорную тему «Основные направления совершенствования концертной деятельности «Ленконцерта», а с января 1989 года после расторжения «Ленконцертом» договора назначен ответственным исполнителем по теме «Национальные традиции и художественная ориентация в культурной жизни населения РСФСР». Ни о какой временной работе в приказах нет и речи. В списках кандидатов в народные депутаты СССР по национально-территориальному округу № 19 М. Любомудров был также представлен как сотрудник НИС консерватории, хотя в народные депутаты его выдвигал отнюдь не коллектив консерватории, а ленинградское отделение «Росвидеофильма», следы которого так и не смогли отыскать возмущенные этим фактом консерваторские педагоги.

Стержнем предвыборной программы М. Любомудрова явилась пресловутая процентная норма представительства в русской культуре людей других национальностей, на чем он настаивал и в своей статье во 2-м номере «Нашего современника» за прошлый год, и в последующих предвыборных дебатах, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что даже в царской России, где, как известно, процентная норма существовала официально, Петербургская консерватория была от нее освобождена. (Напомним, что ленинградцы дали достойный отпор этой расистской идее и М. Любомудров на выборах получил лишь 0,34 процента голосов.)

Но выборы состоялись лишь весной, а задолго до них, в феврале, ленинградская общественность была потрясена не столько позицией М. Любомудрова, сколько заявлением В. Чернушенко, который на расширенном заседании партбюро в присутствии представителей ленинградской прессы и ТВ произнес буквально следующее: «Я горд, что существуют журнал «Наш современник» и группа писателей, составляющих его актив. Полностью разделяю их идеи и считаю своим долгом всемерно проводить эти идеи в жизнь». Надо ли говорить, сколь бурную реакцию художественной интеллигенции города вызвали эти слова ректора консерватории?

Что же касается «неправоты» Ю. Темирканова, то и здесь члены ученого совета передергивают факты. Письмо группы профессоров консерватории во главе с Ю. Темиркановым, адресованное лишь в партбюро вуза и содержащее протест против приглашения М. Любомудрова в консерваторию, было напечатано в газете по требованию партбюро. Публикация же ответа М. Любомудрова явилась для членов партбюро полной неожиданностью. Трудно предположить, что и ректорат не был поставлен в известность о готовящейся публикации.

Ошибаются члены ученого совета и в своих представлениях о терпимости русской интеллигенции к «чужим взглядам». Насколько нам известно, подлинная интеллигенция, в том числе, разумеется, и русская, по отношению к таким явлениям, как шовинизм, фашизм и антисемитизм, всегда занимала самую непримиримую позицию.

Ну и, наконец, о том, насколько факты приглашения на работу в консерваторию лиц нерусской национальности снимают с ректората обвинения в шовинизме и национализме. Есть что-то глубоко неинтеллигентное, вызывающее брезгливость в этом аккуратном, старательно подготовленном списке «инородцев». Чем, собственно, хвалятся авторы письма? Вот, дескать, даже инородцев — и тех приглашаем к себе на работу... Так что ли? А кроме того, не об этом ведь шла речь. Здесь налицо явная подмена понятий. В письме В. Арро, А. Петрова и В. Стржельчика говорилось не о фактах гонений на «инородцев», а лишь о той «рьяной борьбе с мифическими «русофобами», которую с ведома ректората развернули на страницах консерваторской газеты «Музыкальные кадры» М. Любомудров, В. Пархоменко, В. Молчанов и некоторые другие сотрудники вуза. Неужели надо объяснять членам ученого совета, что целенаправленные и методичные попытки группы авторов «Музыкальных кадров» представить всех «инородцев» русофобами глубоко оскорбительны, причем не только для лиц некоренной национальности? Не потому ли вслед за Ю. Темиркановым из консерватории ушли председатель профкома А. Афанасьев и профессор А. Лазько?

На этом можно было бы поставить точку, если бы «история с М. Любомудровым» самым тесным образом не переплелась с еще одним консерваторским конфликтом — «историей с СТК». Суть ее в том, что в октябре прошлого года только что избранное партбюро вуза во главе с Н. Мартыновым поддержало давно уже зревшую в коллективе идею создания в консерватории совета трудового коллектива. Однако эта идея, одобренная открытыми партсобраниями факультетских организаций, сразу же встретила решительное противодействие ректората. Перспектива создания СТК, при наличии независимого от ректората большинства в партбюро и профкоме, не сулила руководству вуза ничего хорошего.

Используя все доступные меры воздействия, а также помощь «своего» меньшинства в партбюро, ректорат настоял на проведении внеочередного закрытого партсобрания с повесткой «О доверии партбюро». Несмотря на то, что 90 коммунистов из 205, состоявших на учете, на собрание не явились, оно все же состоялось и большинством голосов вынесло партбюро «вотум недоверия». И хотя это решение вопреки расчетам ректората никакого воздействия на создание СТК не оказало — в тот же самый день он был успешно избран на общевузовской конференции делегатов,— судьба «антиректорского» большинства в партбюро была предрешена.

Выборы нового состава партбюро прошли под контролем ректората и увенчались полной победой противников СТК. Начиная с этого момента, борьба с СТК стала едва ли не важнейшей заботой консерваторского руководства. Воспользовавшись ведомственным подзаконным актом — «Временным положением о высшем учебном заведении», изданным Госкомобразования 07.07.89 (приказ № 565),— ректорат объявил СТК несуществующим и пригрозил в случае неповиновения применить к членам совета меры административного воздействия.

Мы не знаем, как сочетается «Временное положение о вузе» (о котором, кстати, председатель Гособразования ни словом не обмолвился на сессии Верховного Совета, утверждавшей его в этой должности) с Законом СССР «О государственном предприятии» и Постановлением Совмина СССР № 1471 от 26.12.87, не беремся судить и о том, нужен ли консерватории СТК. Но зато точно знаем, что применение административных мер к общественной организации — явный рецидив недоброй памяти лет застоя, с которыми наше общество вроде бы навсегда распрощалось.

Конфликт между тем не утихает, о чем свидетельствует и сюжет, показанный программой «Взгляд» в начале ноября. Совет трудового коллектива продолжает отстаивать право на существование. Не намерен уступать и ректорат, причем методы, избираемые им для борьбы с противниками, никак не назовешь джентльменскими. На грустные размышления наводит, к примеру, факт публикации в 9-м номере журнала «Ленинградская панорама» письма студентов консерватории, адресованного в Министерство культуры РСФСР. Резко критикуя идею создания СТК и называя М. Любомудрова «истинным Русским Интеллигентом и Патриотом», авторы просят министерство «оградить администрацию от нападок». А грустно нам не только потому, что В. Чернушенко является членом редколлегии этого журнала, но и потому, что редакция располагает копией заявления одного из студентов, чья подпись напечатана в журнале, о полной непричастности ни к консерваторскому конфликту, ни к данному письму.

Не менее печален и факт проведения у стен консерватории несанкционированного митинга, организованного «Национально-патриотическим центром» и другими псевдопатриотическими организациями под лозунгами «Русская школа — русским» и «Первая российская консерватория — для русских». Показательно не только место проведения митинга, но и его дата — 19 октября,— «случайно» совпавшая с очередным консерваторским партсобранием, на котором присутствовали представители Ленинградского обкома КПСС.

Так что же дальше? Ответ на этот вопрос нам хотелось бы получить не только от Министерства культуры РСФСР, в ведении которого находится консерватория, но и от советских и партийных органов Ленинграда.

P. S. Уже были готовы к печати и ответ ученого совета Ленинградской консерватории, и редакционный комментарий, когда к нам пришло еще одно письмо — на этот раз за подписью самого ректора консерватории В. А. Чернушенко. Тов. Чернушенко возмущен тем, что «Огонек» до сих пор не напечатал ответ ученого совета. Однако цель его письма, похоже, не в том, чтобы ускорить публикацию. Автор, во-первых, выражает сомнение в добросовестности редакции («Судя по всему, меры по проверке публикации Вами не приняты...»). А во-вторых, вроде бы и вовсе отказывается от обнародования этого ответа: «Ставим Вас в известность, что ректорат и ученый совет вынуждены избрать иные пути и средства защиты своей чести и славного имени Ленинградской консерватории». А может быть, прав товарищ ректор? Может быть, действительно не публикация отповедей журналистам и ведущим деятелям отечественной культуры, а какие-то «иные пути и средства» способны вернуть Ленинградской консерватории ее «славное имя»? В любом случае, однако, эти «иные пути и средства» следует искать не где-то на стороне, а у себя дома, внутри собственного коллектива, тем более что здоровые силы, как мы видим, внутри консерватории есть. Так, может быть, просто не мешать им?

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

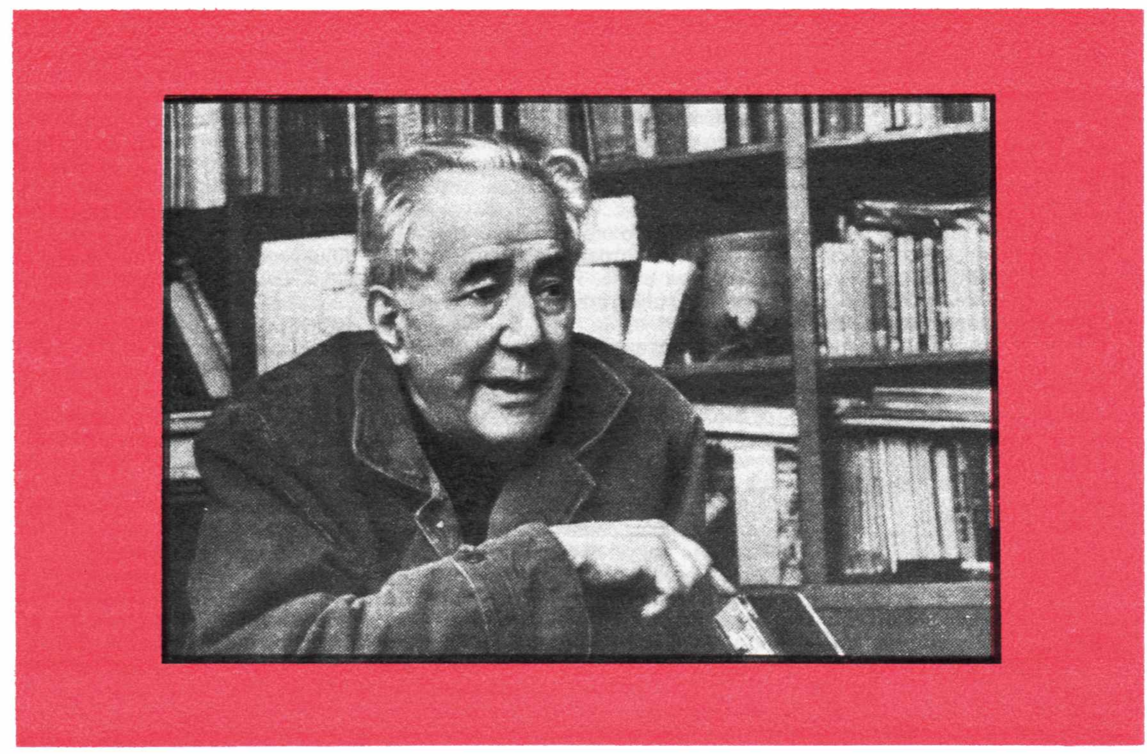
Для Запада он долгое время был «диссидентом номер один», «великим бунтовщиком» и «борцом за свободу и демократию». У нас его называли «перебежчиком», «ревизионистом» и «прислужником разбойничьего империализма». Правда, даже такие эпитеты употреблялись редко. Чаще о Миловане Джиласе молчали. «Я, кажется, превратился в какой-то миф»,— иронично сказал он. Но времена меняются. Люди перестают смотреть на мир сквозь призму идеологических и политических догм. И миф постепенно разрушается. Возникает человек сложной и противоречивой судьбы.

Милован Джилас родился в 1911 году в Черногории. С 1929 года изучал философию и право в Белградском университете. Член подпольной Компартии Югославии с 1932 года. В 1933 году осужден за революционную деятельность, приговорен к трем годам тюрьмы. В 1940 году избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПЮ. Участвовал в организации вооруженного восстания против нацистов и их союзников. Во время войны — член Верховного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Народный герой Югославии, генерал-лейтенант.

После войны руководил агитационно-пропагандистской работой в ЦК КПЮ. В начале 1953 года назначен заместителем председателя Союзного исполнительного веча (Совета Министров) Югославии, а в конце этого же года — председателем Союзной народной скупщины (парламента). Неоднократно бывал в СССР, вел переговоры с советским партийным и государственным руководством.

В январе 1954 года внеочередной пленум ЦК СКЮ квалифицировал публиковавшиеся в газете «Борба» и журнале «Новая мысль» статьи Джиласа как вредные и антипартийные и снял его со всех государственных и политических постов. С 1956 по 1966 год — суды, аресты, тюрьмы. С 1966 года живет в Белграде. Автор политико-философских исследований «Новый класс» (1957), «Несовершенное общество» (1969), «Тюрьмы и идеи» (1984), романов «Черногория» (1963/89), «Проигранные битвы» (1973), мемуаров «Несправедливая земля» (1956), «Воспоминания революционера» (1973), «Власть» (1977), «Разговоры со Сталиным» (1962), «Дружба с Тито» (1986) и других.

...Последний раз Джилас был в Москве в феврале 1948-го. И вот сейчас снова вернулся сюда. Но уже не как член правительственной делегации, а как писатель и политолог, незаменимый свидетель происшедших в эти годы коллизий и поворотов. Редакция «Литературной газеты» пригласила его принять участие в организованном вместе с югославским журналом «НИН» «круглом столе» на тему «Перестройка и Информбюро». Не со всеми его оценками можно согласиться. Но чтобы окончательно исчез миф, неплохо бы узнать и их...

— Господин Джилас, как возник ваш конфликт с партийным и государственным руководством Югославии?

— Он стал результатом долгой идейной эволюции, происходившей во мне еще с 1948 года, то есть со времени разрыва Югославии со Сталиным. Тогда я начал анализировать сущность советской, вернее сталинской, системы и все больше и больше убеждался, что она абсолютно не соответствует моим представлениям о социализме. А поскольку советская и югославская системы были тогда очень похожи, то критика Сталина косвенно относилась и к нам.

С открытой же критикой югославского руководства я выступил летом 1953 года, после того как начал останавливаться процесс либерализации в стране. С этого времени и по январь 1954 года в «Борбе» и «Новой мысли» печатались мои статьи, которые и стали непосредственным поводом к конфликту.

— Вы упомянули об остановке процесса либерализации. Но ведь в это время в Югославии начинается переход к самоуправлению. По существу, первые шаги по реформации социализма...

— Это не совсем так. То, о чем вы говорите, больше относилось к 1949—1951 годам. После же Брионского пленума ЦК в июне 1953-го происходит фактический отход от прежнего демократического курса, в партии постепенно складывается атмосфера застоя.

— Чем вы можете это объяснить?

— Мне кажется, было несколько причин. У руководства, у Тито прежде всего, появилось опасение, что демократические процессы приведут к ослаблению партийной монополии, единства партии — так, как он его понимал,— и в итоге к ослаблению всей системы. К тому же он, вероятно, беспокоился, что может упасть его влияние в партии, уменьшится его личная власть. Хотя Тито пользовался громадным авторитетом, и я, например, в своей критике ничего против него лично не имел.

— В двух словах, за что вы выступали в ваших статьях?

— За дальнейшую демократизацию и дебюрократизацию в Югославии.

— Что вы понимали под демократизацией?

— Свободное высказывание различных точек зрения, свободу печати, ликвидацию партийной монополии на власть...

— А введение многопартийной системы?

— Нет. Конкретно об этом я не думал. Хотя не исключал возможности появления каких-то альтернативных организаций, которым, если они не прибегают к насилию, должны быть предоставлены условия для нормального развития.

«Сегодня ни одна партия или группа, ни один класс не может претендовать на роль единственного выразителя объективных интересов всего общества, не может присваивать себе исключительное право «управлять» развитием производительных сил и, что еще важнее,— людьми... По той простой причине, что в условиях общественной собственности резкое усиление любого политического движения... не может не вести к торможению общества и его порабощению. Ослабление... монополизма политических движений, особенно при социализме,— главное требование времени». (Из статьи «Общее и частное». «Борба», 20 декабря 1953 г.)

— Тогда вы считали себя коммунистом?

— Безусловно. Моя критика ведь не сразу стала радикальной. Я был коммунистом, марксистом и выступал в первую очередь за реформу в партии. За превращение СКЮ в демократическую, социалистическую организацию. Эта реформа могла бы привести и к демократизации всего общества.

— Как вы думаете, почему ваши товарищи не приняли ваших взглядов?

— Вообще-то многие из членов ЦК высказывали довольно близкие к моим мнения. Так что я в своих оценках не был одинок. Но в конце концов они остались верны коллективной точке зрения ЦК, которая в принципе ничем не отличалась от взглядов Тито. Тито же твердо продолжал стоять на признании идеологической монолитности в партии, ее монополии на власть в стране.

«Новые идеи всегда рождались как идеи меньшинства. Люди не мыслят коллективно, хотя мыслят все. Но мысли одного или нескольких человек могут впоследствии стать коллективными. Однако никто не сумеет заранее сказать, какая именно идея будет тем прогрессивным началом, которое объединит миллионы людей... Главная задача социалистической, как и любой другой настоящей демократии, состоит в том, чтобы обеспечить свободное выражение идей, чтобы никто не подвергался преследованиям из-за своих взгля-

дов. Только в такой атмосфере новые идеи смогут выйти на поверхность общества». (Из статьи «Конкретное». «Борба», 22 декабря 1953 г.)

— Вы знали, что руководство недовольно вашими выступлениями в печати. Вас, наверное, не раз предупреждали об этом. И все-таки вы не остановились. Почему?

— Я оказался перед моральной дилеммой: остаться верным своим убеждениям, которые я считал правильными, и продолжить критику или отступить, капитулировать, начать маневрировать, как делали тогда многие коммунисты. Но я чувствовал угрызения совести из-за того, что мы отошли от демократического курса... К тому же как бы превратился в раба одолевающих меня размышлений, в их инструмент. Поэтому я не мог и не хотел останавливаться.

— Почему руководство не запретило публикацию ваших статей?

— Думаю, сначала оно просто не поняло, насколько далеко идет моя критика. А когда поняло, посоветовалось, организовало пленум ЦК, время уже ушло.

— В чем вас обвинили на пленуме?

— В том, что мои взгляды ввели в заблуждение общественность и нанесли вред Союзу коммунистов и интересам страны. Потом еще в анархо-либерализме. Но это что-то совсем непонятное... Либералы за ослабление государства, но не за анархию. К тому же, как я уже сказал, тогда я был марксистом.

«...Джилас в своих взглядах удалился от Центрального комитета и Союза коммунистов, изолировал себя от практической работы, создав тем самым политическую основу для разрушения идеологического и организационного единства Союза коммунистов и его ликвидации». (Из решения Третьего (внеочередного) пленума ЦК СКЮ. «Борба», 18 января 1954 г.)

— После пленума вы подали в отставку и вышли из партии...

— Сначала я ушел в отставку со своих государственных постов. Из партии вышел позже, в апреле. Считал, что не могу оставаться в ней, потому что она ведет против меня непринципиальную кампанию.

— Причина вашего первого ареста?

— Венгерские события 1956 года. Югославское правительство заняло тогда позицию, которая, по моему мнению, способствовала советскому вмешательству в Венгрию. На Западе появилась моя статья с ее критикой. После ее публикации, в декабре 1956-го, я и был осужден на три года заключения.

— И сколько времени вы провели в тюрьмах?

— Около девяти лет. Когда отсиживал свой первый срок, за границей в августе 1957 года вышла книга «Новый класс». За нее, находясь в тюрьме, я получил еще семь лет. В январе 1961-го меня освободили условно. Но в 1962 году появились «Разговоры со Сталиным», и я снова оказался в тюрьме с пятилетним сроком. А еще мне добавили оставшуюся «неотсиженную» часть первого. В итоге «набежало» тринадцать лет. Однако в декабре 1966-го меня освободили уже без всяких условий.

— «Разговоры...» оценили как подрывную книгу?

— Как неприятельскую пропаганду, разглашающую государственные тайны. Хотя она не содержала ничего, что могло хоть как-то угрожать правительству и что перед тем не было опубликовано. Но тогда в Югославию с визитом собирался Громыко, и правительство, вероятно, считало, что книга может испортить наши отношения, которые с приходом Хрущева улучшились.

— Сколько раз вы встречались со Сталиным?

— Два раза лично и два раза в составе югославских делегаций.

— Какое мнение у вас сложилось о нем?

— Сталин был выдающимся политиком. Пожалуй, даже самым выдающимся для того времени. Он многого добился в осуществлении своей доктрины. И, конечно, имел право, как и любой политик, бороться за власть. Но в этой борьбе Сталин далеко уходил за пределы необходимого. Все его ошибки, типичные, кстати, для диктатора, в тех условиях легко проникали в партию, государство, общество и превращались в чудовищные преступления. До сих пор так и не ясно, делал ли он это из-за своей догматической веры в идею построения нового общества или из-за какой-то другой страсти. Страсти к власти прежде всего. Я думаю, что в его поступках присутствовали все эти элементы...

Сталин останется в истории как, несомненно, крупная, неординарная личность, но в чисто негативном смысле. Трудно найти в его деятельности хоть один позитивный момент, за исключением, может быть, войны, которую он вел достаточно энергично. Но и здесь Сталин мало задумывался о жертвах, о жестоких расправах с людьми, совершившими какую-нибудь ошибку или просто не согласившимися с ним.

— Вы написали немало книг. Но самая известная из них, пожалуй, «Новый класс», названная в свое время «антикоммунистическим манифестом». Можно ли сказать, что она действительно стала началом вашего отхода от коммунизма?

— Да. Но еще не отходом от самой коммунистической идеи, а от современного, сталинского ее варианта. Моя критика стала острее. Но и тогда я еще был марксистом. Конечно, уже не таким, как раньше, но все-таки по методологии «Новый класс» — книга марксистская.

— Повлияло ли на обострение критики то, что вы лишились власти?

— Если говорить о самих идеях — нет. В смысле же страстности изложения, ускорения их развития — да. Например, летом 1956 года я попытался напечатать свою автобиографическую книгу «Несправедливая земля». Мне не дали этого сделать. Я вдруг подумал, что меня хотят уничтожить не только политически, но и духовно. Почему? За что? Я был уже близок к идеям «Нового класса», и этот случай, так сказать, толкнул меня к ним еще ближе. Но к большинству своих взглядов я, повторяю, пришел еще до того, как я лишился власти.

— Основой «Нового класса» стала теория о роли бюрократии при социализме. В чем ее смысл?

— Под «новым классом« я понимал партийную бюрократию. В социалистическом обществе она составляет стержень административной системы, ведь каждый высокопоставленный чиновник обязательно состоит в партии. Характерные для этого «класса» черты — специальные привилегии и определенный, зависящий от положения на иерархической лестнице допуск его представителей к власти.

«Новому классу» присущи все признаки классов «старых», однако он имеет и свои особенности. Как известно, политические партии обычно являются продуктом классов. Партийная бюрократия, наоборот, выделилась из организации особого типа. В России ею была партия большевиков. Точнее говоря, «новый класс» зародился даже не в партии, а еще глубже — в среде профессиональных революционеров. Монолитность, строжайшая дисциплина и подчинение руководству, строгая конспирация создали возможности для формирования при благоприятных условиях нового правящего слоя.

Революция стала для «нового класса» моментом прихода к политической власти. История распорядилась так, что остальные партии были разгромлены. Но и даже тогда господство «нового класса» не могло быть прочным без его экономической основы — особого типа собственности на средства производства.

И время расцвета партийной бюрократии наступило после проведения индустриализации и коллективизации. Была создана так называемая «социалистическая общественная собственность», не имевшая на самом деле к социализму и обществу никакого отношения. Трудящиеся были лишь формально хозяевами средств производства. Подлинным же их хозяином стало государство в лице того же самого «нового класса». Рабочий снова оказался наемным работником, на этот раз у своего рода коллективного, безличного капиталиста. Неуклонное отчуждение трудящихся от средств производства и результатов труда превратило партийную бюрократию в «социалистического эксплуататора».

— Возможны ли революции против этих эксплуататоров?

— Как показало время, возможны. Но парадокс здесь в том, что трудящиеся долгое время не воспринимают «новый класс» как эксплуататоров. Действительно, он по своей природе антикапиталистичен. Его корни — в пролетариате. Пролетариат экономически слаборазвитой страны обычно поддерживает радикальные методы ее переустройства и декларируемые радикальной партией цели. Партия захватывает и удерживает власть благодаря пролетариату.

После революции «новому классу» необходимо организовать производство в своих интересах. Для этого он прибегает к национализации и индустриализации. Рабочие, ослепленные верой в бесклассовое общество, видят в этом решающий шаг на пути к нему, избавление от нищеты, голода и страданий. Поэтому довольно долгое время цели «нового класса» и пролетариата совпадают. Власть партийной бюрократии осуществляется от имени пролетариата. На самом же деле это власть над пролетариатом и всеми трудящимися.

— Почему вы назвали партийную бюрократию классом?

— Есть и другие определения — номенклатура, каста... Термин «новый класс», конечно, можно критиковать с научных позиций. Я считаю его скорее условным, но самым эффективным с пропагандистской точки зрения. Я хотел показать, что современный коммунизм не ведет к созданию бесклассового общества, а служит почвой для образования нового привилегированного слоя.

— Сохраняет ли он сегодня свои позиции?

— Перестройка привела к определенным переменам. Но в целом еще эта система существует.

— Критика бюрократии в Советском Союзе в последнее время стала очень распространенной. Вам не кажется, что в ней довольно часто используются и ваши идеи из «Нового класса»?

— Да, иногда я замечаю сходство... Но я никогда не выступал против бюрократии вообще. Государство как организация не может обойтись без нее. Еще в начале нашего века известный немецкий социолог Макс Вебер писал, что индустриальное общество должно иметь сильную бюрократию, и я с ним полностью согласен.

Проблема в другом. Мне кажется, что у вас критика чиновников своим размахом заслоняет вопрос о партийной привилегированной номенклатуре. То есть больше внимания уделяется следствию, а не причине. Причина же — в созданной партийной бюрократией системе. Правда, эта критика становится все глубже...

— Есть ли связь между вашими статьями в «Борбе» и «Новым классом»?

— Конечно. Я бы назвал это преемственностью. Книга — новый этап в развитии моих взглядов, но преемственность осталась.

«Бюрократическая и догматическая теория о том, что только коммунисты — сознательная сила социализма («люди особой закалки», по Сталину), служит основой для их отделения от общества... Она скрывает реальную тенденцию к созданию особого привилегированного слоя по принципу политической и «идейной» принадлежности, а не на основе способностей и профессионализма. Такая практика может превратить коммунистов в попов и жандармов социализма...

Демократия все больше доказывает, что ее новый враг — бюрократизм — гораздо сильнее старого — капитализма. Она доказывает, что социалистическое сознание сегодня можно развивать только на основе борьбы с бюрократизмом». (Из статьи «Субъективные силы». «Борба», 27 декабря 1953 года.)

— Вы писали, что «чем раньше будет разрушен миф коммунизма, тем лучше для человеческого рода». Вы антикоммунист?

— Ни в коем случае. Никогда не считал и не считаю себя антикоммунистом. Ортодоксальный антикоммунизм — порождение «холодной войны». Он глубоко ошибочен и вреден. У него нет никакой позитивной программы. Я критиковал коммунизм с точки зрения демократического общества, демократического социализма, но никогда антикоммунистом не был. Хуже коммунизма только ортодоксальный антикоммунизм. Но это шутка.

— Один из деятелей усташской[1] эмиграции, Богдан Радица, как-то сказал, что Джилас в борьбе против коммунизма сделал гораздо больше многих профессиональных антикоммунистов...

— Дело в том, что думающие люди восприняли мои работы как серьезные размышления, написанные без ненависти, предвзятости. Так оно и было. Поэтому для тех, кто не принимал ортодоксальный, я бы сказал, пещерный, антикоммунизм, мои книги все-таки имели какое-то значение.

— Что же такое для вас коммунизм?

---

[1] Усташи — члены хорватской националистической террористической организации «Хрватски домобран». Действовала в 1920—1940 годах в Австрии, Италии, Бельгии и т. д. Организована А. Павеличем. В 1934 году в Марселе организовали убийство короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту. Во время войны — на службе у немецких и итальянских захватчиков, организаторы массовых убийств в Югославии.

— Некоторые считают его разновидностью новой религии. Думаю, это неточно. Иногда даже говорят: «Коммунизм есть христианская ересь». С этим я также не согласен, хотя для меня очевидно, что коммунизм возник именно из христианской цивилизации. Скорее всего, коммунизм — политическое движение, идеология с элементами религии. Недавно я услышал термин «политическая религия», что, по-моему, довольно близко к существу.

— В «Несовершенном обществе» вы писали, что давно уже чувствовали слабые стороны Маркса, но не могли их ясно изложить. Когда вы ощутили в себе эту способность и какие это стороны?

— Ощутил, когда работал над «Новым классом».

Если анализировать марксизм с современной точки зрения, в нем можно найти немало слабостей и неточностей. Это, разумеется, никоим образом не принижает огромное историческое значение Маркса как политического мыслителя.

Одна из основных ошибок, которую часто делают социалисты и коммунисты, состоит, на мой взгляд, в том, что они канонизируют Маркса как ученого. Я же считаю, что в нем талант идеолога, политика и пророка перевешивал способности научного исследователя. Маркс, несомненно, блестяще обладал научной методологией, скрупулезно собирал материал, тщательно анализировал его, но почти всегда использовал эти данные для своих идеологических и утопических проектов. Это видно, например, по его теории бесклассового государства. Даже в своей самой сильной научной работе — «Капитал» — Маркс не удержался от пророчества. «Бьет двенадцатый час капиталистического производства»,— писал он, например, и, как видим, ошибся. Маркс, до конца веривший в утопию нового общества, не смог увидеть в капитализме способности к эволюции, саморегуляции.

Я думаю, что сила и значение марксизма не в его научности, а в связи с народным движением в акцентировании на необходимости и возможности изменения общества. Маркс был великим политиком, он сумел привнести свою теорию в народ. Именно тесной связью с народом можно объяснить, что марксизм существует уже больше ста лет. И как идеология угнетенных классов и политического движения его появление — одно из главнейших событий последних веков.

— Перенесемся в сегодняшний день. Как вы оцениваете последние события в странах Восточной Европы?

— В Восточной Европе происходят демократические революции. Каждая из них имеет свою форму, свои особенности. В дальнейшем этот процесс может идти быстрее или медленнее, в зависимости от конкретных условий каждой страны. Но я абсолютно уверен, что остановить его невозможно. Это, конечно, не значит, что не будет сил, пытающихся ему противодействовать.

«Демократия сегодня не осуществляется через вооруженную борьбу, но мирным развитием демократических отношений... Продолжать революцию в настоящее время — значит отказаться от ее старых форм ради развития ее содержания... Революция сегодня есть реформы, мирное движение, но движение вперед. Движение же возможно только в условиях демократии. Если кто-нибудь желает в наши дни быть революционером, отказаться от прошлого и консервативного, он может стать им, только борясь за демократию, за новые и конкретные ее формы... Демократическая практика — вот революция сегодня. Ничто не может уменьшить значение Революции, ничто не может сравниться с ней. Но ее душу можно сохранить только в настоящей свободе, так как ее совершил свободный человек для свободы и во имя нее». (Из статьи «Революция», «Борба», 7 января 1954 года.)

— Советская перестройка, как признано во всем мире, явилась основой и гарантом для демократизации в Восточной Европе. Но не отстал ли, на ваш взгляд, сам Советский Союз в проведении реформ от восточноевропейских стран?

— Отстал не только СССР, но и Югославия. Причина здесь в том, что тот правящий слой, о котором мы говорили, имеет в этих странах глубокие и крепкие корни. Он естественный продукт наших революций. И сопротивление реформам с его стороны гораздо сильнее. В других же восточноевропейских странах он не пустил таких корней, не стал органической частью общества. Как только началась либерализация в Советском Союзе и появилось другое отношение к своим союзникам, сразу же возникли и условия для реформ. Без перестройки и гласности события в Восточной Европе развивались бы гораздо трагичнее. Кроме того, СССР и Югославия — страны многонациональные, что также серьезно тормозит скорость преобразований.

— Перестройка — это продолжение дела Октябрьской революции?

— Я так не считаю. Потому что при всей реалистичности тактики большевиков в октябре 1917 года они руководствовались все-таки своей утопической целью — построением бесклассового, коммунистического общества. Но идеальное государство, как доказала история, создать нельзя... Перестройка же проводится во имя реальных, давно назревших задач.

— Каковы, на ваш взгляд, главные опасности для нее?

— Иллюзия, что оставшуюся еще догматическую систему можно усовершенствовать, а не изменить коренным образом.

«Общество не может дальше развиваться в том виде, в котором оно вышло из Революции. У него два пути — превращение революционных, то есть демократических, форм в бюрократические или развитие демократии. Происходит и первое, и второе. Ни одна форма не переходит в другую легко и «чисто», неизбежно возникают трудности и противоречия. И сегодня бюрократизм маскируется под революционность, а демократия считает себя наследницей революции. Первый прав формально, поскольку он настаивает на старых революционных формах (абсолютная монополия партии, отсутствие писаных законов), а вторая — по существу, так как видит в Революции наивысшую форму демократии в классовом обществе...» (Из статьи «Революция». «Борба», 7 января 1954 года.)

— Ваше мнение о Горбачеве?

— Горбачев — очень умный политик и искусный тактик. Он серьезное явление не только для СССР, но и для всего мира. Даже если он больше ничего не сделает, он в истории останется замечательной личностью хотя бы потому, что он начал процесс демократизации в СССР и не воспрепятствовал проведению реформ в Восточной Европе. Но, с другой стороны, мое общее впечатление о Горбачеве не свободно и от критических замечаний. Он пытается реформировать коммунизм, приспособить его к современности, я же полагаю, что от коммунизма следует отказаться.

— Его действительно можно назвать человеком десятилетия?

— Несомненно.

— Возможен ли политический плюрализм без многопартийной системы?

— Нет. Это абсурд. Плюрализм и однопартийная система — понятия взаимоисключающие. Я вовсе не идеализирую многопартийность, просто она больше соответствует природе человека и современной экономике.

— Как бы вы определили ваши политические взгляды?

— Я сторонник плюралистической многопартийной демократии. Точнее, социальной демократии, потому что считаю, что необходимо бороться против эксплуатации, угнетения, бесправия, национальной ненависти. Но при этом я всегда выступал за свободные формы собственности, конкуренцию.

— Вы верующий человек?

— Нет. Хотя я и не воинствующий атеист. Не думаю, что надо бороться против той или иной религии. Это мне кажется бессмысленным. То же самое, если бы мы стали бороться против человека как такового. Человек без веры не может существовать. Атеизм — нечто другое, как перевернутая религия. Пока существует человеческий род, существует и религия.

— Какие философы, политики оказали на вас наибольшее влияние?

— Особого влияния не было. Из политиков я очень уважаю, например, де Голля за то, что власть для него была средством, а не целью.

— В югославской прессе сейчас много пишут о «возвращении Джиласа». Выходят ваши книги, у вас берут интервью. Чем вы можете объяснить такой большой интерес по отношению к вам?

— Я возвращаюсь только как писатель. Начали выходить мои книги. Интерес же ко мне можно объяснить обычным человеческим любопытством. Долгое время меня запрещали... Но со временем и это любопытство приобретет естественные размеры.

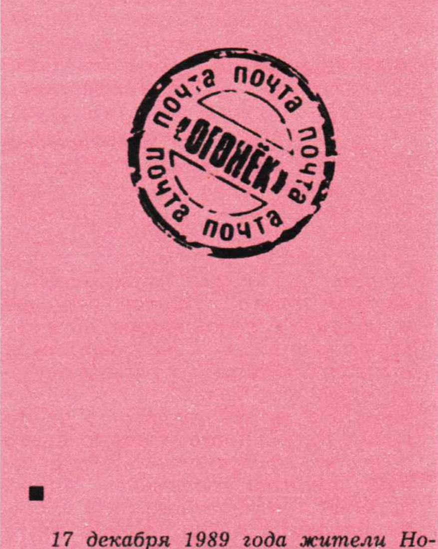
— Будут ли переведены ваши книги на русский язык?

— Думаю, что да, и очень скоро. Прежде всего «Разговоры со Сталиным» и «Новый класс».

— Кто вы — философ, политик, социальный мыслитель?

— Я писатель. Не философ, не социолог, не экономист, а писатель, который долгое время занимался политикой и которому какое-то внутреннее неспокойствие никогда не давало остановиться. Ведь оно может быть сильнее вашего желания и вашего рассудка.

Беседу вел Евгений МАТОНИН.

■

17 декабря 1989 года жители Ногинска, Черноголовки и других ближних городов и поселков собрались в центре города Ногинска, чтобы почтить память Андрея Дмитриевича Сахарова. После собрания на площади некоторые его участники пошли в ногинский Богоявленский собор, чтобы заказать панихиду. Настоятель собора отец Андриан категорически отказался исполнить нашу просьбу, сославшись на то, что он еще не получил телеграмму, разрешающую отслужить панихиду. В соборе мы только поставили свечи за упокой души этого мужественного человека и гражданина нашей Родины.

Накануне 40 дней со дня смерти академика А. Д. Сахарова в центре Ногинска снова собрались жители Ногинска, Черноголовки, Электростали, Электроуглей, некоторые приехали из Москвы. Люди собрались еще раз почтить память великого ученого, борца за мир и справедливость. В этот день нам также было отказано в просьбе о проведении церковной панихиды.

Отец Андриан враждебно встретил людей, пришедших в храм с миром, в категорической и грубой форме отказался отслужить панихиду.

И снова одной из причин отказа явилось отсутствие указаний сверху. При этом он требовал покинуть здание храма, назвав людей, пришедших заказать панихиду, иудеями, неверующими и «афанасьевцами». Своим воинствующим и грубым поведением отец Андриан осквернил храм Божий, оскорбил наши чувства. Мы надеялись встретить в храме понимание, христианское милосердие, веротерпимость. Православный храм не должен быть местом забвения христианских заповедей.

О. МАЛОВА, М. ИЛЬИНОВА, М. КРУТИКОВА, В. КОЗЛОВ, Е. ГЛАЗКОВ и другие (всего 75 подписей)

Ногинск

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ОГОНЬКА»

Наше довоенное и послевоенное поколение воспитывалось в святом поклонении перед армией, только что одержавшей великую Победу, и любой человек в погонах выглядел в наших глазах героем, и еще долгие годы каждый из нас испытывал не только глубокое почтение к людям в военной форме, но и инстинктивно видел в них защитников и спасителей в самых разных случаях жизни. Это только потом мы поняли, что не все так просто, и что армия, будучи плотью от плоти нашего общества, сфокусировала в себе целый комплекс нерешенных острых проблем и недостатков, и что в сфере армейской жизни нашлось место не только подвигу и героизму, но и массе глубоко укоренившихся негативных явлений, которые долго скрывались от народа за семью замками, и что только открытая перестроечным процессам гласность позволила осмыслить причины и следствия этих явлений, и что сейчас, как никогда, важен ответ на вопрос, какой же должна быть современная Советская Армия.

«Огонек» продолжительное время ведет дискуссию по военным вопросам. Мы пытались (и будем продолжать это впредь) защитить от тоталитарного армейского произвола обратившихся к нам за помощью военнослужащих, предавая гласности незаконные действия стоящих над ними крупных военных чинов; напечатали на своих страницах Открытое письмо редактору журнала маршала С. Ф. Ахромеева и редакционный комментарий к этому письму, опубликовали заметки академика Георгия Арбатова «Армия для страны или страна для армии?». А недавно в редакции побывала группа офицеров — народных депутатов СССР, которые за «круглым столом» обсудили некоторые концепции, по их мнению, неотложной военной реформы.

Фото В. Филимонова.

КОРР.— Не спорим: каждое государство имеет право на военную тайну. Но сколько раз, обращаясь к военной теме, мы, журналисты, испытывали поистине вселенские муки, ибо оказывались в густом тумане полной закрытости, засекреченности всех сторон армейской жизни. Есть ли, по вашему мнению, возможность без ущерба военной политике и военной доктрине снять часть ненужных заградительных барьеров перед прессой, открыть ей свободный доступ к тем сложным процессам, которые происходят сейчас в армии?

А. ЦАЛКО.— В зубах навязло повсеместно тиражируемое утверждение руководителей военного ведомства, что пресса не только не объективна, но и прежде всего некомпетентна в освещении тех или иных сторон армейской жизни, что чуть ли не во всех бедах армии повинны средства массовой информации. Хочешь — не хочешь, а приходится вспомнить известную пословицу, что нечего пенять на зеркало... Но для кого сейчас секрет, что армия поражена теми же социальными болезнями, от которых страдает все наше общество. Другое дело, что критика негативных явлений в определенной степени задевает армейских руководителей, которые непременно отождествляют себя со всей армией. Поэтому так упорно желание не выносить сор из избы, скрыть от широких масс все, что происходит за заборами воинских частей, да и в кабинетах самого Министерства обороны.

В. ЗОЛОТУХИН. — Обвинения прессы в нападках на армию все чаще приобретают официальный характер. Например, в № 1 «Известий ЦК КПСС» за этот год опубликована записка двух отделов ЦК — Государственно-правового и Идеологического, в которой ряд изданий, в том числе и «Огонек», подверглись критике за якобы тенденциозное освещение жизни Вооруженных Сил СССР. В чем конкретно состоит эта тенденциозность, ее авторы умалчивают. Зато никто не пишет в критическом тоне о военной цензуре, запретительный раж которой порой доходит до курьезов. Больше всего страдаем от нее мы, журналисты армейских газет. Например, есть официально утвержденный перечень ограничений, в том числе и о том, что в одной заметке нельзя показывать более одного случая нарушения воинской дисциплины. Нельзя конкретно писать о фактах неуставных отношений, а значит, невозможен серьезный анализ этой проблемы. Приходится прибегать к Эзопову языку: де-

КАКАЯ АРМИЯ НАМ НУЖНА

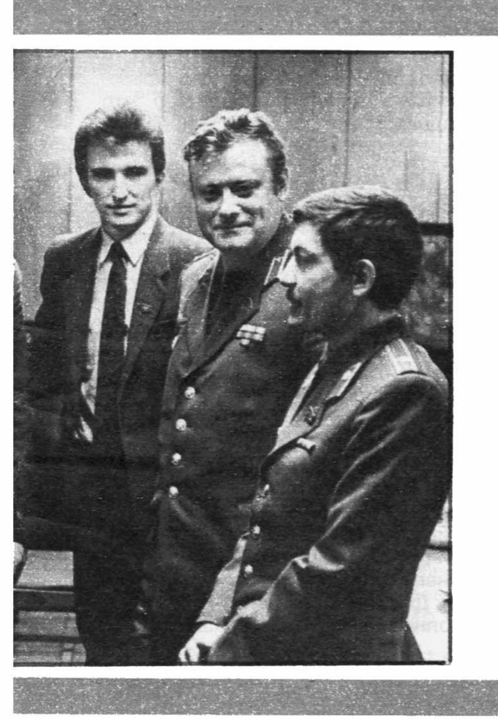
Участниками «круглого стола» стали начальник штаба подразделения Московского округа ПВО майор О. А. БОЧКОВ, заместитель командира эскадрильи из Киевского военного округа майор В. А. ЕРОХИН, заместитель командира части из Астраханской области полковник В. С. СМИРНОВ, политработник, начальник университета марксизма-ленинизма из Вологды майор В. Н. ЛОПАТИН, начальник политотдела авиационного полка подполковник К. А. ХАРЧЕНКО, командир соединения полковник А. В. ЦАЛКО, корреспондент журнала «Советский воин» майор В. П. ЗОЛОТУХИН.

скать, рядовой Петров не очень вежливо обошелся с рядовым Сидоровым, в результате чего последний оказался в госпитале с проломанной челюстью. Или ограничения при описании случаев потребления в воинской части спиртных напитков. Здесь тоже может быть только одна фамилия, хотя хорошо известно, что, как правило, русский человек не пьет в одиночку. Все это вызывает у наших читателей смех и недоверие к объективности информации. Впрочем, сейчас смех в войсках не редкость. А как, скажите, иначе нормальный человек может реагировать на некогда отданное распоряжение представить списки, сколько в таком-то подразделении перестроилось коммунистов, комсомольцев, политработников?.. И почему остальные не перестроились?

КОРР.— Что-то подобное припоминается и из моей практики. В одном из очерков, написанных года два назад, фигурировал эпизод, где комендант гарнизона, подполковник, о самодурстве которого ходили легенды, бил по щекам двух молодых лейтенантов, а те стояли по стойке «смирно», бледные, со слезами на глазах и лишь один упорно повторял: «Мы будем жаловаться, товарищ подполковник». Признаться, я был ошеломлен, когда сановитые генералы из Генштаба на полном серьезе мне доказывали, что такого в Советской Армии быть не может, но я-то ничего не придумал и мне это не приснилось, все видел своими глазами. Этот эпизод был безжалостно вымаран военной цензурой. Тогда я подумал, что здесь существует двойная мораль — тех, кто неограниченно правит, и тех, кто неограниченно подчиняется. И разрыв между теми и другими огромный.

В. ЛОПАТИН.— В свое время было разослано письмо министра обороны СССР — своего рода призыв обратить внимание на подчиненных, проявить о них заботу и т. д. Но это был мертвый документ. Во-первых, он не подкреплялся конкретными законоположениями, а во-вторых, его, очевидно, составляли люди, мало знакомые с тончайшими нюансами армейской жизни. Да, разрыв между руководителями из высшего воинского эшелона и исполнителями, безусловно, существует. Возьмите хотя бы возраст наших главных армейских начальников. Из тринадцати заместителей министра обороны только один моложе 60 лет, причем одиннадцать старше 66. Они старше, например, меня на более чем тридцать лет — это уже два разных поколения. Многие из них вступили на эти должности в самые застойные годы, когда, как нигде, в армии процветали протекционизм и кумовство. Есть такой грустный анекдот: почему сын генерала не может стать маршалом? А потому, что у маршала есть свой сын. Да, это грустно, но это реальность. Добавьте сюда и табель о рангах с исключительным для армии различием в привилегиях. Это уже стало государственной бедой, что даже нормальный хороший человек, получая высокую должность, мягкое кресло, широкие лампасы и сытые харчи, нередко становится другим.

И все-таки, если смотреть глубже, в корень, главная причина, объясняющая этот разрыв, на мой взгляд, иная. В нашей среде говорят, что умный, думающий офицер, имеющий свое мнение и умеющий его отстаивать, в большие командиры вряд ли пробьется. Система формирования генералитета — чуткий барометр отбора «удобных» людей, способных слепо повиноваться и мыслить теми же категориями, что и вышестоящее начальство. Одним словом, такая система допускает только себе подобных и покупает их с потрохами. Конечно, от этой болезни страдают и другие сферы общества, но система подготовки и воспитания армейских кадров отличается особым консерватизмом, здесь сложился достаточно мощный механизм подавления личности. Поэтому в предлагаемой реформе мы настаиваем на демократизации всей военной структуры общества в соответствии с принципами правового государства и нормами международного права.

А. ЦАЛКО.— Вспоминается состоявшееся в декабре прошлого года Всеармейское офицерское собрание в Центральном театре Советской Армии. Готовилось оно в духе старых добрых традиций: делегатов тщательно отбирали, инструктировали, делали все, чтобы истинные лидеры военных гарнизонов, выражающие мнение большинства, в Москву не попали. Накануне собрания офицерам раздали грамоты, ценные подарки, присвоили внеочередные воинские звания — в общем, задобрили. Естественно, в зале была соответствующая обстановка. Инакомыслящих, наиболее активную часть делегатов, разместили на балконе, откуда убрали все микрофоны. Создавали шумовой тон рассаженные в разных частях зала клакеры в военных мундирах — таким образом давление на нас шло сверху и снизу. Каких только выкриков мы не наслышались! Звучали требования снять с должности, уволить из Вооруженных Сил... Меня объявили врагом Советской Армии, у полковника Мартиросяна, вышедшего на трибуну для выступления по военной реформе, предложили отобрать партийный билет. Министр обороны СССР, генерал армии Д. Т. Язов прилюдно, во всеуслышание дал приказ: «А вы, товарищ Лопатин, сядьте, здесь вам не Верховный Совет...»

К. ХАРЧЕНКО.— Как бы ни хотели начальники, но сегодня горькая правда об армии вырывается из пут секретности. И нам, народным депутатам, известны настроения офицерского состава, мы-то знаем, что существуют десятки тысяч бездомных офицеров, что на стол ежедневно ложатся тысячи рапортов молодых офицеров об увольнении из Вооруженных Сил, имеются также данные, что денежные доходы члена семьи военнослужащего на 40—50 процентов ниже, чем члена семьи, скажем, рабочего в среднем по стране. А сколько другой, еще пока закрытой правды...

Сама по себе идея возрождения офицерских собраний, как это было в старой русской армии, прекрасна, в ней есть благородный смысл, заложен огромный рабочий потенциал оздоровления армейской среды. К сожалению, все эти благие пожелания сводятся на нет неспособностью отдельных руководителей из числа высших военных чинов говорить с подчиненными на равных. Главным в этой идее могла бы стать выборность тайным голосованием председателя офицерского собрания, расширение его компетенции и функций. А что получается на самом деле? Офицерское собрание создано приказом министра обороны, все офицеры объявлены его членами, а командир части объявлен его председателем. Все делается по приказу сверху, и действует такое собрание в рамках старых структур. Его можно назвать партийным, комсомольским, каким угодно, но только не офицерским в том смысле, в каком оно когда-то зарождалось. Если хотите, это яркая иллюстрация приспосабливаемости старой системы к новым условиям, потуги власти, пытающейся загнать старое содержание в новые формы. Характерен и итог Всеармейского офицерского собрания. В принятом им Обращении очень много красивых слов и ничего, можно сказать, по сути. Парадный отчет — не более того.

В. ЛОПАТИН.— Сейчас наблюдается еще одна интересная тенденция. Пытаясь во что бы то ни стало сохранить свое реноме, соблюсти хорошую мину при плохой игре, часть высшего командного состава Вооруженных Сил пытается идеологизировать концепцию невозможности перевода армии в русло обычных демократических перемен. Чего стоит выступление на Всеармейском собрании одного из защитников этой идеологии, военного публициста Карема Раша (о нем писал «Огонек» недавно), который с залихватской откровенностью сравнил офицеров с породистыми собаками, ибо в отличие от дворняг только породистые псы могут жить по уставу, так что гордитесь этим, товарищи, и не высовывайте нос. Не вздумайте критиковать своего начальника, потому что только холоп, чернь может осмелиться на такую критику, настоящий солдат, гражданин никогда не будет подвергать сомнению правильность действий своего командира, руководителя. Все перевернуто с ног на голову — оказывается, рабская психология подчиненного является залогом утверждения порядка. Здесь прозрачен призыв ведомства забыть про честь и достоинство, подтянуть потуже пояски, подравняться под одну гребенку...

В. СМИРНОВ.— Как правило, на вопрос, почему увольнение молодых офицеров из армии сейчас носит массовый характер, начальник Главного политического управления А. Д. Лизичев отвечает, что нынешняя молодежь боится трудностей, тягот и лишений, связанных с воинской службой. Не знаю, насколько он искренен в своем ответе, но неужели генерал армии не понимает, что, просыпаясь от застойной пассивности, люди в погонах, как и представители других социальных слоев общества, начинают задумываться о крепости иных «незыблемых постулатов», они прозревают и разочаровываются, ибо созданный в их юношеском воображении идеал высокообразованного, интеллигентного, духовно и физически развитого защитника Отечества вступает в жуткое противоречие с реальной действительностью.

«Механизм несвободы» достался нашей армии в наследство от тоталитарного режима и заменившей его впоследствии административно-командной системы. В нем четко отлажен принцип зависимости: двадцать пять лет офицер никуда не денется, его можно заставить делать что угодно. Хочешь расти по службе, хочешь получить звание, должность, квартиру — безусловно, подчиняйся... Помни устав — пункт первый: командир всегда прав, пункт второй: если командир не прав, то смотри пункт первый. Закономерно, что в армии до сих пор сильны просталинистские настроения, о культе личности и связанном с ним грандиозном размахе репрессий на политзанятиях говорится скороговоркой. Ореол сталинщины, пропитанный духом подавления, страха и насилия, словно нимб венчает зловещий профиль неуставных отношений. Вся неформальная власть отдается «дедам», будь то сержант-старослужащий или генерал. Самое страшное, что солдаты откровенно заявляют: если «дедовщины» не будет — армия развалится. Здесь нет отношений между людьми с их заботами и интересами, есть лишь отношения между начальниками и подчиненными. А главное, отсутствует механизм надежного контроля за Вооруженными Силами. Можно адресовать вопрос в любую инстанцию — в Политбюро, Совмин, Верховный Совет, резолюция последует однозначная: «Тов. Язову. Разберитесь».

Большие надежды возлагали мы, депутаты, на Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР. Но наших ожиданий он пока не оправдал. Скомплектованный в значительной степени представителями руководства Минобороны и военной промышленности, Комитет прежде всего защищает интересы этих ведомств. На одном из заседаний мы пытались убедить членов Верховного Совета в необходимости ввести в этот орган офицеров среднего звена, хотя бы для того, чтобы в какой-то степени контролировать расход народных денег на военные нужды, но поддержки не получили. Опять тот же барьер секретности, не позволяющий увидеть, что строится за высоким забором — военный объект или дача для высокого генерала стоимостью в сотни тысяч рублей.

КОРР.— Почти всю жизнь я прожил рядом с Хамовниками — традиционным московским районом, где испокон веков дислоцируются казармы воинских подразделений. Да и две военные Академии рядом — Генерального штаба и имени М. В. Фрунзе. Каждый день по пути на работу меня буквально захлестывает встречная толпа офицеров всех рангов, в которой нередко мелькают лица генералов далеко послевоенного года рождения. В принципе лично мне эти люди нравятся. Но куда уйти от ощущения надвигающейся на тебя лавины и как не задуматься, во что обходится государству содержание этой гигантской военной машины? Избыток военной мощи, тем более в условиях новых подходов к внешней политике, давит непомерным грузом на плечи налогоплательщика, было бы преступно сейчас, в условиях глубокой инфляции, смотреть на это сквозь пальцы и сокращение военных ассигнований если и не панацея от всех бед, то, безусловно, реальный и возможный резерв выправления донельзя искривленного позвоночника нашей экономики.

В. ЕРОХИН.— Надо было видеть, с каким упорством ведомство оттирает потускневшую медь своего престижа. И приемы при этом, увы, использует не всегда чистые. На втором Съезде народных депутатов СССР мы вместе с учеными представили проект концепции военной реформы. Подписанный двадцатью военными-депутатами, он был сдан в секретариат и согласно утвержденному регламенту должен был распространяться как официальный документ. Далее происходит что-то не совсем понятное. Документ исчезает. После наших многочисленных атак на секретариат нам говорят: ваша программа, товарищи, изучена, но есть рекомендации ее не публиковать и не распространять. Мы все-таки добились встречи с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым. Он поддержал нас, публично провозгласив, что в концепции военной реформы есть интересные мысли и что сегодня необходимо прислушаться к мнениям как старших, так и младших. Затем мы получили экспертную оценку — своеобразный анализ концепции, сделанный научными работниками Министерства обороны и Генштаба, в числе которых философы, экономисты, социологи, историки. В большинстве положений программы есть заключение: следует согласиться. Все это вселяет надежды.

В. ЛОПАТИН.— В чем главная идея концепции военной реформы? Проект предусматривает поэтапный переход на регулярную профессиональную армию меньшей численности и основанную на добровольной основе вступления в ее ряды. Наша сегодняшняя внешнеполитическая позиция

ни у кого не вызывает сомнений в необходимости дальнейшего сокращения Вооруженных Сил. Кроме того, в последнее время наметилась последовательная линия возвращения советско-воинского контингента в рамки национальных государственных границ СССР. Да и расчеты показывают: качественный уровень профессиональных армий западных стран более выигрывает по сравнению с нашей.

А. ЦАЛКО.— Когда мы пытаемся определить статус профессиональной армии, нас неизменно поправляют — наемной. Но так ли это? Маленький пример: один танк стоит сейчас почти миллион рублей. А кто его эксплуатирует? Мне, например, известен случай, когда танковый полк через час после выхода из парка встал намертво. В машины поставили новые двигатели, и молодые, неопытные, а главное, как следует необученные и неподготовленные водители их запороли. Эксплуатация техники в Вооруженных Силах — это львиная доля расходов. В существующей практике срочной службы солдат только через полтора года после призыва в армию получает какие-то первоначальные профессиональные навыки, но это уже происходит в момент, когда у него преобладают «дембельские настроения». С современной сложной техникой разговор на «ты» невозможен. От неумелого с ней обращения наряду с другими причинами ежегодно в армии гибнет примерно четыре тысячи военнослужащих. И это в мирное время. Вывод комиссии, рассматривавшей случай катастрофы и гибели подводной лодки «Комсомолец», был однозначен: подобную технику за такой короткий срок срочной службы солдат освоить не может. Недавно опубликованы данные, что число аварий и катастроф среди водителей военных автомобилей по стране в два-три раза выше, чем среди гражданских.

Другая сторона медали. Как правило, у нас военные летчики уходят в отставку в возрасте 35—37 лет, у американцев же в 46. Дело в условиях жизни и работы, которые созданы тем и другим. А ведь подготовка и обучение летного состава обходятся в миллиарды рублей. Что же выгоднее государству: все время держать в напряжении дорогостоящий конвейер обучения или создать офицеру такие условия, при которых он бы охотно служил до возрастного предела? Безусловно, это касается и воинов других родов войск — танкистов, артиллеристов и т. д.

Почему-то именно армия игнорирует экономическую обстановку в стране. Например, с 1 января нынешнего года на хозрасчет перешли не только промышленные предприятия, но и целые регионы, территории, республики. А это означает, что за каждое отвлечение людей на военные сборы надо платить деньги. Вопрос: из какого кармана? Проблема переходит в практическую плоскость, а пути ее решения не определены. Нельзя сбрасывать со счетов и демографическую ситуацию. Американские социологи подсчитали, что к 2000 году половинную численность нашей армии составят выходцы из Средней Азии и республик Закавказья. Возможен ли ее высокий качественный уровень, когда существует языковой барьер между командирами и подчиненными?

Беседуя с солдатами, я не раз задавал им вопрос, на какой месячный оклад они хотели бы рассчитывать за добровольную службу в армии. Ответы были разные — сумма в зависимости от родов войск колебалась где-то от 300 до 500 рублей, но были и такие, которые говорили, что не хотят быть в военном строю ни за какие деньги. Такой настрой тоже надо учитывать, если говорить о боеспособности армии серьезно.

КОРР. — Признаться, все, что вы говорите, не совсем укладывается в голове. Примерно месяц назад начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. Д. Лизичев, отвечая на вопросы военного отдела «Правды», утверждал, ссылаясь на В. И. Ленина, что во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь, что формирование и укрепление морально-политического состояния, духа войск — это не стихийный процесс, а результат целенаправленной партийно-политической и политико-воспитательной работы... А вы о каких-то рублях и окладах?

О. БОЧКОВ. — Создание армии должно исходить из взглядов на характер, ход и исход войны. Какая цель у нашей армии? Вряд ли она будет завоевывать какие-то территории и кого-то убеждать в преимуществе социалистического строя. Она должна быть готова к обороне — не более того. Поэтому в свете новых политических подходов, в условиях снижения военной опасности и изменения военных доктрин и стратегий должны существенно измениться и идеологические взгляды на Вооруженные Силы. Обеспечить эффективное руководство всей сферой обороны можно только при условии подконтрольности военного ведомства высшим государственным выборным органам и обществу в целом при полной гласности и предельно возможной открытости. В конце концов каждый гражданин СССР должен быть лично заинтересован в качестве своей армии. Но, отдавая свой кровный рубль на нужды ее содержания, он должен быть твердо уверен, что эти деньги будут использованы по назначению, что они действительно направляются на финансирование военного строительства в соответствии с уровнем реальной опасности и оборонной достаточности. Как мы все устали от пустых мертвых деклараций, от которых никому ни жарко, ни холодно... О каком, извиняюсь, высоком морально-политическом ратном духе может идти речь, если вопрос касается измордованного «дедовщиной» солдата или офицера, чья семья ютится в неблагоустроенном, малоприспособленном для жизни общежитии. Сколько можно наводить тень на плетень этой звонкой словесной трескотней!

А. ЦАЛКО.— Политорганы превратились в консервативный пласт армии, мучительно цепляющийся в новых условиях за дух старых времен. Непомерно раздутые — сегодня на три-четыре офицера в роте приходится один политработник,— они и формируются по принципам, весьма далеким от современных демократических реалий. Жизнь подсказывает, что политическое управление должно отказаться от своего монопольного права быть безоговорочным руководителем и контролером армейской жизни. Право на народное признание, возрождение авторитета и престижа надо завоевывать. Оптимальный вариант, подсказанный временем,— необходимо решительно сократить число и штат политорганов, узаконить их выборность снизу доверху, переориентировать всю работу на возвышение личности воина и его социальной защиты.

КОРР.— Кстати, еще о недавнем интервью А. Д. Лизичева «Правде». Вчитаемся внимательно в ту часть, где начальник ГлавПУРа рассказывает о политических структурах, существующих в различных армиях мира, в частности о том, что в армии США на формирование морального духа военнослужащих влияет целая система морально-политической подготовки, в которую прежде всего входят службы по связи с общественностью и военные священники. Если эти институты на общественных началах способны гуманизировать армию, изменить положение личности военнослужащего, консервативно-замкнутый характер внутриармейских порядков и уклада казарменной жизни, если они могут обеспечить гражданское полноправие военных и создать конкретные механизмы защиты их личности, то, естественно, возникает вопрос, а зачем нам нужен дорогостоящий аппарат политработников, созданный на бюрократической основе, оторванный от жизни, во многом дублирующий командные и штабные инстанции.

В. ЛОПАТИН.— Никто не спорит против единоначалия в армии, но, дабы пресечь амбициозный раж некоторых не в меру ретивых командиров, оно должно осуществляться на правовой основе. Военная реформа и предусматривает пересмотреть в комплексе все существующие ныне законодательные акты, уставы, положения и инструкции с целью создать в многонациональных воинских коллективах подлинно социалистические, демократические отношения, обеспечить здесь здоровую, нравственную и психологическую атмосферу.

Для этого прежде всего надо снять закрытость с вопросов военного строительства, сказать всю правду о состоянии обороны, о том, что сейчас происходит в войсках, и вместе с народом обсудить жгучие проблемы армейской жизни. Это главная идея перестройки. Бюджетные ассигнования на новую профессиональную армию можно изыскать за счет значительного сокращения вооружений, численности личного состава Вооруженных Сил, количества военно-учебных заведений. Жизнь потребовала разработки оптимальной, экономной системы подготовки военных кадров, изменения штатно-должностной структуры органов управления и более широкого применения в армии гражданских специалистов. Будем решительны и вот в чем. Необходимо ликвидировать теневую военную экономику и дорогостоящие привилегии для высокопоставленных начальников.

Переход на профессиональную армию мы предлагаем осуществить поэтапно, начиная с ракетно-ядерных стратегических и десантных сил (ВМФ, ВВС), затем сухопутные войска и противовоздушная оборона. Для подготовки резервов можно использовать формы территориально-милиционной системы на базе учебных подразделений ДОСААФ. Новая организационно-штатная структура Вооруженных Сил, предусмотренная реформой, позволит обеспечить совершенствование подготовки войск к ведению боевых действий, исключить их применение для несвойственных им функций, ликвидирует как трудовую армию военно-строительные и железнодорожные войска.

Армия больше не может существовать как государство в государстве. В ее управление должно быть вовлечено все общество. А высшее руководство этой сферой необходимо отдать Съезду народных депутатов СССР, Верховному Совету СССР и правительству. Им определять все вопросы строительства, расходы военного бюджета и подготовки Вооруженных Сил.

Мы целиком поддерживаем мнение Михаила Сергеевича Горбачева, высказанное им в докладе на последнем Пленуме ЦК КПСС. Отношение к Советской Армии, ратному делу солдат и офицеров действительно должно быть правдивым и уважительным. «Но это,— как добавил он,— не снимает того, что и вопросы функционирования нашей армии должны быть предметом демократического обсуждения в обществе». Именно такого обсуждения добиваются офицеры — народные депутаты СССР.

Беседу за «круглым столом» вел Александр БОЛОТИН

АРМИЯ СТРАНЫ, АРМИЯ НАРОДА

В. МЕДВЕДЕВ,
доктор технических наук,
профессор,
лауреат Государственной премии СССР,
генерал-майор

Начну, как я считаю, с главного. Правомерна ли такая постановка, такой подход, который вынесен академиком Г. Арбатовым в заголовок статьи «Армия для страны или страна для армии?»? Однозначно, что нет. Ведь если исходить из этой посылки, то и в том, и в другом случае нужно как бы провести черту, по одну сторону которой окажутся Вооруженные Силы, а по другую — наш народ. Я бы сказал даже не только о ненужности, но и о вредности такого противопоставления.

Видимо, нет особой необходимости приводить здесь данные по социальному составу армии. Всем известно, что как кадровая ее часть, так и переменный контингент — все до единого выходцы из трудового народа, связаны с ним и духовно, и кровно, а значит, и не могут иметь каких-либо особых интересов, отличных от интересов нашей страны.

Если же идти от противного, тогда не составит особого труда обвинять армию в субъективизме при оценке степени военной угрозы, во всех экономических трудностях государства, которые увязываются с чрезмерными аппетитами генералитета и оборонной промышленности, в неправильном понимании военными принципа разумной достаточности и других смертных грехах.

Попробую высказать свое личное понимание затронутых вопросов, адресуя его не только академику Г. Арбатову.

Начнем с оценки степени военной угрозы. Для меня, как человека военного, вполне очевидно, что наша страна,

В последнее время печать, радио и телевидение уделяют армии значительное внимание. И это правильно, так как широкий обмен мнениями способствует ликвидации застойных явлений, устранению тех перекосов, которые были допущены в предыдущие годы, в том числе и в области оборонного строительства.

В своей статье наряду с другими мне хотелось бы рассмотреть ряд подходов к вопросам безопасности и оборонного строительства, высказанных академиком Г. Арбатовым на втором Съезде народных депутатов СССР и, в их развитие, на страницах пятого номера журнала «Огонек». Это объясняется не только тем, что уважаемый Георгий Аркадьевич коснулся узловых проблем, вокруг которых идет дискуссия и которые неоднократно муссируются авторами различных публикаций, но также и тем, что, по существу, затронуты сами основы, глубинные связи армии и народа.

в том числе и армия, имеет достаточно возможностей для получения полных данных не только об истинном состоянии военных потенциалов каждого отдельно взятого капиталистического государства, но и о перспективных планах их военных союзов. Поэтому заподозрить в необъективности и некомпетентности военных трудно.

Не могу полностью согласиться с утверждением о том, что новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности. Совершенно очевидно, что пока отодвинута лишь угроза развязывания мировой, в первую очередь ядерной, войны ввиду осознания обеими сторонами ее бессмысленности и катастрофических последствий для существования цивилизации на Земле. Но сама военная опасность, обусловленная противостоянием мощных военных группировок, оснащенных самым современным оружием, к сожалению, пока еще является главной составляющей этого понятия и не дает особых оснований для благодушия.

Возьмем общее соотношение по основным параметрам вооружений. В целом, как признано обеими сторонами, существует примерное равновесие. Однако имеют место и дисбалансы, диспропорции. В свое время академик Г. Арбатов вполне логично объяснял это тем, что каждая сторона шла в создании стратегических потенциалов своим путем с учетом уровня технического развития, возможностей экономики и др. Все это и породило известные асимметрии. И с этим трудно не согласиться. Что же изменилось сейчас?

Вы, Георгий Аркадьевич, акцентируете внимание на цифре в 64 тысячи танков у нас (большая половина которых, кстати, выпущена 20 и более лет назад). Согласен, здесь наше превосходство почти двукратное. Однако Вы не замечаете превосходства НАТО над ОВД в Европе, например, по ударным самолетам тактической авиации (в полтора раза) и подавляющего превосходства в военно-морских силах (по крупным надводным кораблям — в 5 раз, по кораблям с крылатыми ракетами — почти в 12 раз).

Или возьмем военные бюджеты сторон. Утверждение о том, что США кардинально снижают объем ассигнований на оборону, по меньшей мере преждевременно. Вы в своей статье приводите данные официальной статистики по «бюджетным полномочиям» МО США в 1985—1989 годах. Если же взять расходы непосредственно МО США за этот же период, то картина получится иная, и она свидетельствует о другом. По официальным американским источникам, расходы МО составили в 1985 г. 245,4; 1986 г.— 265,6; 1987 г.— 274,0; 1988 г.— 281,9; 1989 г.— 294,9 (на январь 1990 г.) млрд. долл. Как говорится, комментарии излишни.

Что касается Советского Союза, то его военные расходы должны обеспечивать поддержание военно-стратегического равновесия на уровне разумной достаточности. А это значит, что перед нашей страной стоит более трудная задача — достичь указанной цели меньшими средствами.

Стратегическое равновесие определяется прежде всего примерным равенством боевых потенциалов военных группировок, а они, в свою очередь,— потребными расходами на разработку, создание и закупку вооружения и военной техники. Американцы в 1990 году на эти цели запланировали израсходовать 115,7 млрд. долл., мы — 44,2 млрд. руб. Цифры говорят сами за себя.

Мы были бы очень благодарны нашим оппонентам, если бы они подсказали нам, как обеспечить надежную оборону страны при сокращении военных расходов в 1,5—2 раза, что намечено сделать к 1995 году.

Можно привести и другие доводы, которые пока удерживают нас от излишнего оптимизма в оценке степени военной угрозы для страны и наших союзников.

Наши предложения о снижении уровня военного противостояния, а также практические шаги по уменьшению военных расходов известны. В частности, утвержденные ассигнования на оборону на текущий год в сумме 70,9 млрд. руб. на 8,2 процента ниже уровня 1989 года. Однако, принимая односторонние меры по разоружению, мы все же за то, чтобы этот процесс развивался на взаимной основе.

Вторая группа проблем, на которой следует остановиться, связана с упреком, высказанным товарищем Г. Арбатовым, в том, что у нас «маршалы и генералы, с одной стороны, и генеральные конструкторы из военной промышленности — с другой, получили полную свободу рук, стали бесконтрольными».

В развитие этого ставится вопрос: «Кто же и на основе каких законов должен у нас руководить Вооруженными Силами, устанавливать в них порядки, выделять им военные ассигнования и все это проверять?»

Давайте порассуждаем вместе. Механизм принятия решений, связанных со строительством, развитием Вооруженных Сил, а тем более их использованием как вне, так и внутри государства, известен. Можно говорить о его несовершенстве, негибкости и т. д., но он есть и существовал всегда. В недавние времена этим правом обладал узкий круг политических руководителей, который не советовался не только с народом, но и с Верховным Советом, не всегда учитывал и мнение военных. Сейчас, на этапе перестройки, без решения высших органов государственной власти ни один важный масштабный вопрос не может быть реализован. Однозначно, что маршалы и генералы никогда не обладали правом на какие-либо вольности в прошлом, не обладают им теперь и не будут иметь такого права тем более в будущем.

Следующий вопрос — существует ли у нас лоббизм, представителями которого академик Г. Арбатов уверенно называет всех членов Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности? Согласно краткому политическому словарю (издание четвертое, дополненное, 1987 г.), «лоббизм — термин, обозначающий разветвленную систему контор и объектов крупных монополий или организованных групп при законодательных органах США, оказывающих давление (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников с целью принятия решений... в интересах представляемых ими организаций».

Можно на этом поставить точку. Однако хочется добавить, что в журнале «Новое время» № 47 за 1987 г. Георгий Аркадьевич утверждал нечто обратное: «Иногда говорят: но в СССР тоже есть военные и военная промышленность. То есть тот же военно-промышленный комплекс. Я с таким мнением не согласен. Наша армия и оборонная промышленность не представляют собой силы, которая имеет свой собственный интерес, противоположный национальным интересам».

Нельзя обойти стороной и отношение военных к сокращению армии. По утверждению академика Г. Арбатова, выступая на Съезде, он предвидел, что его «предложения о более радикальном сокращении военных ассигнований получат отпор со стороны представителей военного командования».

В отличие от Г. Арбатова меня не удивляют выступления ни адмирала Чернавина, ни генерала Овчинникова. Во-первых, потому что они знают об армии не понаслышке, во-вторых, не менее горячо принимают к сердцу обсуждаемые вопросы, в-третьих, было бы более странным, если бы они промолчали и не вступили в дискуссию. В этом их прямой гражданский долг.

Как известно, оборонное строительство осуществляется в соответствии с требованиями современной советской военной доктрины и ее главного принципа — разумной и надежной достаточности для обороны. В решении этой важной задачи прямое участие принимает Министерство обороны и его главный орган — Генеральный штаб. Кроме того, военные эксперты являются непременными членами советских делегаций на переговорах в Вене и Женеве. Таким образом, если бы военные были против радикальных сокращений Вооруженных Сил и вооружений, их роль в преобразовании армии была бы не столь заметной и решающей.

Я согласен с академиком Г. Арбатовым, что объем военных расходов напрямую связан с общим состоянием и развитием экономики страны, с социальной сферой жизни народа, так как вместе с ним мы ощущаем на себе все трудности экономического положения. Однако и здесь необходимо правильно расставлять акценты.

Во-первых, военные не только не имеют преимуществ в социальных благах, но и по ряду показателей находятся на нижнем уровне их потребления. Остро стоит вопрос с обеспечением жильем. На 1 января 1990 года число бесквартирных семей военнослужащих составило около 180 тысяч. И этот показатель не только не снижается, но и ежегодно будет возрастать в связи с сокращением Вооруженных Сил и предстоящим выводом советских войск из стран Восточной Европы.

Упрек в адрес товарищей Язова, Моисеева, Чернавина и других военных руководителей за такое положение просто некорректен. Если бы Вооруженные Силы прекратили заниматься своим прямым делом и занялись строительством, вопрос с жильем был бы решен в течение ближайших нескольких лет. Но ведь каждый должен заниматься своим делом. Жилищная проблема является общегосударственной и решаться должна прежде всего советскими органами, которые недодали Министерству обороны за четыре года текущей пятилетки около 100 тысяч квартир.

Не лучшим образом дело обстоит с размером окладов военнослужащих. Наконец-то признано, что офицер, владеющий современной дорогостоящей военной техникой, получает не больше водителя автобуса или трамвая при несоизмеримо более высокой степени ответственности и интенсивности своего труда.

Решение этого вопроса за счет только внутренних резервов Министерства обороны нельзя признать целесообразным, так как его статьи расходов и так определены минимальными потребностями обеспечения обороны и не могут быть снижены без ущерба для решения этой важной государственной задачи.

Во-вторых, корень все-таки в эффективности самой экономики. От этого напрямую зависит и качество производимой военной техники, за счет чего может быть обеспечена надежная оборона в условиях сокращения общей численности Вооруженных Сил.

На этом можно было бы и закончить. Затрагиваемая область имеет много и других не менее важных оттенков, каждый из которых может служить отдельной темой для обсуждения. Военные будут признательны всем, кто и в дальнейшем примет участие в дискуссии, и считают, что закрывать этот вопрос окончательно еще рано. Деловой и конструктивный диалог, а не противопоставление армии и народа — вот та здоровая основа, которая поможет нам всем в правильном решении стоящих перед советским обществом задач на данном историческом этапе нашего развития.

За все долгие годы, что шла кровавая война в Афганистане, мы знали о ней до обидного мало, и первым, кто пытался сказать о ней честное слово правды, приходилось непросто. Во-первых, следовало добыть эту утаенную от мира правду, что было возможно лишь через собственный опыт, осмыслить ее собственным умом и осветить незаемным светом собственной совести. Иного способа не существовало, и этот единственный был чреват многими сложностями. Тем большая честь и хвала подлинным труженикам пера, которые решились на это. Среди них первое место по праву занимает огоньковец Артем Боровик.

И совершенно неудивительно, что газета СП РСФСР «Литературная Россия» в одном из своих последних номеров набросилась на «Спрятанную войну» А. Боровика. Перед автором статьи в «ЛР» была, судя по всему, поставлена задача: любыми способами дискредитировать журналистов, пытающихся разобраться в причинах афганской авантюры, и тем самым вывести из-под удара истинных виновников трагедии. Газета с присущей ей ретивостью выполнила приказ. И как всегда — неуклюже, грубо, не брезгуя ложью и клеветой.

Что же касается А. Боровика, то его очерки в «Огоньке» о людях и военных делах в Афганистане заставили радостно вздрогнуть многие читательские сердца. Уже в первом из них поразила правда о том, как в годы всеобщего мира, среди гор далекой страны проливала кровь родная советская армия, как принимали смерть наши девятнадцати-двадцатилетние парни — нецелованные, недолюбившие, только-только вступившие в большую взрослую жизнь. Погибая и сами несли несправедливую гибель чужим, незнакомым людям, чинили разрушения, огнем современного «высокопроизводительного» оружия сметая с лица многострадальной земли целые поселения. Оказывается, все там было, на этой преступной войне: героизм и подлость, плен и карьеризм, алкоголь, наркотики, предательство и необузданная жестокость к чужим и своим, как и в обществе в целом. Ибо армия — лишь часть огромного государственного организма и не в состоянии быть свободной от того, чем чреват этот организм.

Повесть «Спрятанная война» являет собой одну из первых, весьма впечатляющих попыток открыть народу глаза на, может быть, самую затемненную страницу нашей новейшей истории, вскрыть ее сложную причинную связь, взглянуть на роль верхов, тайных и явных режиссеров и исполнителей этой беспримерной авантюры.

А «Огоньку» спасибо. Спасибо за журналистскую честность и несомненную гражданскую храбрость.

Василь БЫКОВ
Минск

В редакцию «Огонька» поступила копия письма полковника-«афганца» Ю. Т. Старова, сначала отправленного им в газету «Литературная Россия». Так как газета, судя по всему, не торопится печатать это письмо, мы предлагаем его нашим читателям. И надеемся, что «Литературная Россия» принесет свои извинения джелалабадским десантникам.

«СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ГАЗЕТА «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»

Уважаемый товарищ Главный редактор!

Прочитав статью «Преданная армия» А. Фоменко, не могу не выразить своего мнения, так как она затрагивает джелалабадский спецназ, а я имею к нему самое непосредственное отношение.

Не берусь оценивать художественные достоинства статьи. Лично от себя могу сказать, что статья мне во многом понравилась. Однако, ратуя за ответственность прессы перед читателем, за ее правдивость, за отсутствие в публикациях вранья и липы, в то же время должен сказать, что в данной статье много искажений действительности, неправды.

«...Представляю, как веселятся (или возмущаются?) те джелалабадские спецназовцы, что устраивали... «показуху» залетному корреспонденту...», «что никаких «боевых операций» не было», «...организовал показательную пальбу, своеобразную пионерскую «Зарницу».., с захватом липовых «трофеев».., сам бесстрашный «летописец» наблюдал свои «боевые заслуги» из вполне безопасного места...»

Все вышеперечисленное не соответствует действительности. Это самая откровенная ложь. Нам, поверьте, было чем заниматься: в Афганистане была война, а не показуха. А за «липовыми» трофеями пусть автор статьи обратится к тем мифическим персонажам, на чьи слова он так часто ссылается, не называя при этом их имен. У нас липы не было. Повторяю — мы воевали. И не следует нас походя оскорблять: не заслужили!

Что касается «безопасного места»

Фото В. Запорожченко

в засаде, то это утверждение вообще не вписывается ни в какие рамки, так как безопасных мест в Афганистане не было и до сих пор, к сожалению, нет. И никто не может определить, где будет тихо, а где жарко. В бою, как это часто бывало, за считанные секунды может измениться все: казавшееся безопасным место вдруг становится самым опасным, и наоборот.

Честно говоря, к джелалабадским спецназовцам приезжало много прославленных корреспондентов и известных писателей, но ни один из них не рвался побывать в бою вместе с нашими парнями. А для того, чтобы писать даже близко к истине, надо хотя бы один раз прочувствовать на своей шкуре, что это такое. А. Боровик это прочувствовал.

Я не знаю, кто этот старший офицер-спецназовец, который воскликнул: «Что Боровик?! На него же тогда напялили и каску, и бронежилет...» Могу вас заверить, что Артем Боровик был экипирован и вооружен так же, как и все другие участники боя.

По докладу командира группы старшего лейтенанта Н. Жерелина, сержантов и солдат, участвовавших в том бою, тов. Боровик вел себя и при подготовке к засаде, и на марше, и в бою достойно.

Таким образом, официально опровергаю имеющиеся в статье искажения реальных фактов.

Вы, как специалисты, имеете право критиковать литературные недостатки того или иного произведения, но нельзя искажать и подтасовывать факты. Я лично представлял к награде товарища Боровика. И считаю, что он заслужил ее.

В заключение хочу Вас спросить: почему все стрелы сегодня летят в тех журналистов, которые рисковали жизнью в Афганистане, а не в тех, кто так никогда и не осмелился побывать на той войне?

Настоятельно прошу опубликовать мое письмо в Вашей газете.

С уважением

командир джелалабадского спецназа полковник Ю. СТАРОВ

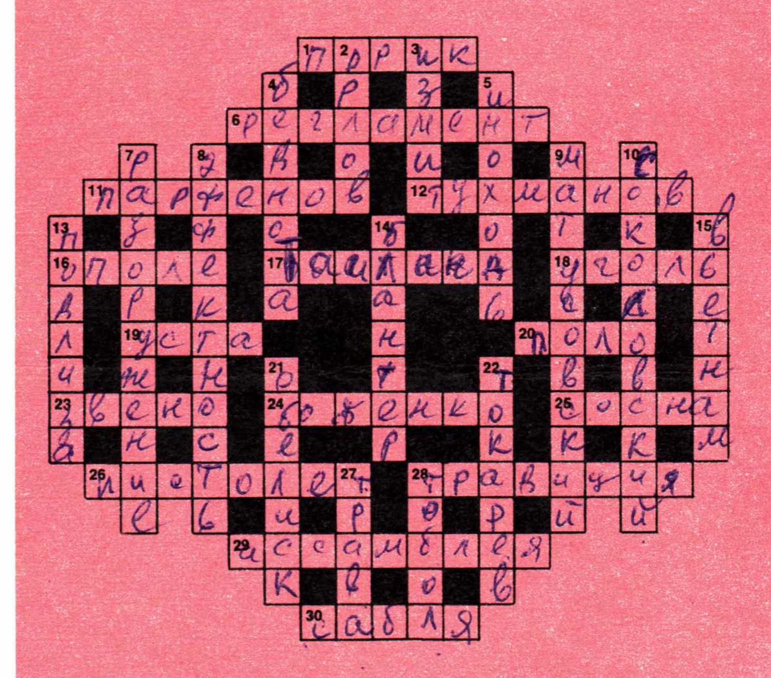
ОТ РЕДАКЦИИ. «Литературная Россия», помимо всего прочего, обвинила Артема Боровика в том, что в повести «Спрятанная война» он «ничего не говорит о деятельности израильтян в этой стране (Афганистане.— Прим. ред.) — и до, и после ввода советских войск...»

Мы поздравляем газету, первой обнаружившую истинную причину афганской трагедии: виноваты, понятное дело, евреи...

Так держать!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Лейтенант, Герой Советского Союза, участник движения Сопротивления во Франции. 6. Порядок ведения конференций, съездов. 11. Поэт, автор слов песни «По долинам и по взгорьям...». 12. Композитор, автор песни «День Победы». 16. Административный центр воеводства в Польше. 17. Государство на полуострове Индокитай. 18. Ископаемое твердое горючее. 19. Приток Ветлуги. 20. Спортивная игра с деревянным мячом верхом на лошадях. 23. Воинское подразделение в авиации. 24. Комбриг, герой гражданской войны. 25. Хвойное дерево. 26. Индивидуальное стрелковое оружие. 28. Передающееся от поколения к поколению социальное и культурное наследие. 29. Высший орган некоторых международных организаций. 30. Спортивное оружие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Советский флагман флота 1-го ранга. 3. Порт на Мраморном море в Турции. 4. Газета для крестьян и красноармейцев в годы гражданской войны. 5. Аллюр лошади. 7. Система мероприятий по уничтожению или сокращению средств ведения войны. 8. Свойство, производящее впечатление. 9. Поэт, автор слов песни «На безымянной высоте». 10. Маршал Советского Союза. 13. Стихотворение В. В. Маяковского. 14. Композитор, автор песни «Катюша». 15. Социалистическая республика на полуострове Индокитай. 21. Мемориальное сооружение в виде граненого столба. 22. Конструктор стрелкового автоматического оружия, Герой Социалистического Труда. 27. Зеленый покров Земли. 28. Приток Иртыша.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Чистосердечие. 9. Дума. 10. «Луна». 11. Северянин. 12. Навага. 15. Графит. 18. Цукат. 20. Метелица. 21. Внимание. 23. Норка. 24. Аншлаг. 27. Адывар. 30. Подъемник. 31. Темп. 32. Репс. 33. «Комсомольская».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Очаков». 2. Стрела. 3. Кедровка. 4. Беринг. 5. Рельеф. 6. Щукин. 8. Юннат. 13. Арбенин. 14. Горлица. 16. Ричмонд. 17. «Индиана». 18. Цицин. 19. Тонна. 22. «Проселок». 24. Ампер. 25. Шлюпка. 26. Глосса. 27. Ачинск. 28. Ветряк. 29. Рампа.

РЕКЛАМА В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СОЗДАСТ ПРЕСТИЖ ВАШЕЙ ФИРМЕ

THE ADVERTISING IN OUR MAGAZINE WILL GIVE YOUR FIRM PRESTIGE

200 000 ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА ЖИВУТ ЗА РУБЕЖОМ

200 000 SUBSCRIBERS LIVE ABROAD

НАШ ТЕЛЕФАКС:(095) 943-00-70

OUR FAX: (095) 943-00-70

40 коп. Индекс 70663